

Журнал творческой мастерской
«Московский салон литераторов»

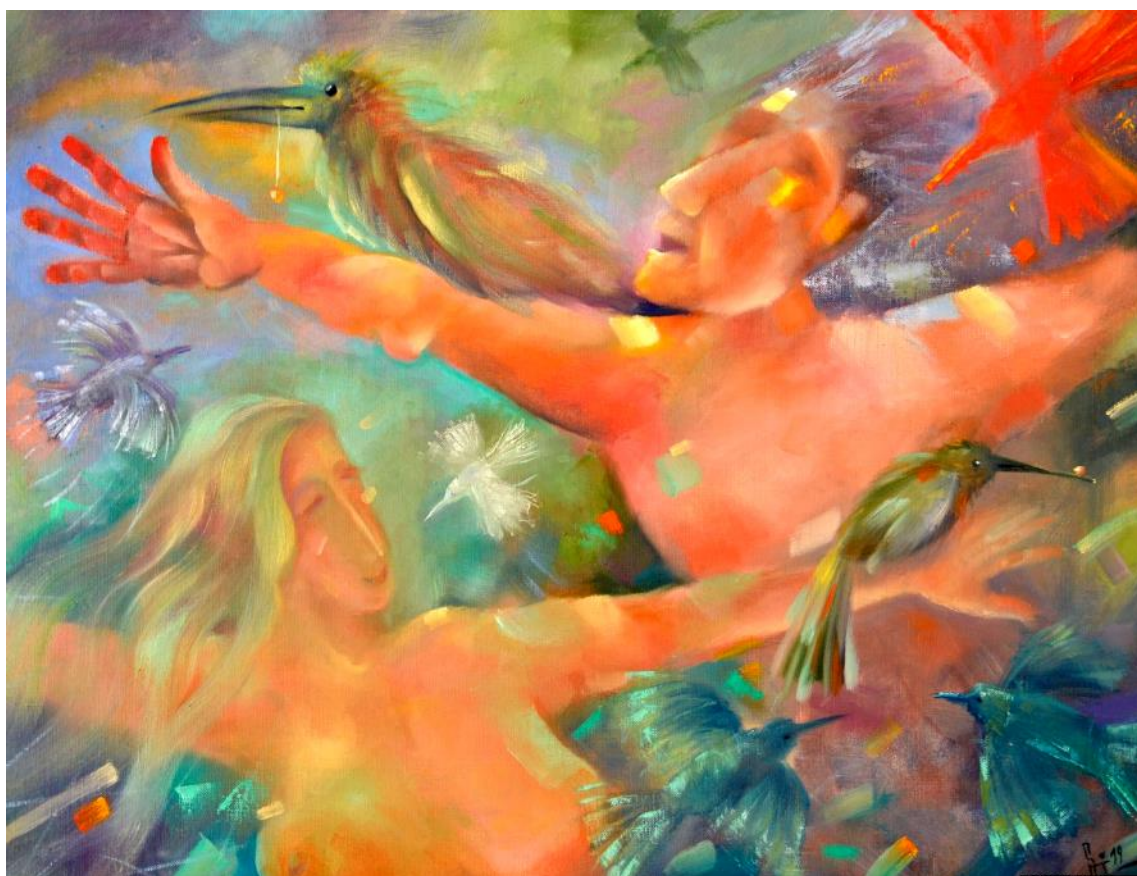
ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560 ISSN: 2782-1560

MOSBAZAR.MAG

№ 2 (37) 2021

МОСКОВСКИЙ BAZAR

МОСКВА, 2021

Об облаках, иллюзиях и перспективе

Каждый раз, когда лечу на самолете, удивляюсь разнообразию форм и оттенков, создаваемых матушкой природой из обычного водяного пара. Казалось бы, ну что можно придумать и слепить из обычных капель воды и кристаллов льда? Какое тут может быть разнообразие? Тем не менее облака всегда разные. То это гигантские горные ландшафты чистого белого цвета; или снежная равнина – кажется, заметишь на ней белого медведя и ничуть не удивишься; или пышные коробочки хлопка; а то вдруг под тобой оказывается музей под открытым небом, где собраны исполинские скульптуры невиданных существ; а однажды это были тонкие льдинки, плавающие по тихой поверхности необъятного океана, я даже видела сквозь них землю. Как-то раз подо мной простиралось огромное бугристое плато.

Оно имело границы, я хорошо видела, где плато заканчивается. Но за ним, чуть дальше и чуть ниже шло еще одно плато, и тоже имеющее границы, а за ним еще одно. Сверху это напоминало огромные ступени, висящие в голубом воздушном пространстве. Должно быть, великаны спускаются по этим ступеням в таинственные миры, а я просто пролетала над облачной лестницей.

Сверху облака выглядят плотными и ухоженными, словно их кто-то регулярно чистит и приводит в порядок. Там нет мусорных свалок, брошенных окурков, использованных пластиковых пакетов и бутылок. Это идеально чистое пространство. По крайней мере так кажется. А еще облака можно принять за огромный батут. Возникает полное ощущение, что если прыгнуть на них, то тебя отпружинит, подбросит вверх, и ты будешь кувыркаться, выполнять акробатические трюки или просто парить в свободном полете до бесконечности. Пока не надоест.

Но вот самолет начинает снижение, опускается все ниже и входит в облака. И ты вдруг понимаешь, что все эти прекрасные белые горные ландшафты, и снежные равнины, и таинственный музей скульптур под открытым небом – всего лишь иллюзия, обман. А на самом деле облака – это серая однотонная субстанция, довольно неприятная и недружелюбная. Она плотно обступает самолет так, что ничего не видно дальше крыла, заглядывает в глубь салона и сканирует каждого пассажира. Она знает все наши желания и чувства, она питается нашими страхами. Это мыслящая субстанция, *res cogitans*, от нее ничто не может укрыться. Мы полностью в ее власти. От нее зависит, пощадить нас или наказать. Хочется скорее пройти через этот мутный серый коридор и наконец увидеть землю.

И вот тогда ты отчетливо понимаешь, как коварна структура облаков. И это вовсе не батут. Если ты, обманутый этой феерической иллюзией, прыгнешь, то попадешь в серую муть, она расступится, а затем сомкнется над тобой, а ты будешь просто падать, пока не коснешься земли. И теперь уже над тобой будут плыть прекрасные белые облака, похожие на взбитые

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

сливки, или на диковинных существ, или на пушистые перины. Тихие, безмятежные, невинные и прекрасные.

В общем, все зависит от того, с какой точки ты смотришь на мир. Иногда иллюзия и реальность пересекаются, и на мгновение ты оказываешься в идеальном мире. Но это ненадолго. Потом приходится переместиться в одно из двух состояний – иллюзия или реальность. Вопрос в том, что именно ты считаешь иллюзией, а что реальностью. Мир, который мы видим вокруг, во многом нами же и придуман. И то, что одним кажется прекрасной снежной равниной, для другого просто холодное мертвое пространство.

Давным-давно, еще в пору юности, познакомилась я с одним человеком. Звали его очень по-русски – Иван Иванович. Был он мужчиной необыкновенно жизнерадостным и веселым. По праздникам любил выпить рюмочку водки, играл в шахматы, разгадывал кроссворды, очень любил свою подмосковную дачу, где все было сделано его руками, даже мебель. Жизнь ему представлялась удивительным приключением. Разумеется, его жена, Жанна, была самой красивой женщиной в мире, дети самыми талантливыми, собака самой умной. А вот жена Жанна придерживалась иной точки зрения, считала мужа человеком недалеким и не в меру доверчивым. Жизнь в ее представлении состояла из сплошных подлостей и гадостей – гиблое мерзкое болото. Люди все – подлецы и обманщики, сыновья – дундуки (именно так она их и называла), из которых ничего путного не вышло, ну а муж сущий дурак. Точнее – дурачок. Но при этом Жанна очень гордилась, что ее семья, исключительно благодаря ее стараниям, таки выплывает в этом мерзком болоте и не идет ко дну. И невдомек ей было, что пока она барахтается в болоте, ее благоверный супруг Иван Иванович живет на прекрасном острове. Так и прожили всю жизнь вместе: одной квартире, за одним столом обедали, в одной кровати спали, а на самом деле жили на разных планетах.

В общем, каким видеть мир, зависит исключительно от нас. Не нужно его идеализировать, мир несовершенен, как несовершенны и мы, бывают в нем и тревоги, и трагедии, впрочем, как и радости – большие и маленькие. В век великих потрясений трудно смотреть на мир сквозь розовые очки, но все же давайте попытаемся найти такой ракурс, с которого мир будет выглядеть как прекрасный остров, а не как отвратительное болото. Ведь при определенной игре света и тени и гадкое болото превратится в живописное озеро. А может, оно всегда и было живописным озером, просто мы не с той точки на него смотрели? Главное – найти правильный аспект.

Все-таки на мир стоит смотреть так, чтобы перспектива стала *перспективной*. И тогда можно смело прыгать на облаках, погружаясь в их мягкую субстанцию, бродить среди гигантских облачных скульптур, скользить по тонким небесным льдинкам и никогда не падать.

Главное – не потерять точку опоры.

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ

ИНТЕРВЬЮ

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЭЧХНЫ И ЕГО ДЕТИ

Специально для «Московского BAZARa»: интервью с художником Игорем Сидоровым. Беседу ведет журналист Светлана Куликова

6

VazART

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА. АЛТАРЬ ПАХЕРА В САНКТ-ВОЛЬФГАНЕ*

16

ПРОЗА

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- *КВАРТЕТ*
- *ЛЕТО В СТУКЕ КАПЕЛЬ*

КАМИЛА ГУСЕЙНОВА (Баку, Азейбарджан)

- *ПУАНТЫ, ПОСЛЕДНЯЯ ПАРА*

АЛЕКСАНДР ПОЛИКАРПОВ (СТРЕЛЬЦОВ) (Москва)

- *ИНОПЛАНЕТЯНИН*

27

40

45

65

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- *ДОЛГИЙ ПУТЬ ОДНОГО КИТАЙСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ*

82

ПОЭЗИЯ

ЛЮДМИЛА ВИШНЯКОВА (Москва)

ИРИНА ХАНУМ (Севастополь)

ЛЮДМИЛА СВИРСКАЯ (Прага, Чехия)

ВИКТОРИЯ СМАГИНА (Томск)

ВАЛЕРИЙ МАЗМАНЯН (Москва)

СЕРГЕЙ БАЛИЕВ (Ирбит, Свердловская обл.)

94

97

100

102

106

109

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

ОЛЬГА РЫБАКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- *ОБЪЕДИНИТЕЛИ*

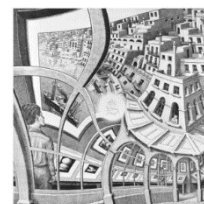

112

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- БАДЕН. ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИЯХ

114

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПЕТР ДУБЕНКО (МОССАЛИТ, Самарская область, с. Старая Балыкла)

- КУДА МЧИТ ЭШЕЛОН СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА?

119

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

ЕВГЕНИЙ СКОБЛОВ (Москва). Рассказы для детей

- КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО
- ОТЛИЧНЫЙ ПОВАР

ЕЛЕНА ДОЛГИН (Южно-Сахалинск). Стихи для детей

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВА (Королев). Стихи для детей

124

125

129

132

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Москва)

- ГОЛЛАНДИЯ. Продолжение

135

*В оформлении журнала использованы
репродукции картин М. Эшера, И. Сидорова;
фотографии из семейных и авторских архивов
С. Судариковой, К. Гусейновой, О. Рыбаковой, Е. Скоблова, З. Кокориной.*

*На обложке:
Игорь Сидоров. Люди и птицы.*

Журнал выходит в рамках проекта творческой мастерской «МОССАЛИТ»

Руководитель проекта *Ольга Грушевская*

Главный редактор *Светлана Сударикова*

Редактор-корректор *Ирина Чижова*

Художественный редактор *Ольга Грушевская*

Кураторы рубрик:

«Проза» – Светлана Сударикова, Всеволод Круж

«Поэзия» – Евгений Агуф, Ольга Уваркина, Алексей Казарновский

«Культурное наследие» – Ольга Грушевская, Светлана Сударикова

«Частная территория» – Светлана Сударикова

«Публицистика», «Голос прошлого – литературная критика» – Петр Дубенко

«VazArt» – Ольга Грушевская

«Записки на манжете» – Ольга Рыбакова, Ирина Чижова

«Детское чтение» – Зинаида Кокорина, Ольга Уваркина

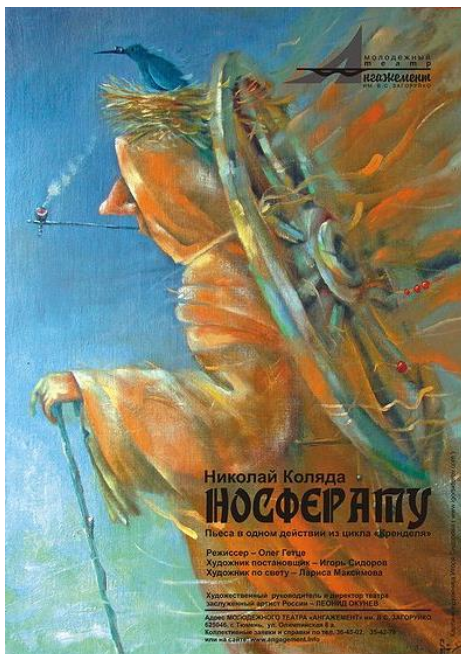
ИНТЕРВЬЮ

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ЭЧХНЫ И ЕГО ДЕТИ

Интервью с художником Игорем Сидоровым

Специально для МВ

Беседу ведет журналист Светлана Куликова

СИДОРОВ Игорь Геннадиевич – архитектор, художник, фотохудожник, радиолюбитель.

Участник многочисленных коллективных выставок в России и за рубежом.

В частных коллекциях, музеях и галереях находится более 800 живописных и графических работ Игоря Сидорова.

Родился 7 февраля 1960 г. в г. Норильске Красноярского края. Через год родители увезли ребенка на Северный Кавказ, в г. Моздок. Затем (1966 г.) семья переехала на Урал, в г. Краснотурьинск Свердловской области. Здесь Игорь окончил среднюю, музыкальную по классу фортепиано и художественную школы.

В школьные годы увлекся радиолюбительством и получил лицензию на радиостанцию UA9CQM (ex: RA9CFW). Ее позывные можно услышать на всех коротковолновых диапазонах и сейчас.

В 1985 году окончил Уральскую государственную архитектурную академию и некоторое время трудился главным архитектором г. Усть-Катав (Челябинская область),

затем художником в театре юного зрителя (Екатеринбург) и архитектором в мастерских художественного фонда России.

После развала СССР стал свободным художником.

Театральную деятельность начал в 1991 году с постановки кукольного спектакля «Диоген» в г. Моздок (Республика Северная Осетия). Спектакль стал лауреатом всероссийского фестиваля театров в Москве. Две куклы из этого спектакля переданы в Музей театра С. В. Образцова по его просьбе.

Оформил около шестидесяти спектаклей разного плана (драматические, детские, кукольные, эстрадные шоу) в городах России. Спектакль «Чемоданное настроение» (театр «Ангажемент», г. Тюмень) на Международном театральном фестивале в 2007 году в Екатеринбурге отметили как «Лучший спектакль для детей и юношества». Достижением считает спектакль «Носферату» по пьесе Николая Коляды, поставленный в театре «Ангажемент». Спектакль участвовал во многих театральных фестивалях и везде был отмечен за безупречную сценографию. На международном театральном фестивале в Ялте в 2011 г. получил Гран-при, обойдя театральные коллективы из девяти стран.

Толпе не нужен тысячелистник

Умереть не боясь, так надо

Мысли вслух

Занимался архитектурно-художественным проектированием освещения общественных зданий: госуниверситета, консерватории, домстроений архитектора Малахова и других строений в Екатеринбурге, а также в Первоуральске, в Нижнем Тагиле.

С 2012 года работает главным художником в Уральском государственном театре эстрады (Екатеринбург), где оформил более двадцати спектаклей для взрослых и десяти детских постановок.

Реставрирует иконы. Одна из ярких работ в области реставрации – восстановление тринадцати икон XIX века в концертном зале Мужского хорового лица (Екатеринбург).

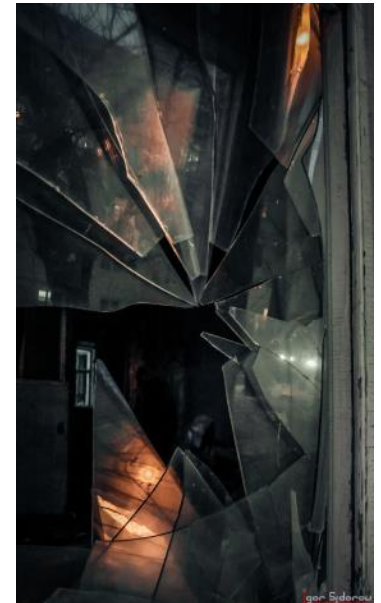
Весной 2016 года я занырнула глубоко в интернет в поисках иллюстраций к своему сборнику рассказов «Рояль в горах». Требовалось нечто ироничное, чуть даже гротесковое и при этом философское. Искала долго и безрезультатно. Уже почти отчаялась, как вдруг однажды поздним вечером случайно набрела на персональный сайт главного художника Уральского государственного театра эстрады Игоря Сидорова и восхитилась разнообразием и стилистикой его творчества. Просидела до утра, рассматривая картины, фото, костюмы, декорации, исполненные в неповторимой манере, с использованием разнообразных приемов и цветовых решений. Удивилась биографическим совпадениям: Игорь оказался моим земляком-екатеринбуржцем и выпускником того же архитектурного института, который десятью годами раньше него окончила и я. Отобрав несколько работ, я обратилась к автору с просьбой разрешить опубликовать их в сборнике. Мы встретились в Екатеринбурге, погуляли в центре на Плотинке, выпили кофе, полюбовались внезапно налетевшей грозой, а потом... Потом сидоровский «Дворник» в лихо заломленной ушанке застучал по клавишам на обложке «Рояля в горах», а над моим рабочим столом уравнивали друг друга гиря и воздушный шарик – один лишь взгляд на это грустное и одновременно смешное «Равновесие» возвращает мне утраченный было ироничный взгляд на жизнь. Философичные парадоксы отличают все работы Игоря Сидорова – живописные, графические, фотографические, театральные. При взгляде на них не покидает ощущение, что эти пейзажи и персонажи тебе уже где-то встречались... Возможно, не здесь, не в этой жизни, но встречались и... Почему-то кажутся знакомыми лица жителей загадочной страны Эчхны, придуманной художником...

Яблоко

Правда

Окно

– Наш свердловский архитектурный выпустил не только профессиональных архитекторов, но и таких известных личностей как музыкант Вячеслав Бутусов (заслуженный артист РФ, создатель рок-групп «Nautilus Pompilius», «Ю-Питер» и «Орден Славы»), режиссер Владимир Хотиненко (народный артист РФ), певица Анастасия Полева (автор песен, лидер рок-группы «Настя»), но ты – особый случай. У тебя охват шире: есть архитектурные проекты и театральные, живописные работы и графические, дизайнерские и фотографические. Какое из разных творческих направлений оказалось тебе самым духовно близким?

– Пять лет мне было, когда я принял участие в своей первой профессиональной выставке. Мама водила меня в изостудию, я там нарисовал картину «В цирке», и в 1965 году прошлого века ее отправили на Международную выставку детского рисунка в Таиланд, о чем есть официальный документ. А первый фотоаппарат попал мне в руки, когда я учился в третьем классе, то есть, в 10 лет. Примерно тогда же родители подарили мне видеокамеру, и я даже сам нарисовал и снял какой-то мультфильм. Вот так и началось всё, оттуда, из детства.

– **Тогда почему архитектурный, а не худграф, не ВГИК?**

– Я после школы еще не знал, что в Свердловске есть архитектурный институт и поступил в Уральский политехнический на радиофак, потому что еще и радиodelом занимался всерьез. А через год в газете увидел объявление о наборе на подготовительные курсы в архитектурный, где обещали учить рисунку и живописи. Бросил учебу, пошел туда и поступил в архитектурный. Почему не в художественное училище? Хотел сразу получить высшее образование.

– **Получил, но все равно архитектором не стал...**

– Ну да. Я защитился на «отлично», имел право выбрать себе любое распределение по своему желанию. Я выбрал самую большую зарплату – 180 рублей в месяц. Это была зарплата главного архитектора города Усть-Катав в Челябинской области. Как молодой специалист я обязан был отработать на этом месте три года, но... Тогда местные власти были... да и сейчас есть гнусные и противные. Я не мог с ними в одном болоте квакать. Я хотел строить город-сад так, как меня в институте учили, а меня заставляли строить так, как хотят городские вожакИ. Я с ними не соглашался, и меня очень скоро отпустили на вольные хлеба. Вернулся в Свердловск и стал работать сначала художником, потом заведующим художественно-декорационным цехом в Театре юного зрителя.

– **Пришлось переучиваться?**

Был дом

Время прошло

– Нет. У меня была большая практика живописца и бутафора, мне хватало. А потом у нас арендовал площадь известный художник Герман Иванович Метелев. Сейчас он уже на том свете, среди русских классиков, его называют уральским Леонардо. Тогда он был главой нашего Союза художников, делал в цехе ТЮЗа эскиз мозаики «Четыре времени года». Так вот, с его помощью я аккуратно перед перестройкой перебрался в Комбинат художественного фонда Союза художников РСФСР. Это были времена, когда труд художника ценился очень высоко. Если в ТЮЗе я зарабатывал 120 рублей в месяц, то в Комбинате худфонда не меньше тысячи. Но после перестройки заказов не стало и художники стали просто откровенно голодовать.

– **И ты с ними?**

– Конечно. А потом открылся первый художественный салон, и я начал сдавать туда свои работы на продажу. Появились небольшие деньги... Такая вот эволюция произошла: сначала были деньжищи, потом ничего, потом какие-никакие денежки...

– **Неужели живопись кормила?**

– Не сказать, чтобы от пуза. Покупали задешево, но часто. Удалось выжить в те сложные времена. Я снова оказался на вольных хлебах, в свободном полете. Писал картины, но еще сомневался, по правильному ли пути иду. Окончательный выбор состоялся после встречи с великим Мишей Шаевичем Брусиловским в Екатеринбургском музее изобразительных искусств в 1997 году. Там была моя персональная выставка «Поцелуй ангела», я тогда нарисовал и выставил что-то около шестидесяти картин. После открытия выставки на второй день я пришел в зал, такой наивный, думал, там толпа народа, а никого не было. И вижу, по лестнице поднимается Миша Брусиловский. Я его, понятно, знал, он меня, разумеется, нет. Он быстренько так пробежался по периметру зала, посмотрел картины. Я за ним наблюдал. И, уже входя в комнату к искусствоведам, он буркнул: «Наш человек!» Услышав от большого мастера такую оценку, я понял, что мой профессиональный выбор сделан окончательно.

– **Почему в отношении своей живописи ты употребляешь термин «красить картинку», фотоработы называешь «фотокарточками»? Это сознательный эпатаж?**

– Дело в том, что я не люблю пафос. Не люблю эту показную вальяжность, когда этак, сидя в кресле, говорят: «Я написал картину!». Я говорю: «Накрасил картинку»... Да, в общем, какая разница?! Главное – во все вкладывать *свой* смысл. Меня на протяжении всей жизни не волнует мнение окружающих...

Дети

Задворки

– Как так?! Разве можно совсем не реагировать на мнение публики?

– Можно.

– Даже когда хвалят? Неужели никаких приятных чувств не испытываешь?

– Кто хвалит? Самая главная похвала и самое важное мнение, это когда большой художник называет тебя «свой человек!» В это умещаются все дипломы, награды, звания... Ну, есть у меня «Грамота губернатора Свердловской области» за вклад куда-то там, валяется где-то. Лучше бы конверт с деньгами дали вместо этой бумажки. Нет, деньги чиновники себе оставят, а художнику грамоту дадут.

– Для фоторабот ты выбираешь странные места и ракурсы Екатеринбурга, снимки получаются очень выразительные, по каждому можно рассказ написать с завязкой, кульминацией и развязкой, но грустные. Специально отыскиваешь треш или, случайно наткнувшись, не можешь пройти мимо? Что так задевает тебя в екатеринбургских задворках?

– Я люблю ходить по городу, находить интересные ракурсы. У меня отличная техника, куча объективов, недавно купил себе на день рождения отличный маленький фотоаппарат, который можно в карман положить. Хожу-брожу, снимаю... В старых зданиях, в их архитектуре есть такая особенность: они еще на стадии строительства красивы, и когда в них уже живут люди – они тоже очень красивы, и в то же время они красивы, когда их покидают люди и они начинают разрушаться. Такое свойство у старой традиционной архитектуры. А современное строительство, это «стекло-бетон-железо», оно ужасно выглядит, и когда начинает строиться, и – за редким исключением – выглядит страшно, когда построено, а когда разрушается, вообще скелет жуткий стоит. Нет, я умею снимать гламурную тусовку, сам в нее вхож, но она мне не интересна. Мне интересны подробности настоящей, подлинной жизни на задворках: калитки, трубы, белье на веревке, ржавая колонка – в них судьбы людей, их истории.

– У тебя истории не только в фотокарточках. И в каждой живописной картине, даже в натюрмортах так много содержания, что по ней хочется написать рассказ! Полагаю, не очень много поклонников у такого рода искусства?

– Большинство моих работ покупают коллекционеры, потому что они не для интерьера. Повесить такую картину в комнате или в офисе с точки зрения современных архитектуры и дизайна будет, как говорится, ни к селу, ни к городу. Хотя однажды, лет десять назад, ко мне обратился очень богатый торговец бензином. Говорит: «Хочу купить несколько ваших работ» – и перечисляет картинку, которые я красил для себя. То есть я понимал, что их никто не купит,

Ангел в пути

Демидург

что они только для выставок и для себя, поэтому продавать совершенно не собирался. И вдруг этот человек тычет пальцем в эти работы, их было штук шесть-семь, и говорит, что хочет их купить. А я как раз был совершенно без денег, согласился, назвал сумму. Ну, поторговались немного, я скинул цену, а он дал денег на оформление. Потом я пришел к нему в офис за расчетом, смотрю, а все мои картинки там висят. Это было так неожиданно. И всего один раз.

– Ты никогда не вступал ни в какие творческие союзы, не примыкал к творческим объединениям, почему?

– А зачем? Что я буду от этого лучше рисовать, что ли? Это раньше, когда трудовой стаж шел и госзаказы поступали, важно было стать каким-нибудь членом. А после перестройки, когда отменили статью за тунеядство, смысла в разных членствах не стало, и сейчас я его не вижу. А потом мне позвонили из Театра эстрады и предложили должность заведующего художественно-постановочной частью, а затем ввели должность главного художника, и я до сих пор ее занимаю. Так сказать, совмещаю официальную работу и работу свободного художника и не чувствую необходимости куда-то вступить.

– Судьба живописца трудна, жизненный путь тернист, не возникает желания все бросить?

– Иногда появляется мысль, что лучше быть сантехником. Как хорошо было бы: починил кран, пришел домой, жене деньги отдал, и живи спокойно дальше!.. Я ведь могу красить картины под малых голландцев, выписывать пейзажики, человечков, но это же... Это уже не я буду. Мои коллеги, которые пошли по такому пути, мне потом говорили: я правильно сделал, что не стал себя ломать. Но не зарекаюсь, жизнь может повернуться другой стороной и придется согнуться ради заработка. У меня все-таки не самое плохое положение. Есть работа, зарплата. Свободные художники сейчас только те могут заработать живописью, кто пишет парадные портреты на заказ. Швондеров каких-нибудь рисуют. Или набирают студии обучения рисунку и живописи детей, взрослых. Не покупают сейчас картины ни за какие деньги, нет рынка. Я выставляю работы на продажу, но если что-то и покупают, то наброски за две-пять

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

тысяч. У тех, кому мои работы нравятся, нет денег. А богатые... Богатые часто просят подарить. Мне тут один миллионер как-то позвонил, подари, говорит, все равно никто не купит! Ф-ф-ф... С какой бы стати я стал ему такие подарки делать?

– Ты создал свою страну Эчна. Рисуешь ее пейзажи, портреты жителей... Откуда такая фантазия, и вообще, фантазия ли это?

– Как-то нарисовал мужика какого-то, совсем... ну... необычного, что ли... и думаю, как же мне эту картинку назвать? И вдруг это слово – Эчна – как будто прозвучало у меня в голове. Я его быстро записал, потому что часто забываю собственные мысли. Потом посмотрел в гугле – нет такого слова, совсем! Ну, вот так она и появилась, эта страна. Потом уже пейзажами обросла, жителями населилась. У меня выставка была, посвященная этому государству, называлась «Эхо Эчны». Меня тогда спросили, что это за страна такая и что за люди эчнейцы?.. Это было... Да, пять лет назад! Ох, как же быстро время летит!.. Понимаешь, это трудно объяснить, я же там как бы премьер-министр сейчас и... Не всех и каждого туда впускаю...

– Меня примешь? Можно мне там выделить ма-а-ленький участок с домиком под деревом?

– Можно. У меня там ни поборов никаких нет, ни ограничений, все люди добрые, красивые и друг друга уважают.

– Паспорт гражданки Эчны дашь?

– Паспортов там тоже нет.

– Хорошо. Посмеялись и ладно. Вернемся в Екатеринбург. Несмотря на светлую палитру, твои живописные работы жизнерадостными не назовешь, они скорее грустно-философичные, хотя грусть в них смягчена юмором. Это особенно отчетливо видно в графике, где краски не скрывают печаль, и в жанровых фото. Ты сам какой по натуре – грустный человек или веселый?

Пейзаж

Красный домик в заснеженном лесу

Деревья Эчхны

След в след. Эчхна

– Я всяким бываю. Могу и разгневаться. Но в основном, если судить по отзывам коллег, я человек добрый, хотя не компанейский балагур. Откровенный, ничего не скрываю и, как мне кажется, честный в своих работах.

– **В Театре эстрады, где ты работаешь, ощущается влияние современных тенденций? Работая над спектаклем, ты можешь, скажем, допустить обнаженку в костюме, то есть, отсутствие костюма, или чернуху в декорациях?**

– Нет, у нас чернухи и порнухи нет. Самый авангардный у нас Николай Коляда. Я с ним работал, но и у него чернухи нет. Мы вместе делали спектакль по его пьесе «Носферату», Коляда возил спектакль по стране и за рубежом, получал разные призы. В том числе и за мои костюмы и сценографию. Но меня на вручения не приглашали почему-то.

– **Коляду в Эчхну возьмешь?**

– Да. Ему там самое место.

– **По картинам дореволюционных и советских художников можно изучать историю страны, быт разных социальных групп... Скажем, суриковская «Боярыня Морозова» – эпохальное событие: и сюжет, и сама картина! Дейнека так писал свои производственные полотна – можно до деталей изучать профессиональные тонкости сталеваров, монтажников... Как ты думаешь, почему сейчас нет художников, которые отражали бы современность? Представляешь масштабное жанровое полотно: «Отжатие братками бизнеса у частного предпринимателя» или «Участие ОМОНа в рейдерском захвате завода»? Нет ничего подобного! И у тебя тоже все больше фантазийные сюжеты. В них есть эмоция, энергия души человека, но нет внешних обстоятельств события. Можно их додумать, конечно, но это не будет исторической правдой. Почему?**

– М-да. Насмешила. Не знаю почему. Наверное, все дело в отсутствии заказов на такие работы. Если бы заказы были, то нашлись бы и хорошие исполнители. Писали бы современные города с небоскребами, офисы, братков и депутатов на заседаниях.

– **Ты стал бы такие заказы исполнять?**

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– М-м-м-м... Скорее всего, нет. Хотя... Жрать захочешь, что угодно наклеишь.

– **Есть такое мнение, что художнику трудно найти свою музу. У тебя тоже не сразу личная жизнь сложилась. Как сейчас, есть рядом с тобой верная берегиня, или ты снова в поиске? Вообще, как ты считаешь, спокойная семейная жизнь и творчество совместны?**

– Когда меня спрашивают, есть ли у меня муза, я всегда отвечаю, что муза – это когда мне не мешают. Идеальная жена та, которая не лезет под кожу и не отвлекает от занятия искусством. Заниматься искусством – значит быть эгоистом. Мир творчества и мир быта – это два разных мира. Женщинам нужно внимание и деньги. Было бы у меня сейчас больше денег, нашлась бы и берегиня. Но история моей личной жизни показала, что женщины, с которыми я за свои шестьдесят лет встречался, женился, имел общих детей, рано или поздно уходили, но потом... Первая жена, моя ровесница, с которой мы сошлись и развелись еще в институте, она как-то сказала за себя, но как бы и за всех следующих моих жен: «Игореха, какая же я была дура, что ушла от тебя!» Женщины, когда уходят к другому мужику, они потом ведь сравнивают новую жизнь с прошлой, и, если в прошлом не было алкогольного или криминального ужаса, они всегда сожалеют и хотят вернуться. Мои прежние жены тоже все хотели вернуть наши отношения, но... Я на это не соглашался и не соглашусь никогда. Сам не изменяю ни женщине, ни искусству и другим измен не прощаю.

– **По-твоему, что главное в отношениях между мужчиной и женщиной?**

– Умение разговаривать. Не выяснять отношения, а слышать друг друга. У меня родня на Кавказе, я там в детстве часто проводил каникулы. Там было принято устраивать большие семейные застолья. Все беседовали спокойно, никогда не ссорились. Не было ни драк, ни разводов. Всегда можно договориться, если общаться без упреков и претензий.

– **Зато в каждом браке у тебя рождались дети – это же прекрасно. Ты с детьми отношения поддерживаешь?**

Афиша мюзикла «Лофт»

Королевство музыки

Рок-музыка. Концертный задник

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Конечно. С самой младшей, пятилетней Машей, вчера виделся. Другие уже взрослые, у них своя отдельная жизнь. Дети, которые всегда со мной, это мои работы – картины и театральные постановки.

– Ну, в этом смысле ты многодетный отец. Остается только пожелать тебе и в дальнейшем оставаться таким же творчески плодовитым. Удачи тебе, Игорь.

– Спасибо. И тебе. И авторам вашего журнала, и читателям.

Беседовала Светлана Куликова.

Дирижер

Минута тишины

BazArt

*Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)*

**ИСТОРИЯ ОДНОГО ШЕДЕВРА.
АЛТАРЬ МИХАЭЛЯ ПАХЕРА В САНКТ-ВОЛЬФГАНГЕ**

В небольшой церквушке в маленьком австрийском городке Санкт-Вольфганг (земля Верхняя Австрия), расположенном на берегу озера Вольфгангзее в окружении исполинских гор, хранится один из шедевров мирового искусства – створчатый алтарь¹, сделанный тирольским мастером Михаэлем Пахером. Этот алтарь так и называют: АЛТАРЬ МИХАЭЛЯ ПАХЕРА В САНКТ-ВОЛЬФГАНГЕ (Pacher-Altar (St. Wolfgang)). Алтарь интересен еще и тем, что это единственный полностью сохранившийся алтарь Пахера, тогда как другим работам мастера повезло меньше, сохранились лишь отдельные их части.

Михаэль Пахер (Michael Pacher) был выдающимся художником, резчиком и скульптором позднеготической эпохи. У Пахера была одна из самых передовых для своего времени мастерских, где он создавал различные алтарные работы. Родился он в Тироле в 1435 году, а умер в Зальцбурге, куда переехал за 2 года до смерти, в 1498 году.

Алтарь Пахера

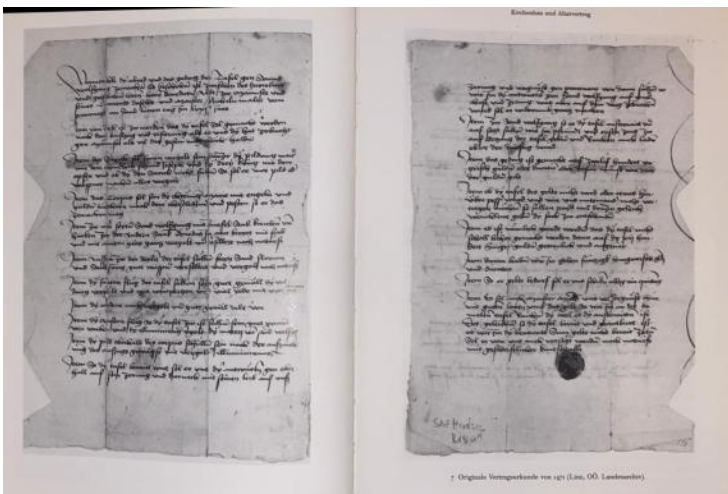

Церковь святого Вольфганга

¹ Створчатый алтарь – распространенный в Средневековье в странах Центральной Европы церковный алтарь, центральная часть которого при необходимости закрывалась специальными створками – крыльями, алтарь с двумя «крыльями» назывался триптих, если «крыльев» было 4 – пентаптих, если больше четырех – полиптих.

Коронация Марии. Центральная часть алтаря

Договор М. Пахера на создание праздничного алтаря для церкви святого Вольфганга.

Алтарь в Санк-Вольфанге представляет собой пентаптих с главной святыней – коронаванием Марии, двумя подвижными внешними и двумя подвижными внутренними крыльями. Высота алтаря составляет 10,88 метра, ширина при открытых крыльях – 6,60 метра. Алтарь включает 71 резную и узорную скульптуру и 24 картины. Материалом для изготовления алтаря послужили сосна и ель.

Итак, в декабре 1471 года тирольский мастер Михаэль Пахер направляется в Санкт-Вольфанг в монастырь Мондзее по приглашению аббата Бенедикта Экка для заключения договора на создание праздничного алтаря для церкви святого Вольфганга. Пахеру 36 лет, он уже зарекомендовал себя как хороший мастер, побывал в Италии и вдохновился работами скульптора Донателло² и художника Андреа Мантеньи³, однако он не настолько известен, чтобы для выполнения такого заказа пригласили именно его. Монастырь Мондзее в то время был одним из самых посещаемых паломнических мест, поскольку именно здесь проповедовал и построил церковь

святой Вольфганг Регенсбургский, один из трех самых почитаемых немецких святых. Монастырь богатый и может позволить себе сделать заказ у самых именитых мастеров. Аббат Бенедикт Экк выбирает именно Михаэля Пахера. 13 декабря 1471, в день святой Люции⁴, договор был подписан.

Этот договор сохранился и находится в архиве города Линца. Он написан на старом баварском диалекте и скреплен сургучной печатью монастыря с изображением архангела Михаила, убивающего дракона. Если сравнить этот договор с аналогичными договорами того времени, то в глаза бросаются несколько особенностей. Прежде всего то, что договор короткий

² Донателло – Донато ди Никколо ди Бетто Барди – Donato di Niccolò di Betto Bardi (ок. 1386 – 13 декабря 1466, Флоренция) – итальянский скульптор эпохи Возрождения, основоположник индивидуализированного скульптурного портрета.

³ Андреа Мантенья – Andrea Mantegna (ок. 1431, Изола-ди-Картуро, ныне в области Венето – 13 сентября 1506, Мантуя) – выдающийся итальянский художник раннего Возрождения, представитель падуанской школы живописи.

⁴ Люция Сиракузская – Santa Lucia (ок. 283 Сиракузы, Италия – около 303, Сиракузы) – раннехристианская святая и мученица, покровительница слепых.

Коронация Марии

Святой Бенедикт

– он уместился на половинке листа размером 30 на 32 см. В нем нет подробного описания всех деталей работы, не указан материал, из которого должен быть изготовлен алтарь, точная высота, нет подробного описания библейских мотивов, которые мастер должен изобразить на створках – только общие указания, в основном касательно центральной главной святыни (коронавание Марии), нижней части алтаря, так называемой пределлы (Predella)⁵, а также верхней части.

Основное внимание уделяется золочению или серебрению деталей, поскольку алтарь должен быть сделан «nach dem köstlichsten und besten so er das gemachen mag», то есть настолько великолепно и хорошо, как только мастер может. Всю одежду Марии и Иисуса, ангелов и другие элементы святыни необходимо хорошо позолотить. В пределе, в сцене поклонения волхвов, если останется место, мастер может поместить помимо Марии Иосифа и волхвов и другие фигуры, слева и справа алтаря нужно установить фигуры стражников – святых Флориана и Георгия. Особое внимание уделяется святым Вольфгангу и Бенедикту, которые также будут размещены в святыне, слева и справа от Марии и Иисуса. Они, разумеется, тоже должны быть хорошо позолочены или посеребрены и иметь присущие им атрибуты.

Выбор святых Вольфганга и Бенедикта неудивителен, поскольку Вольфганг был святым покровителем церкви, а Бенедикт святым патроном монастыря. О предпочитаемых святой братией евангельских сюжетах, которые будут изображены на створках, не сказано ни слова, только лишь указано, что все должно быть хорошо прорисовано хорошими красками и по необходимости также иметь позолоту.

Подобная практика заключения договоров в позднеготический период все же существовала. Мастер предоставлял заказчику уже готовый эскиз, так называемый Visierung, где были подробно изображены все детали будущей работы, размеры и материалы, сюжеты, и

⁵ Пределла (Predella) – нижняя часть многостворчатых алтарей, обычно вытянутая по горизонтали, выглядящая своеобразным пьедесталом. В средневековых и ренессансных католических храмах пределлы больших многостворчатых алтарей украшали росписью или рельефом. Иногда, как и другие части алтаря, имеет раскрывающиеся створки.

⁵ Больцано-Грис – район Больцано, столицы Южного Тироля в Италии.

Успение Богородицы

Рождение Христа

договор по сути превращался в пояснительный комментарий для Visierung и носил чисто информационный характер, поскольку в нем указывалась дата заключения договора, дата окончания работ и сумма, которую получал художник.

Что касается библейских сюжетов, которые использовали художники в своей работе, то для этого существовали специальные книги, где подробно прописывались каноны написания библейских сюжетов или тех или иных святых. В условиях, когда основная масса населения была безграмотной, это было важно, чтобы люди могли узнать святого по тому или иному атрибуту. Так, например, апостол Петр изображался с ключами, символизирующими ключи от рая, Иоанн Креститель с овечкой, святой Бенедикт с чашей и змеями. По этим атрибутам средневековый прихожанин мог легко узнать, кто перед ним.

Однако в договоре, заключенном с Пахером, все же есть любопытные особенности. К примеру, нигде нет упоминания о сроках окончания работ. Для позднеготического времени это достаточно странно, поскольку сроки играли огромную роль, а в Нидерландах не уложившимся в срок мастерам даже грозило тюремное заключение. И уж тем более не допускалось начинать новую работу, когда предыдущая еще не закончена. В случае с Пахером это не так. Известно, что на момент заключения договора с монахами из Мондзее он уже имел заказ на изготовление алтаря коронования Марии в Больцано-Грисе⁶ и закончить эту работу должен был лишь через четыре года. Это свидетельствует о том, что монахи из монастыря Мондзее и лично аббат Бенедикт Экк безоговорочно доверяли Пахеру и, вероятно, никого другого в качестве изготовителя алтаря видеть не хотели. Как известно, работа над алтарем св. Вольфганга продолжалась около 10 лет. Так что вполне оправданно предположение, что Пахер начал работать над алтарем св. Вольфганга только через четыре года, когда закончил работу в Больцано.

Таким образом, можно предположить, что, получив заказ, Пахер ехал в монастырь Мондзее, уже имея в голове представление, каким будет будущий алтарь. И не только представление, но и рабочий чертеж готового алтаря со всеми деталями. Об этом говорится в

⁶ Больцано-Грис – район Больцано, столицы Южного Тироля в Италии.

Превращение воды в вино

самом начале договора, где указывается, что готовая работа должна соответствовать представленному Visirung. К сожалению, этот документ не сохранился.

В договоре также указывалась сумма. За алтарь Пахер получал 1200 венгерских гульденов, или дукатов. Это достаточно большая сумма. Обычно алтарь в приходской церкви обходился заказчику в 300–500 гульденов, за алтарь в Больцано Пахер получил 450 гульденов. Но монастырь Мондзее благодаря паломникам был очень богат и мог позволить себе такие траты.

Итак, получив в качестве предоплаты 50 гульденов, Пахер отправился в свою мастерскую в Брунек, чтобы завершить работу над алтарем для Больцано и приступить к работе над алтарем для Санкт-Вольфганга. Обычно средневековые художники старались обзавестись мастерской поблизости от места заказа.

Это было связано с трудностями транспортировки, особенно если заказ имел большие размеры, но Пахер предпочитал работать в собственной мастерской. Именно поэтому в договоре особое место уделяется транспортировке готового изделия, и все связанные с этим проблемы и трудности возлагались на Пахера. Так, если какие-либо детали сломаются или испортятся, мастер обязан будет заменить их или устранить неполадки исключительно за свой счет.

Как уже было сказано выше, готовый алтарь Пахер представил монахам только через 10 лет. Работа была закончена в 1481 году, о чем свидетельствует надпись на нижней части рамы полностью закрытого алтаря. После этого алтарь предстояло транспортировать в целостности и сохранности и смонтировать в церкви. Это была поистине уникальная операция. Алтарь, разобранный на составные части, сначала из Брунека доставили в город Халльштадт, известный в средневековье не только своими соляными копиями, но и как важный торговый центр Тироля. Там его встретили братья монастыря Мондзее и уже по реке Инн довели до Брану. Это был достаточно затратный водный путь, но груз имел высокую цену и риск был оправдан. Оттуда по старой римской дороге через долину Маттиг, Штрассвальхен, Оберхофен, Ирсдорф, Мондзее алтарь доставили в Оберзее, в церковь святого Вольфганга. Все это время Михаэль Пахер сопровождал свое изделие.

Теперь предстояло его смонтировать и установить в церкви, собрать, как пазл. Для этого использовали известные тогда технические средства и привлекали различных мастеров, таких как плотники, кузнецы, столяры, краснодеревщики и другие ремесленники. Все детали, при помощи которых собирался алтарь, оплачивал заказчик. Работа, естественно, проводилась под строгим контролем мастера, поскольку всю ответственность за некачественно смонтированный алтарь нес именно изготовитель.

И вот тут Пахера ждал большой сюрприз – алтарь оказался на 60 см выше. Как могла закрасться в расчеты такая ошибка, теперь уже не понять. Для такого мастера, как Пахер,

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

имеющего за плечами изготовление не одного алтаря, это действительно кажется невероятным. Обычно такие казусы случались, если алтарь заказывался во время строительства церкви и был готов еще до окончания работ по возведению церкви. Но в случае с церковью святого Вольфганга это не так, церковь была построена и обновлена задолго до заказа у Пахера алтаря. Алтарь пришлось укоротить на 60 см. Мы так и не узнаем, отчего произошло это досадное недоразумение и что было на этих отсеченных деталях. С точки зрения общей композиции алтарь ничего не потерял и то, что он был укорочен, совершенно не заметно.

Стоит отметить, что Бенедикт Экк не ошибся, доверив работу Пахеру. Алтарь получился великолепным. Большую часть года он был закрыт створками и открывался для прихожан только по большим праздникам, таким, например, как день

святого Вольфганга, святого покровителя церкви. Остается только предполагать, какое огромное впечатление производил открытый праздничный алтарь, сияющий золотом, на прихожан.

Центральная часть – святыня, пределла и верхняя часть алтаря представляют собой скульптурную композицию, на створках же Пахер изобразил различные евангельские сюжеты. Алтарь Пахера можно смело назвать иллюстрированным Евангелием, своеобразным средневековым комиксом, где рассказывается обо всех основных евангельских событиях. В условиях Средневековья, когда подавляющее большинство жителей грамоте не учились, это было единственно возможным способом самому лично «прочитать» Священное Писание. Кроме того, Священное Писание существовало только на латыни, так называемая Вульгата⁷, а латынь в средние века была языком исключительно образованных людей.

На празднично открытом алтаре перед прихожанами представали картины из жизни святой Марии. На створках в пределле изображены сцены поклонение волхвов и бегство Марии и Иосифа в Египет. Центральная скульптурная композиция также является сценой поклонения волхвов младенцу Иисусу. И здесь хочется отметить, с какой достоверной точностью Пахер изображает одежду, дары, головные уборы и другие детали. Так, на волхве слева мы видим потрясающий богатый головной убор, указывающий на то, что этот волхв пришел с востока. Невозможно не обратить внимания на сосуды – волхвы держат в руках не символы, а настоящие чаши и кувшины, которые были тогда в ходу. Точно такие же сосуды сегодня можно увидеть во многих музеях мира. Это говорит о том, насколько Пахеру было важно воссоздать действительность, чтобы проходящий в храм прихожанин не просто смотрел

Христос и грешница

⁷ Вульгата – (лат. Biblia Vulgata «Общепринятая Библия») – латинский перевод Священного Писания, основанный на трудах Иеронима Стридонского.

Святой Вольфганг

Святой Бенедикт

на написанный сюжет, но и сопереживал и ощущал себя сопричастным.

Четыре «крыла» по обеим сторонам святыни также представлены сценами из жизни Марии. И вот здесь нас ждет настоящий сюрприз. Для готических изображений свойственно плоскостное пространство, в то время как Михаэль Пахер использует перспективу. Это абсолютно ново для его времени.

Очевидно, это влияние итальянской живописи, в частности Мантеньи, который уже использовал в своих работах перспективу. На тот момент

времени никто в Германии так не писал. Таким образом, алтарь Пахера становится неким переходным этапом от поздней готики к идущему ей на смену ренессансу.

Первая сцена повествует о рождении Иисуса. Мария с младенцем находится в хлеву среди животных, у нее нежное и трогательное лицо. Наклонившись над младенцем, она с умилением смотрит на него. По плечам Марии рассыпаны прекрасные волосы, руки молитвенно сложены.

Сцены из жизни святого Вольфганга

Картина не выглядит плоской, она объемна и наполнена воздухом. Животные не статичны, они словно в движении и кажутся необыкновенно реалистичными, хочется погладить осла по мягкой шкурке. А еще мы видим ангелов, с интересом наблюдающих сверху, где они устроились на деревянных балках. Вот один из них наклонился, и мы видим его пяточку, другой, сложив руки, внимательно смотрит вниз – Пахер не скупится на эмоции, это не холодная передача библейского сюжета, это живая история. А за спиной Марии убегающий вдаль город, узенькие улочки, прописанные в мельчайших деталях, тени, падающие от лежащих недалеко камней.

В следующей сценах мы видим сцену обрезания Иисуса. И здесь мы наблюдаем не только перспективу и объем, но и игру света и тени – за окнами помещения, где совершается обряд, сияет солнце. Тщательно написана и одежда проводящего обряд. Это богатая одежда, украшенная жемчугами и драгоценными камнями.

Сцены из жизни Христа

Далее Пахер изображает сцену, где младенца Иисуса приносят в храм. Мы видим Марию, Иосифа, держащего голубей, священника и прихожанку. В этой сцене Пахер исключительно точно прописывает детали, создавая удивительное ощущение присутствия, что довольно сложно найти в работах его современников. Это и ткань, которой закрыт алтарь: вышивка кажется удивительно натуральной; и роспись стен в храме, и даже свечи. На одной из них огонь слегка дрожит, словно от налетевшего сквозняка. В этой сцене мы видим, что Мария улыбается. Она счастлива.

И, вероятно, поэтому следующая сцена выглядит особенно печально – это сцена смерти Марии. На прекрасном золотом ложе она лежит, окруженная плачущими апостолами. Это окончание земной жизни Марии. Здесь тоже обращает на себя внимание та точность, с которой Пахер пишет одежду апостолов, особенно апостола Петра, кладущего в руки Марии свечу и читающего над ней книгу. Его плащ украшен жемчугами и драгоценными камнями. Именно эта дорогая одежда выделяет его среди других апостолов: как известно, апостол Петр был епископом и в католической церкви считается первым Папой Римским.

Центральная часть – святыня – повествует о коронации Марии. И вот здесь Пахер продемонстрировал все свое мастерство. В центре композиции в окружении ангелов – фигуры Марии и Иисуса. Мария изображена с прекрасными распущенными волосами, она девственница, поэтому ей разрешено ходить без головного убора, сверху над ними парит белый голубь – символ святого духа. И опять эта аккуратность и точность в деталях: ноты в руках поющих ангелов, потрясающе богатые одежды у Марии и Иисуса. Это не просто золотые плащи, полы которых поддерживают ангелы, это очень дорогие одежды с тонким венецианским орнаментом и богатой отделкой, зритель физически ощущает, какие они тяжелые. Слева большая фигура святого Вольфганга. В руках он держит свои символы – церковь и посох, справа святой Бенедикт. В руках у него посох и чаша со змеями, что символизирует

Искушение Иисуса Дьяволом

легенду об отравлении Бенедикта. Фигура Бенедикта интересна своей реалистичностью. Ее часто сравнивают с работами Донателло во Флоренции. Все, как и требовал договор, прекрасно позолочено. Таким образом Пахер завершает повествование о жизни Марии.

Святыня закрывается, и перед нами предстают 8 картин из земной жизни Христа. В верхнем ряду мы видим сцену Крещения; сцену искушения Иисуса Дьяволом; сцену превращения воды в вино и сцену, где Христос накормил народ пятью хлебами и двумя рыбами. Здесь, безусловно, также хочется отметить перспективу: перед нами объемные сцены с тщательно прописанными деталями. Интересен образ Дьявола. Если мы посмотрим на работы современников Пахера, то увидим, что Дьявола изображали, как правило, мифическим существом, довольно мерзким, с такими атрибутами, как копыта, хвост, рога, с головой чудовища или свиным рылом.

Так, например, на гравюре Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» мы именно таким и видим Дьявола – со свиным рылом и козлиной бородой. У Пахера Иисуса искушает человек, и только по рогам мы можем понять, что это Нечистый. Интересно, что в этой сцене мы видим готический средневековый собор, этим Пахер переносит события в современное ему время. В сцене превращения воды в вино на заднем плане виднеется красная фигурка идущего по лестнице человека, а дальше зарешеченное окно, в котором тоже кто-то виднеется. Это свидетельствует о том, насколько для Пахера важны все детали, а не только основная сцена и основные герои этого библейского сюжета. И это тоже создает эффект присутствия. Зритель словно попадает в помещение, где происходят события.

В нижнем ряду представлены евангельские сюжеты: Христос приходит в храм, и его хотят закидать камнями; изгнание Иисусом менял из храма; Христос и Грешница; воскрешение Лазаря. Хочется отметить, все картины нижнего ряда показывают прямую линейную перспективу, что придает картинам особую реалистичность. Зритель может видеть не только то, что находится непосредственно на переднем плане, но и заглянуть в дальние уголки, где также идет жизнь и происходят какие-то события.

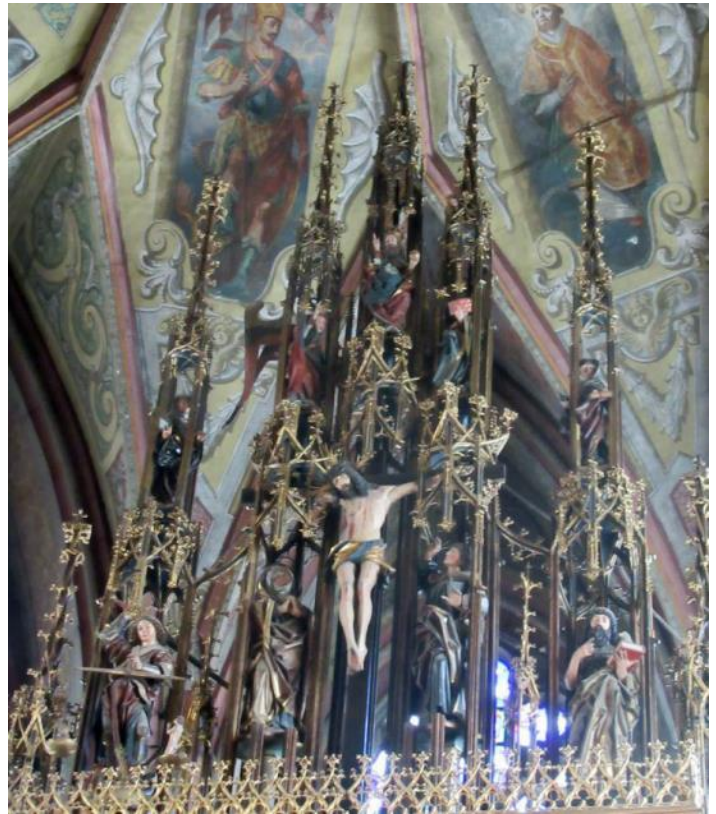
Так, в первой сцене мы попадаем в храм, и если на переднем плане Иисус и неприятные фигуры, поднимающие с пола камни, чтобы швырнуть их в Иисуса, то на дальнем плане – лестница, бегущий по лестнице человек, дальше стоящие в проеме люди, которые, кажется, смотрят на происходящее. Как видим, художник не ограничивает нас только лишь основными героями. Картина не статична, здесь почти все находится в движении: Иисус, уходящий из Храма, фарисеи, хватающие камни, бегущие люди. В сцене изгнания менял все та же линейная перспектива, но здесь особый интерес вызывает поза Христа – он словно повернулся вокруг собственной оси. Храм кажется бесконечным, как и в сцене с Грешницей. Сама Грешница изображена в дорогой красивой одежде, поза ее смиренна. Мы видим разбегающихся людей,

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

которым Христос сказал: «Кто из вас не без греха, пусть первым бросит в нее камень». И на последней створке присутствует евангельский сюжет о том, как Иисус воскресил Лазаря.

В этой сцене так же восхищает перспектива. На заднем плане мы видим улицу, строения, голубое небо. Людей, присутствующих при этом чуде, Пахер тоже наделил эмоциями. Они не безучастны. Кто-то закрывает лицо краем плаща, кто-то стоит, обхватив лицо руками, а кто-то удивлен. Здесь особенно видно, как тщательно прорисовывает Пахер детали. Художник позволяет зрителям стать участником этого чуда, а не просто вспомнить евангельский сюжет.

И завершающим мотивом всей этой огромной композиции является верхняя часть алтаря с мастерски выполненными скульптурами. Верхняя часть алтаря удивительно красивая и сложная. Здесь

Верхняя часть алтаря

Пахер снова выступает новатором. Вся эта конструкция кажется необыкновенно легкой и ажурной. Техника ее изготовления для того времени была авангардной и сложной. На самой высокой точке мы видим фигуру Бога Отца. Под ним фигура распятого Иисуса, с одной стороны скорбящая Мария, с другой евангелист Иоанн, слева фигура архангела Михаила, которого можно узнать по лежащему у его ног поверженному дракону. Михаил держит весы, на одной чаше весов Дьявол, на другой человек. Над ним фигура монахини. Справа фигура святого Иоанна Крестителя, которого можно узнать по овечке у него в руках. Над Иоанном святая Оттилия. Это та часть алтаря, которая никогда не была закрыта, ее можно было видеть в любое время. Эта фигура распятого Иисуса, словно парящая над храмом, является как бы завершающей точкой евангельской истории.

Однако у этого алтаря есть еще одна загадка. Когда алтарь полностью закрыт, то перед нами предстают четыре картины из жизни святого Вольфганга, святого покровителя церкви. Дело в том, что никакого упоминания об этих створках в договоре нет. Возможно, они были заказаны дополнительно позднее и оговаривались отдельным договором. Но никакого упоминания об этом документе нет. Или это обсуждалось устно.

Сверху на первой створке мы видим святого Вольфганга, который проповедует. Он в церкви, его окружают внимательно слушающие святого люди. Интересно, что в верхнем левом углу можно увидеть Дьявола, который, вероятно, пытается помешать Вольфгангу. Но фигурка Дьявола совсем крохотная по сравнению огромной фигурой святого, и попытки Дьявола тщетны. Следующая сцена повествует о том, как святой Вольфганг раздает голодающим горожанам церковные запасы зерна. Перед нами средневековый город, уходящая вдаль улица, дома, можно даже разглядеть вдали всадников. Возникает полное ощущение присутствия в этом средневековом городе. Внизу слева мы видим, как святой Вольфганг строит церковь. Мы видим горы, небо, растущие на холме деревья, которые кажутся совсем крохотными.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Возможно, в то время пейзаж, отображенный на картине, был именно таким. И на последней створке мы видим сцену изгнания дьявола из одержимых. Вольфганг изгоняет бесов из стоящей напротив него женщины, чуть поодаль стоят и другие люди, ожидающие своей очереди. Во всех этих сценах бросается в глаза, что святой Вольфганг все время в праздничном одеянии епископа, даже во время строительства храма.

Осталось сказать только о фигурах святых Флориана и Георга, стражников, также упоминаемых в договоре. Увидеть их можно только при полностью закрытом алтаре вместе со сценами жития святого Вольфганга. Эти фигуры огромны, они словно держат алтарь и защищают его. Это не окаменевшие статуи, кажется, что они живые и внимательно наблюдают за вами, особенно фигура слева от алтаря. Возникает ощущение, что когда створки алтаря открывают и закрывают, то фигуры движутся. Словно это именно они регулируют положение створок алтаря.

К сожалению, подойти близко к алтарю и внимательно разглядеть все детали невозможно. Как это было невозможно во все времена. Многие из того, что сделал мастер, для простых прихожан и туристов недоступно. Но технологии XXI века позволили нам это сделать и заглянуть даже в самые удаленные уголки этого великолепного образца позднеготического искусства. В 2015 году фотограф из Линца Florian Voggeneder сделал фотографии алтаря в высоком разрешении. Теперь можно внимательно разглядеть самые крохотные детали и даже трещинки на алтаре.

И вот здесь особое восхищение вызывает то, насколько тщательно и старательно Пахер проработал даже те детали, которые, как он знал, никогда не будут видны зрителю, потому что теряются в церковном пространстве. Это относится и к резным деталям, и к картинам. Так, в рамках вместо обычной резьбы Пахер тоже представил библейские сюжеты, используя сложную и филигранную технику, а рассмотреть детали средневекового города в сцене рождения Христа можно только при сильном приближении. Это свидетельствует о том, что для Пахера это был не просто способ заработка, он полностью отдавал себя творчеству, создавая прежде всего произведения искусства, которыми не перестанут восторгаться никогда. В его работе особенно восхищает и поражает красочность, живость и детализация, свойственная художникам более позднего времени. Алтарь Михаэля Пахера в Санкт-Вольфганге остается одним из самых значительных произведений искусства, которыми владеет человечество, абсолютной вершиной поздней готики.

Игорь Сидоров. Октябрь 2017 г. Фото

ПРОЗА

Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)

КВАРТЕТ

Глава 1

*О теплом августовском вечере и джазовом квартете,
о сломанных бытовых приборах,
о мужьях, клещах и брючных костюмах,
а также о смысле текущего момента*

Было около одиннадцати. Августовское бархатное небо мерцало яркими звездами, и поздний вечер был на редкость теплым.

На открытой террасе за небольшим круглым столиком сидела немолодая пара – мужчина и женщина – и неторопливо беседовала. Темноволосая женщина с короткой молодежной стрижкой, одетая в джинсы и голубую футболку, была весела и словоохотлива, на носу поблескивали дорогие очки, на шее – серебряные украшения. Сидевший рядом мужчина, высокий, спортивный, в вишневой ковбойке, из-под которой по-американски выглядывала белая футболка, курил и внимательно слушал собеседницу.

Евгения Николаевна, а попросту – Женечка, рассказывала истории о внуке, вспоминала о любимом сыне, невестке, делилась мыслями и тревогами. Интерес ее собеседника, Вадима Петровича, был искренним и отнюдь не случайным, он то понимающе качал головой, то уточнял и улыбался, и Евгения Николаевна была ему за это благодарна. Она чувствовала в нем единственного человека, с которым можно было поговорить о дорогих им людях – сыне и внуке, поскольку мужчина доводился ей мужем, хотя и бывшим.

Расстались, когда сын был еще подростком, долгое время не общались, переживая обиды, но потом жизнь вновь свела их вместе, как родственников, как близких людей, как друзей, у каждого из которых была уже своя отдельная и самостоятельная жизнь, другого не касавшаяся. А потом и вовсе так получилось, что их уже взрослый сын купил им обоим дачный участок с двумя постройками – для папы и для мамы. Поначалу Евгении Николаевне и Вадиму Петровичу это совсем не понравилось: как это общий участок? зачем? Ведь их жизни уже шли по-разному, да и как приезжать на дачу – по очереди? Как строить хозяйство – совместно?

Но время шло, и удивительным образом все как-то наладилось: Евгения Николаевна выращивала розы и лилии, готовила обеды, вешала в обоих домах занавески, а Вадим Петрович мастерил беседку, чинил электричество и занимался колодцем. Зимой домики закрывали, а летом приезжали вновь: Евгения Николаевна, Женечка, все лето жила в своем домике, а Вадим Петрович приезжал в выходные, оставляя новую – гражданскую – жену в городе заниматься своими делами и внуками. Бывшие супруги никаких личных отношений не имели, восстанавливать их не планировали, об этом и речи быть не могло, но бывшая

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

совместная жизнь превратила их в близких родственников – не по крови, а по интересам и хлопотам.

Вот и в это лето получилось так, что они проводили время вместе в дачных заботах, а в августе даже за грибами ходили. Вечерами сидели на террасе, курили и обсуждали только им понятные и волнующие истории общего прошлого. Говорили об институтских друзьях, с которыми хранили теплую дружбу, о родственниках, да мало ли о чем. Кому еще все это могло быть так же интересно? Совсем поздно расходились по своим домикам, а в воскресенье к вечеру за бывшим мужем приходила машина, и понимающая мудрая подруга забирала его в свою жизнь, и он уезжал с радостью. А случалось и так, что в выходные к Женечке, женщине хоть и не молодой, но очень энергичной и привлекательной, приезжал ее личный друг Иннокентий, Кеша. Кеша был болтлив, суетлив, а Вадик, напротив, спокоен и терпелив. Благодаря мягкому характеру Вадима Петровича у них с Иннокентием сложились вполне интеллигентные отношения. Все свыклись с таким положением, лишнего не обсуждали, и только соседи за забором хмыкали и удивлялись Женечке, как та порой командовала Вадимом Петровичем и другом Иннокентием, когда оба молодца дружно колодец копали или забор ставили, а потом они втроем на открытой террасе неторопливо обедали.

Вот и на этот раз, августовским теплым вечером, звучали всё те же привычные разговоры, только на лице Евгении Николаевны было написано ожидание. А ждала она близкую подругу к позднему ужину да к утреннему будоражающему походу за грибами, подругу – такую же истовую горожанку, какими были и они с Вадимом Петровичем, подругу по имени Лёля.

А ехала Лёля, которая была помладше и подурасливее своей старшей приятельницы, не одна, а с другом юности Лёничкой, с которым дружила с девятого класса. Леонид, всеобщий любимец, умел слушать, был внимательным и преданным другом, что не мешало ему подчас пересказывать чужие истории в своей интерпретации, при этом он легко мог сморозить что-то несуразное. Светловолосая Лёля собиралась к подруге почти целый месяц, обе по традиции раз в год ходили за грибами в лес, который был богат лисичками и подберезовиками. Хотелось скинуть туфли на каблуках, сменить офисный костюм на старую куртку, натянуть тертые джинсы, напялить резиновые сапоги, какую-нибудь кепку нахлобучить и побродить с корзиной по лесу. Обо всем забыть, все из головы выкинуть, погрузиться в четвертое измерение, где нет ни оценок, ни обещаний, ни ожиданий, где пахнет влажной травой и ельником, горьковатой землей, где растут грибы, белые и поддубовики, от которых дух захватывает, словно в детстве: ах, нашел белый гриб, совершенство природы!

– Приехали! – воскликнула хозяйка, быстро затушила сигарету и поспешила к калитке встречать поздних гостей.

Первым из машины появился Лёничка, помог Вадиму Петровичу открыть ворота и в темноте при дружных «Руль выворачивай!», «Давай-давай!», «Проходишь, выравнивай!» старая темно-синяя «ауди»-«бочка» под управлением грациальной Лёльки въехала с узкой дачной улочки на утопающий в цветах Женечкин участок. Под громкие звуки музыки из машины вывалилась одуревшая от долгой дороги Лёлька, деловито поздоровалась, открыла багажник и принялась вытаскивать пакеты и сумки, сетуя на превратности путешествия. А ехать в Кубинку пришлось мучительно долго: вечер пятницы, все москвичи рванули за город и на полдороги растянулась безнадежная пробка. Добрались только через три часа. По пути Лёлька заехала за Лёничкой, и они, закинув в машину продукты и всякие мелочи, еще долго – по десятому кругу – уговаривали его жену, слабую здоровьем Леру, поехать с ними к Женечке за город. Но Лера с привычной мукой в глазах лишь рукой помахала из окошка на восьмом этаже:

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

не любила она по лесам бегать и ночевать на чужих кроватях, потому осталась книги читать и размышлять о своей грустной жизни, вверив мужа надежным рукам подружки юности.

Лёлька с Лёничкой ехали молча, и не потому что им было скучно вдвоем, просто многие темы уже обговорены – они знали друг о друге всё, – а новостей не было. Поэтому они слушали по «Радио Jazz» группу The Modern Jazz Quartet⁸ – сначала «Одинокую женщину», потом «Осенний бриз» и «Фонтессу».

Взаимоотношения друзей юности отчасти напоминали союз Женьки и Вадима Петровича. Конечно, супругами они никогда не были, но тоже были привязаны друг к другу по родственному и только друг с другом чувствовали себя естественно, их тоже связывало общее юное прошлое, благодарность за возможность быть самим собой, а еще внутренняя неустроенность, скрывающаяся за бравадой: «Меня все устраивает!» И их действительно все устраивало... Лёлька часто смеялась, представляя Лёничку своим мужьям и возлюбленным: «Знакомьтесь: Леонид! Он был, есть и будет, как Ленин, поэтому с ним лучше не ссориться». Существование Леонида было неоспоримым, признанным и утвержденным и тянулось красной нитью через всю Лёлькину жизнь.

А за окнами автомобиля несся августовский вечер и влетал в салон дорожными запахами и дурманом путешествия. Иногда тишину нарушали звонки телефона, и Леонид, стараясь быть полезным подруге – ведь она напряженно маневрировала, чтобы объехать пробку, – деловито пытался убавить звук радиоприемника, тыча пальцем не в те кнопки. Лёлька сердилась, хлопала его по рукам и нетерпеливо отвечала на разные звонки. То сын-подросток звонил: «Мам, ночью у Серого», то Лера еле слышным голосом: «Ну что, доехали?», то Евгения Николаевна: «А вы вообще едете?» – «В пробке стоим, еще полчаса – навигатор показывает». – «Ах, что же вы, когда стоите, делаете?»

И вот приехали и расслабились. И началось позднее финальное действие – плавное и размеренное. Ловкая Женечка все обустроила: быстро организовала вечерний стол, поставила вино и бокалы, сыр, орехи, расставила красивые тарелки, зажгла свечи, и сразу стало уютно и легко на душе. Все устроились и закурили, довольные. Тут и бывший муж Вадим Петрович оживился, принялся что-то рассказывать. Леонид разливал по бокалам вино.

– Что ж там в лесу? – интересовалась Лёлька. – Ах, так грибы найти хочется!

Хозяева заверили, что грибов полным-полно и лучше в дальний лес идти – там белых тьма-тьмущая.

– А у нас сегодня свет выключили, – вдруг сообщила повеселевшая Женька. – И что вы думаете? Телевизор сгорел!

– Так старый был, – усмехнулся Вадим, – туда ему и дорога. Давно пора новый купить.

– Эх, кто бы спорил, – согласилась Женечка, – а ведь все равно жалко. Не по нашей же вине, и получилось как-то насильственно. Вот, мужики, повезете завтра на помойку, – в углу на террасе чернел старый добрый советский «Рекорд».

Друг тут же свою историю вспомнил:

– У нас вот тоже уют сгорел, так я его починил, правда, не сразу, но сам – даже интересно было.

⁸ The Modern Jazz Quartet (MJQ, Модерн Джаз Квартет) – джазовый квартет, созданный в 1952 году вибратонистом Милтом Джексоном, пианистом Джоном Льюисом, контрабасистом Перси Хитом и ударником Кенни Кларком. Окончательный состав квартета сформировался в 1955 году, когда Конни Кэй заменил Кенни Кларка. Группа существовала до 1974 года.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Вот молодец, – вставила Лёлька не то с иронией, не то в поддержку и поддела вилкой крохотный огурчик. – Нет чтоб в магазин побежать за новым.

– Да там делов-то – всего ничего. Побежать – это легче всего, успеется. – Леонид сделал глоток вина. – Так вот, починил и продал!

Женька выпучила глаза, открыла рот, но промолчала. А подруга юности не промолчала:

– Да? Интересно. Кому ж?

Бывший муж улыбнулся, а Женька вежливо уточнила:

– Правда, что ли? Ну даешь! Вот так и продал?

Леонид невозмутимо укусил помидор и кивнул:

– Да, а что тут такого? Да мне сами предложили, на работе. Если не нужен, давай мы у тебя купим. А я и не возражал, говорю: пожалуйста, цена – стоимость ремонта, и он ваш!

– А-а, – успокоилась Женька, – тогда ничего еще.

– Ну и правильно, – вмешался Вадим.

Ехидная Лёлька уже готова была вставить шпильку, но заметила, что подруга внимательно ее разглядывает.

– У тебя сегодня какая-то прическа странная, – заключила она задумчиво.

Все тут же забыли про уют и уставились на взъерошенную младшую собеседницу.

– Что не так? – занервничала та.

– Все так, – тактично сказал Вадим, – разве что слегка лохматая, я, например, решил: это твой новый имидж – художественный беспорядок!

– Мягко сказано! – расхохоталась Женька, у которой стрижка всегда была в идеальном порядке.

А Леонид, оторвавшись от трапезы и подняв глаза на подругу юности, вдруг словно увидел ее по-новому и тоже залился громким раскатистым смехом:

– Действительно, что у тебя с волосами?! Наверное, это потому что в дороге ты все время командовала: «Открыть стекла, закрыть, открыть – закрыть». Вот смотри, что получилось!

– Да если бы я не командовала, у нас бы номера сняли!

На старой «ауди» передние боковые стекла были с сильной степенью затемнения, и, проезжая посты ГАИ (камер тогда не было!), друзья страховались от штрафа.

В это время зазвучал «Полонез Огинского» и Вадик поспешно ответил: «Слушаю!»

– Что делаешь? – поинтересовался низкий голос его новой жены, и бывший Женькин муж исчез в глубине дома.

– Я тут новый костюм надевала, который ты мне подарила, – рассказывала тем временем Лёлька, расчесывая волосы и силясь при неярком освещении разглядеть в мутном стекле свое отражение, – так насилу домой вернулась!

– Да? Почему? – искренне удивилась старшая.

– Он все-таки мне мал, думаю, – горделиво сказала Лёлька.

Дело было в том, что в отличие от многих женщин, мечтающих сбросить килограммы, у Лёльки такой задачи не было. Ей, наоборот, казалось, что из-за своей худобы она непривлекательна. «Карманная женщина» – называла ее свекровь, а свекор смеялся, обращаясь к сыну: «У твоей жены не телосложение, а теловычитание!»

Женька и Лера, эффектные и изящные, вечно были озабочены какими-то только им заметными граммами и могли подолгу всех изводить диетическими темами. Лёлька в беседах не участвовала. Еще в юности, когда она была совсем как жердь – мышка серая, – мама как-то заметила ей: «Лёля, помни, девяносто девять процентов мужчин любят женщин плотненьких, и лишь один процент... – Лёлька была благодарна маме и за малый один процент, но та пригвоздила: – ...и лишь один процент любят очень плотненьких! Ты не попадаешь ни в одну

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

градацию, тебе надо есть!» Вот и весь ответ, решила Лёлька и дала себе слово много есть и никогда не худеть.

– Когда ты была в новом костюме, ты как раз с Лерой ужинала, – вставил свое слово Леонид, сидя нога на ногу и выпуская колечки сигаретного дыма в темно-синее небо. – В «Ле Гато». И Лера заметила, что ты сидела напряженная, приняла это на свой счет и подумала: «Может, я что-то не то делаю?»

– Ах, да все она *то* делала, – отмахнулась от него Лёлька. – А была я напряженная потому, что еле выжила. Женька, твой костюм – испанский сапог!

– Может, и сапог, но модный-премодный! – хмыкнула Женька, которая застала советские времена, когда в продаже еще ничего модного не было и приходилось покупать у фарцовщиков то, что было в наличии, а потому на некоторые нестыковки в размерах или фасонах не обращали внимания. Лёлька хоть и застала те времена, но все же жила чуть в другом времени.

– Да он же мне мал! – почти с гордостью убеждала ее младшая.

– Не льсти себе! Это очень эффектный брючный костюм.

– Я не могла в нем дышать!

– Это мелочи, можно и потерпеть, – стояла на своем Женька, но тут Леонид опять вмешался:

– А Лере он вообще не понравился, – авторитетно заметил Лёничка.

– Неудивительно, – состроила ему Лёлька рожицу и добавила: – А в принципе, шикарный костюм.

Заиграла мелодия Сезарии Эворы, и теперь уже подскочила Лёля: «Да?» – подспудно она ждала звонка от возлюбленного.

– Доехали? – раздался блеклый голос Леры. – Звоню Леониду, он не берет трубку. Что делаете?

Лёлька сунула телефон Леониду, а тот, успокоив жену, передал трубку авторитетной Женьке, которая вновь громко попеняла Лерке на то, что та не поехала.

– Мне так лучше, – загадочно сообщила Лера, – главное, чтобы из леса Леонид не привез клеща!

– Что? – не поняла Женька.

– Клеща! Вдруг в него клещ вцепится, и он притащит его в мою квартиру! Что я тогда с ним буду делать?

– С кем, – у Женьки округлились глаза, – с клещом?

– Да нет, с мужем. Муж с клещом – это так обременительно! – вздохнула Лерка.

– Муж и без клеща – обременительно, – добавила опытная Евгения Николаевна. Милая Женечка – она знала, о чем говорила.

На этой фразе вернулся Вадик, и Лёлька сказала:

– Я вот что думаю. Завтра надо очень рано встать, часов в семь, чтоб в восемь уже в лесу быть. А то выходной – куча людей выползет и соберет все наши белые!

– Да кому твои грибы нужны? – заметил Леонид, для которого грибы были лишь поводом побродить по лесу для отдыха. – Они либо есть, либо их нет.

– Я помню, как в детстве, когда мы за грибами ходили, в этом было даже что-то ритуальное, – начала вспоминать Лёлька, – мы очень рано вставали, часов в пять! От нашей дачи надо было ехать еще минут тридцать. Мамина сестра всех будила, бутерброды – на ходу, чай рот обжигает. У нас тогда машины не было, шли до станции пешком, потом электричка, потом через просеку. Вокруг по полю туман стелется, ноги тут же влажными становятся,

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

входишь в лес весь в ожидании. Много грибов тогда было, но все равно каждый раз, когда находили, дух захватывало. Почему? Я всегда кричала: «Белый! Белый нашла!», а иногда просто так кричала, потеряться боялась. Да я и сейчас боюсь, у меня топографический кретинизм. Если в лесу меня бросите, я в нем так и останусь жить.

– Да что там теряться, – засмеялась Женька, – пойдешь на звук электрички.

– Ей бесполезно прислушиваться, – вставил Леонид, тщательно пережевывая кусок колбасы, – она ни черта не слышит.

– Ой-ой, очень смешно, – обиделась Лёлька, которая действительно была туга на ухо. – Нет, все эти опознавательные знаки не для меня: по солнцу там, по муравьиным кучам.

– Да нет, при чем тут какие-то кучи? В нашем лесу никуда не денешься, – успокоил Вадим по-отечески.

– Если я потеряюсь, то буду звонить вам!

– И что ты нам скажешь? – рассмеялся Леонид. – Вот, сижу тут на пне, рядом со мной елки? И мы сразу пойдем, где ты находишься? – И засмеялся еще громче.

– Да я, Ленечка, на тебя и не надеюсь, – парировала его нападки Лёлька, давно привыкшая, что к ее стенаниям он относится со здоровым чувством юмора, – да и на вас, Вадик с Женечкой, тоже надежды нет. Буду звонить родителям, хотя папа меня не найдет, он тоже в лесу путается. Одна надежда – на маму.

– И как же она найдет тебя? – не унимался друг юности, вновь разливая вино.

– Не важно. Не знаю. Мама найдет.

– На вертолете прилетит, что ли?

– На вертолете? Запросто! – подхватила Женька. – Анна Ивановна точно найдет, с ее-то характером!

Вновь запела Сезария Эвора, и Лёлька ответила: «Да?»

– Что делаете? – раздался голос ее близкого приятеля. Сердце екнуло, она покинула компанию и, спустившись по ступенькам в сад, открыла машину и забралась в темноту салона. Голос в трубке звучал устало.

– Ты как там? Доехала?

– Доехала.

– Ты с кем?

– У нас квартет: моя подруга с бывшим мужем, и я с другом юности.

В телефоне возникла пауза.

– Странная компания, тебе не кажется?

Лёлька хотела было согласиться, но передумала:

– Нет, не кажется. В жизни бывает по-всякому.

Приятель молчал, видимо, у него на языке вертелся вопрос, но задавать его он не спешил. Было поздно, он только что вернулся из недельной поездки, выяснять ничего не хотелось.

– Когда вернешься?

– Завтра.

– Понятно...

– И что понятно тебе? – Лёлька поймала себя на мысли, что она, сорокалетняя женщина, разговаривает как школьница или, что еще хуже, как героиня дешевого любовного романа.

– Да, в принципе, ничего, – ответил близкий приятель, и в его голосе прозвучала досада. – Ничего не понятно. Но это не суть.

– Ты сердисься?

– Еще не знаю. Устал. Позвони перед выездом. Соскучился. Хочу видеть тебя.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Я тоже соскучилась. – А что Лёлька могла еще сказать? Это была чистая правда, но чистой правдой было также и то, что в этот вечер ей было на редкость хорошо с друзьями.

Связь прервалась. Лёлька сидела в машине и смотрела на ярко освещенную террасу, где виднелись темные силуэты и раздавался смех: Женька вспоминала их с Лёлькой поездку в Париж, а Вадик с Лёнькой что-то беспрестанно комментировали – вразнобой или одновременно, – и было весело и тепло на душе. Лёльке хотелось просто сидеть и смотреть на них, и если бы спросили, что такое счастье, то она бы ответила: «Вот оно». Такие минуты надолго остаются в памяти – минуты одной тональности, созвучия, единой и неразрывной цепочки взаимопонимания и непреходящего желания делиться мыслями, воспоминаниями, минуты тепла и беспричинного дружеского веселья от того, что просто живешь.

«Странно, – думала Лёлька, – как странно складывается все в этой жизни. Вот сидят люди, разговаривают, и в эти минуты им хорошо именно вместе. Эти люди – мы. А кто эти мы? Моя подруга, ее бывший муж, я и друг юности. По сути, мы просто друзья, и у каждого давно своя жизнь и своя трагедия, свой нынешний быт и привычки, от которых никто не откажется, свои знакомые стены и мужья да жены и их не пересекающиеся друг с другом мысли. Но здесь, в эти минуты, нам, осколкам текущей жизни, так хорошо вместе, что непонятно, где жизнь настоящая, а где лишь ее проекция. И что есть проекция? И что есть жизнь настоящая? И в чем вообще смысл? Если жизнь – это вереница будней, то здесь ее нет. Если жизнь – это вереница крохотных счастливых мгновений, которых, может, у каждого наберется от силы с десятков, то тогда эта жизнь – вот она, здесь, с мотыльками, с дыханием бархатной ночи, с небом иссиня-черным, усыпанным звездами. А в августе звезды падают и можно наконец загадать желание, которое все равно не сбудется, а если и сбудется, то совсем не вовремя, когда оно тебе уже не нужно и ты ничего не ждешь. И вот мы живем. И, похоже, живем счастливо».

Лёлька понимала, что все эти сумбурные мысли только ее, друзья наверняка думают иначе, а она романтик и идеалист. Хотя как узнать, кто прав, реалист или романтик, кому в этой жизни легче? Ведь реальность у каждого своя, соизмеримая с накопленным опытом и отношением к жизни.

Лёлька встала, потянулась, с какой-то грустью посмотрела на темный дисплей телефона и направилась к дому, чтобы присоединиться к друзьям и исполнить свою партию в их милом квартете.

Глава 2

*О молочно-розовых лучах солнца,
о грибах и задуманных желаниях,
о незнакомке, любимом муже и пауке,
а также о верном Лёньке и Республике ШКИД*

Утро наступило быстро и рано, как и хотела Лёлька. Всем были выданы специальные «грибные» одежды, обувь и ножи для срезания урожая. Лёле досталась некогда модная, изрядно потрепанная оранжевая кепка и сапоги на теплой подкладке, оказавшиеся почему-то мокрыми внутри. Евгения Николаевна ее успокоила, заметив, что это не имеет никакого значения, поскольку ночью шел дождь и ноги все равно через пять минут промокнули.

Лес встретил их утренними молочно-розовыми лучами солнца, длинными, как от театрального прожектора. Свет пробивался сквозь ветви деревьев и высвечивал в ельнике

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

моховые полянки. Все предвещало удачу – уж больно по-грибному все вокруг пахло и выглядело.

Лёлька сразу поставила перед собой две важные задачи, по сравнению с которыми все остальное в тот день меркло. Первая задача возникла, как только компания углубилась в прозрачный лес, и была предельно проста: ни за что не потеряться.

Вторая же задача обозначилась, когда ее подруга, а за ней и бывший муж звонко прокричали из-под разных деревьев: «Белый! Огромный! Чистый!» Формулировка сложилась мгновенно: Лёлька должна была найти два (два, конечно, очень скромненько, но зато надежно)... нет, решила она, чуть поразмыслив, три (три тоже не так уж и опасно загадывать) белых. Тогда ее желание исполнится! Какое желание и при чем тут белые грибы? А дело было в том, что в эту игру она играла с детства: найдешь загаданное число белых – сбудется твое желание, не найдешь – свободен, желание не сбудется. Желание же у Лёли все-таки было. Риск, конечно, но... подруга-то с мужем уже нашли белые, вот и она найдет не только опёнки – еще полдня впереди!

Продвигались друзья вперед по-разному: кто шел по прямой, сосредоточенно глядя под ноги, иногда оборачиваясь, не отстали ли остальные. Кто-то заглядывал под каждый кустик и, нагибаясь к каждой поганке, долго ее рассматривал. Кто просто шел и думал на отвлеченную тему, а грибы сами перед ним выскакивали: «Я здесь, бери меня!» А Лёничка, например, чуть отстав, носился, как заяц, заметающий следы, по зигзагообразной траектории. Его не было видно за деревьями, приходилось перекрикиваться, но чаще по треску сучьев можно было понять, где он мечется.

Конечно, грибы не были прямо-таки самоцелью – хотелось погулять, подышать лесным воздухом, походить по мягкой траве. Иногда друзья спонтанно делились на пары в разных комбинациях и, обменявшись впечатлениями и похвалившись уловом (а улов состоял все больше из сыроежек, опят и подберезовиков), переходили на какие-то обычные «городские» темы, что совсем не мешало им внимательно смотреть под ноги.

«Мое лето – громкое и легкомысленное, – думала Лёлька, кряхтя перелезая через какие-то поваленные деревца и машинально оглядывая их в надежде обнаружить семейство опят, – уходит мое лето как песок сквозь пальцы. Скоро и осень и зима в одном флаконе – что мне с ними делать придется? – Она остановилась и, запрокинув голову, посмотрела на верхушки деревьев. Воображение мгновенно нарисовало сначала осенний багряный лес, а затем зимний, голубоватый и заснеженный. Она поежилась. – Да, все будет спокойно, хрустально и отстраненно – "и да, и нет" одновременно, "можно сегодня, а можно завтра", что значит "никогда", вместо летнего "сейчас!". И плед, и чай, и камин, и книга, и добрые лукавые глаза, ни к чему не призывающие, и прохлада во всем: в окружающем мире, в глазах, в душе и в мыслях. – Лёля вздохнула. – О эта ясность мысли солнечным зимним утром! Как она пронзительна и как жестока, как гильотина, раз – и возразить уже нечего. Осенней зимой и думается лучше, и проблемы, наверное, решаются, и запертые двери открываются... – Она вновь начала продвигаться вперед, волоча промокшие ноги и удивляясь, как далеко от нее был город – с его шумом, суетой и вечерними огнями. – Прощай, мое беспорядочно-суетливое лето. Опять я ничего не успела. Эх, там, где любовь, там всегда беспорядок, а порядок бывает только на кладбище. – Тут она присела и внимательно посмотрела на нечто, напоминающее маленький белый гриб. Она с радостью его срéзала (а это оказался именно он), чуть огорчившись из-за крохотного его размера, удовлетворенно пробормотала: "Раз! Раз уже есть! Осталось еще *два* и *три*" – и пошла дальше, вновь предавшись размышлениям: – И будет осень, и будет зима, и мне опять будет все равно, и я опять впаду в "гармонию" и

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

созерцательность, к которым я так долго шла, а придя, расписалась в своей тоске по греховности и несовершенству».

Тут Лёлька оглянулась и все ее философствования мгновенно улетучились – вокруг никого не было! Ни рядом, ни среди деревьев в отдалении. Не было слышно даже хруста сломанных веток от пробегающего где-то Лёнички. Лёлька тут же издала тревожное «Ау-у-у!», но ответа не последовало. Она крикнула громче и протяжнее – опять тишина. Никто не отозвался и после ее пятого, а потом и десятого, уже почти истерического крика, и тогда она поняла, что ее худшие опасения оправдались и первая задача не выполнена, а заверения бывших супругов, что никто не потеряется, оказались напрасными.

«Ну вот, – подумала Лёлька, – вот и верь друзьям. Наступил этот неприятный ожидаемый момент, когда мне все-таки придется позвонить маме и обратиться за помощью. Не исключено, – продолжала она размышлять, – что сначала потребуется попросить прощения за все содеянное и несодеянное, за всю мою прошедшую жизнь. А что мне остается делать? Я в безвыходном положении!» Она обреченно вздохнула и уже полезла за телефоном, когда тот неожиданно зазвонил сам. «Ура, – радостно подумала Лёлька, – меня уже ищут!» – и закричала в трубку:

– Да! Да! Это я!

– Привет, – сказал приятный, но незнакомый женский голос.

– Привет, – ответила Лёлька, тщетно силясь определить, кто это.

– Как хорошо, что я дозвонилась, мне надо тебе перевести деньги – целый день стараюсь, но что-то блокируется. Вот звоню уточнить ситуацию. У тебя карта к телефону привязана?

Не улавливая, о чем идет речь, лихорадочно перебирая возможные варианты и одновременно греша на мошенников, Лёлька пробормотала неопределенное:

– Да-да, понимаю... – Она растерянно покрутила головой, уже не чая хоть кого-то увидеть, и трагически заключила: – ...надо что-то придумать... Дело в том, что я сейчас... в достаточно затруднительном положении... я одна...

– Да-да, я тебя хорошо понимаю!

Лёля не была уверена в том, что ее бормотание истолковано верно, и аккуратненько уточнила:

– Я имею ввиду, что в данный момент я не в... лучшей ситуации... даже не знаю, как объяснить... кажется, я потерялась...

– О да, растеряешься здесь, но это так естественно! Всем на всех наплевать, пробегут мимо – даже не заметят, – согласилась женщина сочувствующе. – Вот и получается, что полгода всё никак деньги тебе не мог перевести! Хорош гусь! Даже я от него такого не ожидала!

В это время Лёлька наступила на какую-то ветку, та хрустнула, она споткнулась и, чтобы не упасть, еле успела ухватиться за еловую лапу, попав при этом в лесную паутину.

– Черт! – воскликнула она, отплевываясь и пытаясь снять с лица липкие нити (где мог оказаться сам паук, она боялась даже думать). – Черт бы побрал этого паука!

– Да, совершенно верно, на твоём месте, я бы тоже назвала его пауком, – согласилась с ней женщина в трубке. – Ты знаешь, я тебя прекрасно понимаю, мы, женщины, должны быть солидарны, ведь заранее неизвестно, когда сама попадешь в такую же историю.

– Согласна, – буркнула Лёлька, все еще отплевываясь, – но... видите ли... я не знаю, что же мне делать. Никого нет...

– Не волнуйся, – решительно сказал в трубке уверенный голос, – все, что смогу, сделаю.

Но Лёлька ее почти не слушала, да и до разговоров ли ей было.

– Ау-у-у! Где вы? Куда пропали? – в панике на весь лес заголосила она, пытаясь обнаружить своих друзей: – Я погибаю!

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Я здесь, не кричи, ничего не бойся, я тебя прекрасно слышу, все будет хорошо, погибнуть я тебе не дам, – затараторил сочувствующий женский голос. – А разве мы с тобой не на «ты»?

Лёлька была в отчаянии, она понимала, что единственным человеком, который мог ее спасти, ее последней надеждой оказалась словоохотливая незнакомка, поэтому она наконец остановилась и, плюхнувшись на мокрый пенек, по-деловому сказала:

– Так, хорошо, раз мы на «ты», то давай все сначала: во-первых, кто ты, во-вторых, какие деньги, кто и куда должен перевести, в-третьих, что от меня-то требуется? Я уже сама готова тебе заплатить, только вытащи меня из этой чащи!

Уже через минуту она смеялась и слушала последние новости о Ромке, своем бывшем муже, ибо незнакомкой в трубке оказалась его нынешняя жена, возникшая незамедлительно после развода с Лёлькой. Конечно, какое-то время они были врагами, но, как это иногда случается, с годами все изменилось: жизнь сгладила углы, обиды остались в прошлом, началась совершенно новая жизнь – с другими эмоциями и людьми. К тому же у Лёли от этого брака остался пятнадцатилетний сын, и его дружбе с новой семьей отца она не противилась. Ежемесячные алименты тот исправно выплачивал, но в какой-то момент что-то в природе перещелкнуло, погасла красная сигнальная лампочка и поступления прекратились. Неконфликтная Лёля вздохнула и грустно подумала: «Все когда-то кончается», но скандалить не стала, а все расходы взяла на себя.

Теперь же звонок ее очень порадовал. Во-первых, известие о недополученных деньгах всегда приятно. А во-вторых, могла ли она подумать, когда они еще жили с Ромкой (и были семейные ужины, и гости по праздникам, и бушевали страсти «люблю – не люблю», и ревность ко всем московским фонарным столбам не давала покоя), что пройдет каких-то лет десять, и она спокойно, без трепета и сердечной боли, будет весело болтать по телефону, а если надо, то и встречаться с новой семьей некогда самого дорогого и любимого человека, и что Ромкина молодая жена станет беспокоиться о своевременных переводах, и они будут общаться весело, и на сердце будет радостно. Нет, такое разве только в кошмарном сне могло привидеться.

Да, по-разному бывает в жизни. И так тоже случается.

– Ну хорошо, – говорила Лёля, снимая сапог и вытряхивая из него еловую труху. – Давай в субботу встретимся.

Закончив разговор, она вдруг ощутила, что ее страх испарился, а найти дорогу из леса – пара пустяков, надо только прислушаться и пойти на звук электрички.

– Ты с кем разговаривала? – неожиданно услышала она голос за спиной.

Лёлька вздрогнула и ответила голосом бывшего мужа:

– У меня были переговоры!

Рядом с ней стоял родной Лёничка, в болоньевом плаще и большой панаме, и, как всегда, широко улыбался.

– Какая же ты смешная, Лёлька!

Это было истинной правдой. Если бы кто-то из офиса увидел Лёльку в этот момент, то, наверное, вряд ли бы в ней признал офисную статс-даму. На пне сидела смешная девочка-подросток из «Республики Шкид»⁹: широкие брюки с карманами – от подросткового сына достались, дачная куртка с полузастегнутой молнией, торчащие из-под кепки в разные стороны

⁹ «Республика ШКИД» – советский художественный фильм, созданный в 1966 году на киностудии «Ленфильм» режиссером Г. Полокой по одноименной повести Гр. Белых и А. Еремеева, написанной в 1926 году, о жизни беспризорников в Школе социально-трудового воспитания имени Достоевского (ШКИД).

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

пряди светлых волос, лицо без косметики – беззащитное, глаза припухшие, блеклые. И вся в паутине. Лёлька залихватски перевернула кепку козырьком назад, поправила волосы и спросила:

– А так? Так лучше?

– А так еще смешнее, – рассмеялся Лёнька и заботливо, с нежностью убрал с ее волос желтый листик. – Ну что? Нашла что-нибудь?

Лёлька посмотрела на крохотный белый в своей корзине, и сердце замерло: еще две штуки – и желание исполнится!

– Вот, – кивнула она на скромный улов.

Лёнька, презрительно хмыкнув, извлек из пакета огромный белый, красивый, как на картинке.

– Вот это я понимаю, – гордо похвастался он. – Вот как искать надо!

И снова раздался телефонный звонок.

– Да, – ответил друг юности.

– Ты где? – прошуршал еле слышно голос его жены.

– В лесу, – ответил он и резко скovyрнул палкой подвернувшийся валуй.

– А у меня опять тридцать семь и две, нездоровится... Что ж, всем привет. Только смотри, не привези клеща.

– Я стараюсь, – пообещал Леонид. Он всегда выполнял обещания.

– Знаешь, когда вернешься из леса, скажи, пусть осмотрят тебя, – строго велела больная Лера. – Пусть Евгения Николаевна проверит, она самая ответственная.

– А! Вот вы где! – слышался веселый голос Женечки, той, которая была Евгенией Николаевной. – Ну как настроение? Погуляем еще?

Вопрос был риторический. Мало-помалу начала сказываться усталость. К тому же грибов в лесу, против ожидания, оказалось не так уж и много, внимание грибников стало рассеиваться. В корзинку пошли уже грибы поскромнее. Но мысль о необходимости найти еще два белых для осуществления заветного желания заставила Лёлю бодро кивнуть головой. Конечно, она устала и сапоги насквозь мокрые. Она несколько раз поджала пальцы на ногах, окончательно убедившись, что им уже ничто не поможет, – в сыром тепле ступни превратились в скукоженные конечности эмбриона. Но что делать? У нее ведь была заветная цель.

Компания сменила курс и двинулась в другом направлении.

Глава 3

*Об упрямстве и сапоге с водой,
о том, что будет все хорошо,
о том, как сложно думать и не думать,
а также о том, что с Лёлькой – только в психушку*

Друзья бродили еще часа два, иногда натыкаясь на места, где уже побывали. Лес вдруг превратился в бурелом и темную чащу: повсюду – заросли кустарника, поваленные деревья и высокая трава. Чуть поплутав, компания все-таки вышла к заветному месту.

– В лесу всегда есть заветное место, – сообщила неумолимая Женька, опираясь на свой многолетний опыт, – и каждый раз новое! Это место, где идет основной сбор урожая!

Компания бросилась срезать кучки опят, но радость была недолгой. Внезапно Лёлька остановилась и поняла, что она больше не может – а главное, не хочет – собирать грибы,

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

словно в ней переключили программу и отключили питание. Она громко выдохнула: «Всё!» – и сдалась, заголосив, что надо возвращаться, так как силы ее на исходе, а обратный путь небыстрый. С ней пытались спорить, а особенно рьяно – Женечка, мгновенно перевоплотившаяся в Евгению Николаевну, с ее необыкновенной азартностью. Но это не подействовало.

– Мой долг выполнен, – с видом упрямого ребенка мотала головой ее младшая подруга, – я что могла – собрала, устала, хочу есть и сидеть в доме.

– Какая же ты все-таки слабая, – досадовала ее подруга, вдруг став похожей на Лёлькину маму, Анну Ивановну. – И упертая!

– Отведите меня домой, – хныкала Лёлька.

– Перестать ныть. Вот я каждый день так ходить могу, – строго заметила Женька и, покрутив головой, прислушалась. – Вадик, что-то электрички не слышно...

Вадик и Лёнька тоже прислушались, а потом одновременно сказали:

– Нам – туда! – и показали в разные стороны.

Женька нахмурилась и повела всех в «свою» сторону, хотя мужчины ей возражали и опять приводили в пример муравьиные кучи, спилы деревьев и звуки какого-то трактора. Троица всю дорогу спорила, а Лёлька шла молча, окончательно смирившись с мыслью, что ее поход в лес потерпел фиаско. Она из последних сил тащила в руке полную корзину опят, но она так и не нашла главного – задуманных «два... а лучше три белых», а найденный крошечный гриб с насмешкой на нее поглядывал: «Вот я – твоё желание. Смотри, какое маленькое и слабенькое...»

Было около двух часов дня, когда компания вышла из леса на открытую местность. День был в самом разгаре, и нестерпимо пекло солнце. Друзья шли, лишь изредка перебрасываясь пустячными фразами и еле волоча промокшие ноги. Куртки были завязаны рукавами на поясе, кепки сняты, пуговицы на рубашках расстегнуты. Проходя через ров к шоссе, Лёлька, которая плелась в хвосте, чертыхаясь и кляня судьбу, провалилась по колено в яму, зачерпнув полный сапог грязной воды. Но ей уже было все равно. Все равно было и остальным – они лишь полуобернулись на ее жалобный всхлип и равнодушно двинулись дальше.

Обратная дорога располагала к разного рода размышлениям.

Вадим, например, думал о том, что лето выдалось удачным: он многое успел, много где побывал. Он думал о том, что все-таки жизнь – хорошая штука. Вот можно, например, ходить в лес за грибами, ходить с приятной компанией, а потом идти по дороге с Евгенией Николаевной – милой Женечкой, смотреть на нее искоса, слушать ее байки, переживать, улыбаться и удивляться тому, что на душе хорошо и спокойно. Да, пусть все получилось так, как получилось. Пусть у них разная жизнь. Но ведь сумели же, смогли забыть обиды, отсеять мелочи и сохранить самое главное в человеческих отношениях – тепло и уважение. Да, прикипели душами, и ничего с этим не поделаешь. Как все-таки все хорошо сложилось: и у сына удачно, и невестка чудо, и внук растёт умницей, да и вообще...

«Да, – улыбался Вадим, щурясь на ярком солнце, – да... хороший день... хороший... а завтра я уже поеду в город... приедут за мной и увезут в другую жизнь... поеду... поеду, и там все будет тоже хорошо», – он улыбался, но этого никто не видел.

Евгения Николаевна – милая Женька – тоже думала, но мысли ее были путанные, как вся ее жизнь, как бы она ни старалась ее упорядочить. Она думала о своих цветах на участке, что скоро осень и надо что-то пересаживать. А потом пробежала соседская собака и мысли ее уже в который раз вернулись к умершему год назад Грею – ее тоска по нему была порой такой

нестерпимой, словно отрезали кусок сердца и бросили одну бродить в чужом краю, откуда возврата нет. А еще она думала о том, что не очень везет им с Лёлькой в личной жизни, хотя... а как по-другому? По-другому никак. И так плохо, а эдак совсем невозможно. Ведь иначе это были бы не они, а какие-то другие люди. Нет, наверное, они просто задиристые и всегда им всего мало. Да и что за глупости, разве им не везет? Да они самые счастливые! Потому что до жизни жадные. Да, а еще надо будет усы у клубники обрезать, вот соседи, например эти, так давно уже все сделали. А вообще, скорее б все уехали – что-то гости, хоть и такие близкие, стали утомлять. А когда все уедут, станет тихо, тогда можно сесть одной на террасе среди своих цветов, выкурить в тишине сигарету, а потом взять любимую книгу... или не брать, а просто думать... о себе, сыне, внуке. Главное, чтоб не мешали. Хотя, конечно, хорошо, что ребята приехали – тепло как-то все получилось, да и день солнечный...

«Да, – задумчиво размышляла Женечка, доставая из кармана сигареты, – да... хороший день... хороший... и розы мои цвести продолжают, и бегонии... пожалуй, не поеду в город сегодня, а поеду на работу... в понедельник с утра... опять уеду в другую жизнь... и там все будет тоже хорошо, наверное», – рассуждала Женечка, но о мыслях ее никто не догадывался.

Лёлька же старалась вообще не думать. Но у нее это получалось всегда плохо, а точнее, не получалось вообще. Мешали ее же мысли, эта суетливая работа мозга, потому она чуть прикрыла глаза. Эх, Москва, как в этом городе жить солнечной женщине? В Москве одна суета, звонки, беспорядочные встречи с людьми, о которых не думаешь, одна напряженность. Она пока еще за городом, пока отстранена от этого, но уже начинает ощущать знакомую, комнатной температуры, муть суеты. И все же внезапно, до боли, до ломоты в руках, она вдруг ощутила нестерпимое желание поскорее влететь в квартиру и с ходу, прямо с порога, обнять и прижать покрепче к себе сына. Чувство наполнило ее и выплеснулось в яркий солнечный свет, от которого слепило глаза и лились слезы. Наверное, это и было счастье – то счастье, ради которого она, по сути, жила и радовалась своим же дурацким радостям. И только сейчас она ясно осознала, что все, что вокруг нее вертится, лишь проекция ее огромной и не помещающейся в ее худом теле любви к сыну.

«Да, – думала Лёлька, еле волоча ноги в хлюпающих сапогах и стараясь не думать. – Да... хороший день... хороший... и вечер будет чудесный... скоро вернусь в город, в другую жизнь... и черт с ними, с тремя грибами... я и без них уверена, что меня ждут и любят... и все будет хорошо, я уверена», – Лёлька плыла по своим мыслям, но никому ее мысли интересны не были.

А Леонид ни о чем не думал, и у него это отлично получалось, он даже не прилагал к тому усилий. Он просто возвращался из леса домой, по-детски размахивая пакетом, в котором болтались грибы. Он точно не знал, нужны ли ему эти грибы вообще, и что они с Леркой будут с ними делать: поджарят, заморозят, замаринуют или просто выкинут, – ведь не в этом же дело. А дело было в приключении: в пролетающей за окном дороге, в мотыльках и тишине августовской ночи, в лесном запахе, азартном поиске и последнем летнем солнце... да, собственно, не важно, в чем – в самой жизни, наверное.

«Да, – наконец заключил Лёлька, мысленно подытоживая свои ощущения, – да... хороший день... хороший... приеду сегодня домой... приеду в другую жизнь... грибы почищу... в морозилку брошу... или не почищу, а просто выброшу... и все будет хорошо», – он щелкнул зажигалкой, закурил, но никто на это не обратил внимания.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

...Джазовый квартет закончил выступление, и музыканты вышли на поклон; зрители не отпускали их, поэтому на бис они исполнили «Снова вместе!»¹⁰ – отличную композицию!

Всю обратную дорогу дождь лил как из ведра, и была ужасная видимость, а потому опять плелись еле-еле. Когда машина остановилась около дома Лёнички, был уже поздний вечер.

– Ну пока, – сказала Лёлька и потрепала Лёничку по волосам. – Клещей нет, проверено! – Потом добавила: – Хотя со мной ты мог бы жить и с клещами.

– Нет уж, увольте, – хмыкнул Лёнька, – с тобой – только в психушку.

На прощание он нежно чмокнул Лёльку в щеку, выпрыгнул из машины, стараясь не попасть в огромную лужу, а потом, когда старенькая «ауди» тронулась с места, еще пару раз с заботой оглянулся, чтобы убедиться, что с Лёлькой все нормально.

Скорей бы домой, в свою размеренную жизнь!

ЛЕТО В СТУКЕ КАПЕЛЬ

Ночь была вся в стуке капель.

Они отбивали ритм сначала Хендриксу, затем Сантане, а потом и Моррисону.

Лежу с открытыми глазами, смотрю в окно, распахнутое в утро, – наблюдаю, как небо из темно-синего незаметно превращается в молочно-серое, сырое и влажное, как полусонный поцелуй. Дождь еще идет, и комната подобна черно-белой фотографии со светлыми пятнами оконных штор.

Перевожу взгляд на стакан с прозрачной водой с преломленным серым светом, на вазу с ирисами на длинных стеблях, с лепестками, похожими на выбеленные лоскуты.

Взгляд скользит по стенам, увешанным твоими картинами маслом: на алые драпировки брошены желто-синие рыбы с открытыми ртами. Беззвучны они и безжизненны. Дождь затанул их кисеей, обесцветив так любимые тобой сочные летние краски.

На моем плече – твое дыхание. Ты – отголосок юности. Есть ли смысл возвращаться в прошлое?

Не поворачивая головы, вижу твои спутанные волосы, все еще наполненные ночным запахом любви, раскинутые руки, лишь час назад выпустившие меня из объятий, сомкнутые веки с голубыми прожилками и полуулыбку-полугрусть человека, вступающего в новый день.

По-прежнему сжимаю твою руку, словно боюсь выпустить твой сон на свободу. Боюсь, что тот выскользнет и навсегда исчезнет в прозрачной дымке подступающего утра.

В моей голове еще звучат твои слова – ты прошептал их одними губами, уже потом.

А сначала...

А сначала в стуке капель твои губы покрывали мое тело нежными, тоскливыми поцелуями, наслаждаясь знакомым вкусом, предаваясь томительной, долгожданной любви

¹⁰ Композиция джазового квартета Modern Jazz Quartet «Together Again!», Live At The Montreux Jazz Festival'82 (Pablo Records).

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

повзрослевших людей и погружаясь в несбыточный сон юношеских грез. Мы касались друг друга, обмениваясь теплом, обнажая сокровенные мысли, давно упрятанные в дальние уголки замороженных душ.

Уже позже, когда мы лежали и рассматривали себя в глазах друг друга, ты спросил, почти беззвучно: «А можно ли? А можно ли полюбить снова? Можно ли войти в одну реку дважды?» И я отвечала с грустью: «Нет». – «Мое сердце давно очерствело», – в твоих словах была горечь. И я кивала: «То, что умерло, уже не вернется к жизни». – «К тому же, – ты продолжал, не слыша меня, – мне достаточно лет и я уже не влюбляюсь... даже в прошлое!» – «Понимаю, – опять соглашалась я. – Это – страх стать несчастнее, чем был до сих пор».

И тогда-то ты прошептал: «Не хочу, чтобы ты соглашалась», – а потом, нежно коснувшись моих губ, закрыл глаза и уснул как ребенок.

Лежу, смотрю на светлеющее небо и вижу там свое лицо. Оно так расплывчато и беззащитно. Знаю, дождь скоро кончится, ветер изменит направление, и все наполнится красками и солнечными бликами, оживут цветы и картины, а вода в стакане превратится в многоцветного зайчика. В моих глазах опять заблестят лучи солнца, и я вновь покроюсь чешуей, глянцевою, как маленькая ящерка. А пока...

А пока я ощущаю, как с каждой минутой становлюсь все более уязвимой.

Помню, как вчера, я воскликнула: «Боже мой, жду этого лета, солнечного, теплого, жду, как счастья, которое все никак не приходит! И лето, и счастье – где-то там, далеко, там, где нет меня».

А ты усмехнулся, налил в бокал вина, протянул: «Не драматизируй, все времена года хороши по-своему».

«Нет, – я вздохнула, – нет. Для меня есть только одно короткое время, когда можно дать воздух телу и мыслям, когда можно снять маски, как одежды теплые – слой за слоем, и остаться собой».

«Куколка превращается в бабочку, а ее срок краток», – заметил ты.

Но я не слышала: «Только летом, только летом все возможно!»

«Идеальный самообман», – ты задумчиво смотрел в окно: сумерки, дождь.

«Нет тепла, – я шептала, – июнь. Все умеренно, самодостаточно в природной отстраненности».

«Нет тепла в душе, – ты пригубил вина, – его не будет и рядом. По чему ты тоскуешь?»

Я обернулась и обвела взглядом комнату, где на стенах застыли твои мертвые рыбы.

«Тоскую по уходящему времени, по теплу и по счастью, которые где-то живут без меня – в теплых странах, в других городах, на чужих улицах – в иных жизнях, в тех, где меня нет. В чьих-то других руках».

Ты вздохнул: «Ты – жадная, неумная, вечно мало всего. Не ценишь того, что имеешь».

Я рассмеялась: «Говорят, в погоне за счастьем я умру от "передоза"». – «Передоза ощущений?» – «Нет, бесконечного желания любить».

Помню, как в тот момент подошла к тебе близко-близко, заглянула в темные глаза: «Почему люди не позволяют себя любить?»

Вся комната наполнена влажным воздухом, холодным туманом он проникает в легкие и остужает чувства. Вылезать из постели не хочется, хочется впасть в спячку и спать, пока не кончится дождь, пока не выглянет солнце и не начнется лето, которого так бесконечно я жду, жду, как и положено, все девять месяцев.

И все-таки поворачиваюсь, и аккуратно выскальзываю из-под шелковой простыни. Босиком осторожно ступая по прохладному полу, подхожу к вазе с ирисами и медленно опускаю в них лицо, вдыхаю слабый запах и чувствую признаки увядания. Беру стакан с водой, прислоняю к щеке – холод стекла подобен студеной воде.

Время медленно начинает слагаться, как кубики лего. Стою у окна, обнаженная, дождливое утро – уютное, если – дома. Можно приютиться в кресле или в любимых руках и вдыхать летний дождь с густыми запахами липы и городской намокшей пыли. Юнисексное утро – с признаками рассвета и сумерек, с привкусом грусти о том, что начало уже есть конец, – спокойно и тихо, и не-оди-но-ко, и в стуже капель слышится вечность, отбивающая по московским подоконникам «коронованный» под микроскопом рэглайм.

А на улице? А на улице – нет уюта, там нет покоя: по-городскому суетно, и дождь – лишь фон, стереофонический, диджесовский, а вовсе не дирижер прикосновений и мыслей. Потеряв изысканность, обрамленную дома в оконную раму, там – в городе – дождь равнодушно принимает всех без разбора, снисходительно позволяет сетовать на плохую погоду и торопиться по своим спешно-важным делам.

Внезапно пространство темнеет и замирает в ожидании, как перед началом театрального действия.

«Гроза», – понимаю я и в подтверждение мысли резко оборачиваюсь – встречаюсь с тобой взглядом. Ты проснулся и внимательно наблюдаешь за мной – мой обнаженный силуэт темнеет на акварельном фоне прямоугольного окна: я – в раме, в раме твоего прошлого.

«Я напишу твой портрет», – говоришь и приподнимаешься на локте, шелковые простыни соскальзывают, приоткрывая загорелый торс.

«Ш-ш-ш, – прикладываю палец к губам и отворачиваюсь. – Сегодня дождь, день молчания».

Я чувствую спиной твое движение: встаешь,ходишь и, прижимаясь ко мне сзади всем телом, обнимаешь, заключая в плотное кольцо рук – мне не вырваться. Вдыхаешь запах моих волос и, опуская голову, медленно скользишь губами по щеке, шее, плечу.

«Гроза, – еле слышно шепчешь ты. – Сейчас она зреет, накапливается острыми осколками дробленого гранита, которые зимой разбрасывают на лед. Они впиваются в подошвы, приносятся в дом, проникают в души, колются-колются...»

Я чувствую, как напрягаются твои мышцы, каким горячим становится твое дыхание, я прижимаюсь щекой к твоей руке, вдыхаю твой запах и прикрываю глаза. Ты сжимаешь меня, твои кисти – на моей груди, пальцы касаются сосков – те напрягаются, твоя дрожь переходит ко мне.

Внезапно в небе, как дирижер волшебной палочкой, бархатную штору черных туч разрезает молния. Вслед за первой вспышкой следует другая, третья и вот уже наступает партия металлически-трескучих грозových раскатов. На секунду мы замираем, замороженные мрачным великолепием готической картины, подобной пейзажам Эль Греко; в сине-розовом

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

марева под прессом свинцового неба, она озвучена музыкой низкочастотных раскатов и подсвечена вспышками платиновых молний. Мы замираем, потрясенные природными звуками грозовой увертюры. Они проникают в самую глубину сердца и отзываются в нем эхом глухих ударов.

Энергия стихии по невидимым нитям электрическим током проходит и в наши тела, затягивая в свой мистический круговорот страсти. Мы – в ее власти, мы – во власти друг друга, бесстрашно отдаваясь поцелуям природы и от них заряжаясь.

А дождь быстро усиливается, еще минута – и с яростным шумом он превращается в ливень, в сплошную мерцающую стену. С благоговением протягиваю руки в распахнутое окно, подставляя их под тяжелые струи. Набираю в пригоршни воды и с наслаждением выплескиваю на лицо – ты прижимаешь меня к себе еще крепче, руки твои все сильнее ласкают мое влажное тело. А ливневые потоки с порывами ветра врываются в комнату и, словно совершая обряд летнего священнодействия, снова и снова нас омывают. Твоя рука настойчиво скользит вниз по моему телу, касается лона, еще мгновение – и вместе с новыми вспышками молний ты входишь в меня, сильно и яростно, необузданно, своенравно. Перехваченное дыхание сменяется вздохом – я чувствую тебя, принимаю тебя.

Водяная прохлада тщетно пытается нас остудить: меня и тебя, надо мной возвышающегося сзади. Дождь потоками стекает с волос и лица, плеч и груди, диктуя нам ритм в унисон со стихией.

И вновь удар грома оглушает пространство, одновременно с ним горячая волна, сокрушительная, всепоглощающая, пронизывает наши тела и вместе с новым каскадом молний, разрезающим небо на части, пульсирующей энергией вырывается наружу.

Страсть, органично вплетенная в стихию природы, переносит нас в пятое время года – туда, где нет времени и пространства, а есть мягко осознанная сопричастность любви и вечности.

Мы замираем, как замирает природа.

Стихает дрожь, стихает гроза.

И вот уже небо светлеет, и воздух наполняется прозрачной девственной свежестью.

Ты прижимаешься влажным лбом к моему затылку, делаешь глубокий вдох и судорожно покрываешь поцелуями спину, пространство между лопатками, и я, как губка впитывая твои прикосновения, по-кошачьи выгибаю спину, подставляя для поцелуев шею. Словно эхом отзывается в комнате стук наших сердец, а разгоряченное дыхание, отразившись от стен, наполняет жизнью твоих желтых рыб.

Они двигают плавниками и уплывают, навсегда покидая свои алые драпировки.

Гроза уходит, о ней напоминают лишь отдаленные раскаты грома – глухие электрические мишельжаровские...

... со звуками старого аккордеона.

Поворачиваюсь к тебе лицом и горячо целую твои сухие губы, а ты увлекаешь меня вглубь комнаты, туда, где сливочный шелк простыней хранит наши тепло и запах. Увлекаешь – в надежде продлить утренний сон и не позволить мне от тебя ускользнуть, покрыться защитной чешуей, блестяще-глянцевой, – она пока мне не нужна, ведь день не начался. День – только впереди, пока лишь – раннее утро.

Раннее утро долгожданного лета.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Поворачиваюсь на подушке и внимательно смотрю в твои сомкнутые веки.

Ты спишь?

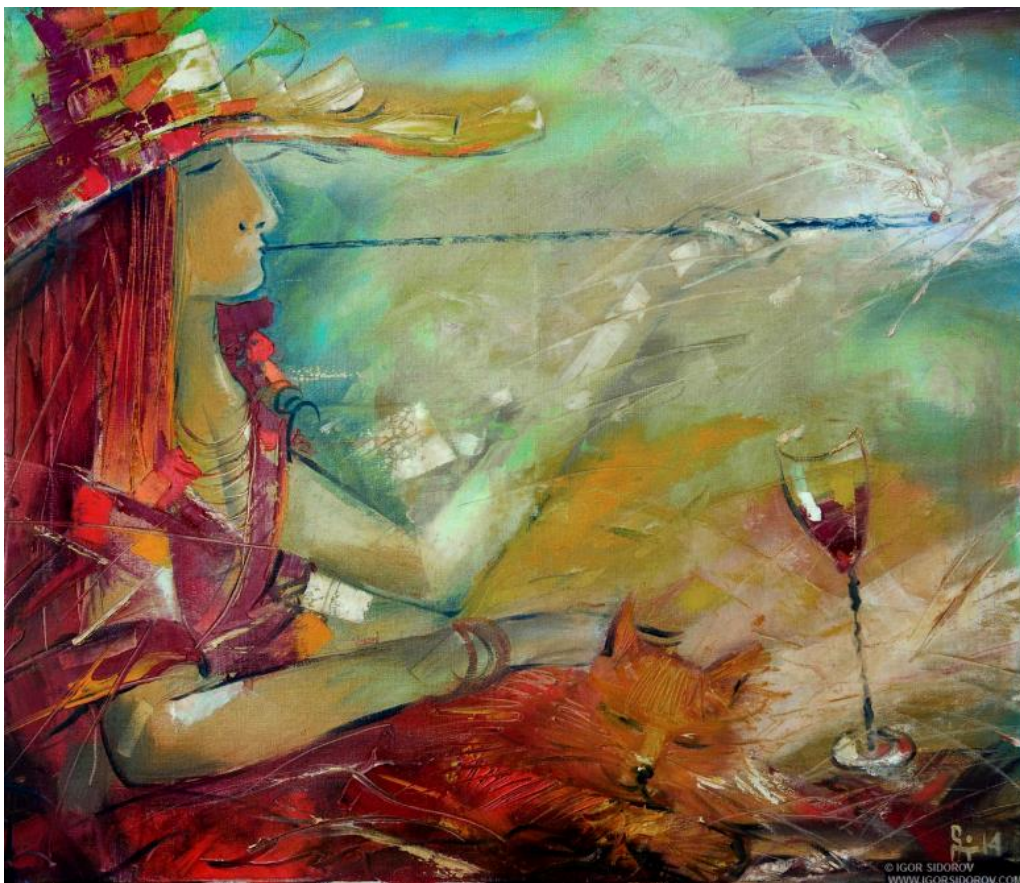
Ты спишь. Под сантановский убаюкивающий ритм последних дождевых капель.

Растворяюсь в твоём тепле.

Мысли текут медленно, мягко, словно на веки брызнули топленое молоко, – не то сон, не то явь. Картинки возникают дискретно, но постепенно начинают ускоряться и менять друг друга, как в рапидной съёмке, одна другой поглощаясь.

«Любимый мой, не оставляй меня», – внезапно мысль сжимает мне горло, но... еще мгновение и она растворяется в дождливом воздухе.

Делаю медленный вдох и погружаюсь в сон.

Игорь Сидоров. Лучше не бывает

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

ПРОЗА

Камилла Гусейнова

(Баку, Азербайджан)

ПУАНТЫ – ПОСЛЕДНЯЯ ПАРА

Гусейнова Камилла Фикрет Кызы – прима-балерина Азербайджанского государственного академического театра оперы и балета, главный балетмейстер балетной труппы театра, народная артистка Азербайджана. Обладательница национальных премий «Золотой дервиш», «Зирве», «Хумай».

Исполняла ведущие партии в спектаклях:

Жизель («Жизель»),

Кармен («Кармен-сюита»),

Шехерезада («Тысяча и одна ночь»),

Прекраснейшая («Семь красавиц»),

Джульетта («Ромео и Джульетта»),

Лейли («Лейли и Меджнун»),

Гюльянак («Девичья башня»),

Байджан («Любовь и смерть»),

Барышня («Барышня и хулиган»),

а также сольные партии в балетах «Шопениана», «Пахита», «Шехерезада», «Щелкунчик», «Танго любви», «Дюймовочка».

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Немного бреда!..

Немного пафоса!..

Немного боли...

Почему бы и нет.

Переключивалась ли я на себя то, что написала? Так я с себя и писала.

Почти...

Начинать писать было немного страшновато. Я не была уверена, что у меня хватит сил пережить все это заново. Не была уверена, что смогу. Что у меня получится! Хотя, признаюсь, именно это меня и спасло.

Я искренне верила, что наступит такой день, когда покой и умиротворение овладеют мной и станут неотъемлемой частью моей будущей жизни. Я искренне верила, что я не захочу возвращаться туда, где был ежедневный, бесконечно тяжелый труд, где была боль и где было счастье!

Я боялась...

Но сейчас, когда я вижу и перечитываю написанное, я могу сказать без лукавства и ложного стыда, что я ничего не забыла. Я смогла вернуться и смогла пережить все это заново.

Да, было страшно. Были минуты отчаяния, минуты черных, безумных мыслей, которые могли привести к непоправимому шагу. Но именно в эти минуты в моей памяти возникали люди, которые всегда были рядом! Которые искренне помогали! Которые могли смотреть мне в глаза и улыбаться. Они помогли мне перешагнуть через это страшное, помогли понять, кто же я на самом деле.

Чего хочу.

На что надеюсь.

О чем думаю и о чем мечтаю.

А я все еще мечтаю.

И отнять это у меня невозможно!

И я понимаю, что со всем тем, что у меня в голове, что называется опытом и знанием, надо что-то делать. Куда-то деть, где-то применить. Или же просто рассказать. Ведь во мне все еще живут эмоции и чувства. Живут и требуют выхода. Мне захотелось рассказать о нас. Казалось бы, мы живем рядом с вами, живем по соседству, выходим из подъездов, садимся в транспорт, едем по своим делам, видим один и тот же пейзаж, но...

Но воспринимаем мы весь этот мир совсем иначе.

Почему?

Потому что мы живем совершенно в другом мире. Наверное, параллельном. Удивительном. Необъяснимом. Он, этот параллельный мир, у вас под носом, на расстоянии вытянутой руки, но вам, к сожалению, не дотянуться. В нашем мире есть место всему: минутам безумия и минутам счастья, настоящему горю и бесконечной радости, сиюминутному страху и нестерпимой боли. Все эти чувства, боль и страхи стремительно меняются. Меняются так быстро, что можно сойти с ума. Мы уверены, что если бы вы попали в наш мир, в мир балетного зазеркалья, то не смогли бы выжить.

Почему?

Потому что в двери нашего параллельного мира надо стучаться еще в детстве. Ведомые своими родителями, мечтающие о большой сцене, вы покидаете ваш нормальный, не искаженный зеркалами искусства мир. Двери закрываются. Для многих навсегда. И начинается путь, где ежедневный труд, настоящий на крови, на ломке костей и нескрываемой боли, становится твоим вечным попутчиком...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Кстати, дверь в наш параллельный мир действительно есть. И есть вход. Но выхода... Выхода нет...

Порой кажется, что для высокого искусства нужно совсем немного: зеркала, зеркала, зеркала и деревянная палка. Ну и чтобы пол не был скользким.

Странно, что я могла об этом забыть! Падать никому неохота, даже ради высокого искусства. Именно вот эти самые привычные и невзрачные предметы – несколько зеркал и палка вдоль стены – видят, запоминают и впитывают в себя ежедневную боль, ежеминутные страдания, пот и кровь многочасовых репетиций и победу человеческого духа и таланта. Но, как часто это бывает в жизни, все возвращается сторицей...

С болью соседствует удовлетворение, соседствует наслаждение и упование, соседствует страсть и вдохновение и, наконец, соседствует любовь!..

Ты проживаешь несколько жизней. Ты своим трудом и талантом вдыхаешь жизнь в эти многочисленные зеркала, в эту деревянную палку и начинаешь сознавать, что во всем: в каждом движении, в каждом прикосновении – есть душа! И эта душа светится – она зажжена искрой божьей. Она живет, и она улыбается.

Да, да, да! Я говорю о нас, о балеринах.

Удивительных, прекрасных и странных созданиях!

Холодных, на первый взгляд, и грубых.

Достаточно сильных и вместе с тем робких.

Но удивительно нежных и легко ранимых.

Да, мы балерины, свихнувшиеся, как говорят сегодня, по полной программе на искусстве движения – тела, мозга, души, сознания!

Образ, возникающий в воображении при упоминании слова «балерина», это такая парящая девушка с удлинёнными конечностями в воздушных одеяниях и с одухотворённым взглядом куда-то в заоблачную даль. И невдомек зрителю, что в этот момент у балерины могут быть так стиснуты зубы, что партнер даже слышит их скрежет...

А ноги! Эти божественные совершенства! И эти туфельки – сказочные, мягкие, нежные, уникальные! Кто же такое чудо придумал? Как же, наверное, прекрасно уметь в них танцевать! Какие же балерины счастливые! Как же им повезло, и везет изо дня в день!..

Поверьте, что в этих словах не только ирония. В этих словах есть и правда.

В балете остаются только те, кто по-настоящему влюблен в это наше искусство. А любить вообще, любить свое дело – это большое счастье. Но путь артиста балета – это не только везение и удача. Это боль. Поверьте – много боли. И много потерь... И много бесконечного терпения. Терпения и еще раз терпения. Терпения, возвращенного годами.

Пуанты

Туфли, вызывающие девичий восторг. Сшитые из розового атласа, с длинными тесемками, они кажутся на первый взгляд нереальными. Но не стоит пробовать сделать в них балетное па без особой подготовки. Особенно тем, кто уверен: секрет балерин кроется исключительно в умении «держат в руках» свой вес, а все остальное приложится, как только зазвучит, ну например, Чайковский.

Лишний палец

Когда Создатель создавал женщину, он – помимо всех тех великих дел, которые она должна совершить, в том числе и стать Матерью человечества, – как мне кажется, приписал ей еще одно великое призвание – призвание балерины. Он подарил ей пять пальцев на ноге, как и всем. И да простит меня Создатель – здесь он чуточку ошибся.

Почему?

Потому что пять пальцев на ногах балерины однозначно перебор. Крайний, тот, который мизинец, точно лишний. И с каждым годом мы, балерины, все сильнее чувствуем это. С первых же дней, как только примеряем пуанты, понимаем: мизинцам не место в большом балетном искусстве!

Но...о парадокс! Чем больше танцуешь, тем сильнее срастаешься с этой жестокой обувью, с этой болью, никогда не стихающей.

«Красота! – восторженно кричит зритель. – Bravo!..»

«Практика и опыт» – скажут профи...

И будут частые травмы, будут сдержанные стоны, будут синюшные ногти и мозоли, уставшие кровоточить еще в детстве, в первые годы обучения.

Балерины!

Да что же у вас в голове, что добровольно идете на такое?

Вот интересно: если бы мама заранее знала, что ее дочь в юности лишится ногтей на ногах, переломает себе кости и разорвет связки, привела бы она свою дочь в балетный класс?

Думаю – да. Сумасшествие балерин начинается, как правило, с их матерей. Это мечта, которая передается по наследству. Фанатичная любовь и целеустремленность питается не только желанием воплотить себя, но и оправдать надежды и мечты близких.

День первый. Пуанты

– Есть контакт... Ну наконец-то! Мы подошли! Нас забирают! Мы готовы потрудиться на благо высокого искусства! Левая... Ты как, ты где?

– Да здесь я. Уже окрестила... Опорная... Видите ли, пятак широкий. У меня прекрасный носик, а не пятак!

– Не надо ворчать. Еще неизвестно, для какого шедевра нас готовят. Может, в историю войдем.

– Не «мы войдем», а на «нас войдут». Мы в деле, но нас ждут еще экзекуции

– С чего это?

– Да вон же накупила: тесемки, резинки... а вот и прилипалы гелевые.

Ну, вот и дождала. Сегодня начинается. Работа над партией, которая закроет двери в целую жизнь. А что будет потом? Сейчас мне и страшно, и любопытно. Вот станцевала, вот мне поплодировали, вот занавес закрылся. Вышла из театра...

А вышла ли?

Точнее, надо ли выходить? Смогу ли выйти? Ведь как только выйду... Все!

Раньше было проще находить силы, чтобы терпеть. Мотиваций было больше. А сейчас как себя заставить? Чем себя мотивировать? Мне все равно скоро падать. И если я сейчас исчезну, то момент падения просто приблизится. Приблизится на пару недель. Нет, нет. Я должна. У меня ведь есть еще один раз. Да, всего лишь раз, но есть. Я не могу отпустить, потерять. Еще хоть раз. А может, потом произойдет чудо и я буду нужна? Чудо, мне нужно чудо. Пусть произойдет!

Новый день

– Зачем? Вот зачем надо было столько на нас нашивать?

– Если бы только нашивать! Еще и резать, пилить, долбить, тереть, штопать.

– А зачем? Ведь мы и так само совершенство.

– Да оглянись ты. Здесь все такие. Мы не одиноки в своем горе.

– Но они мертвы. Трупки. А мы полны сил, мы в фаворе.

– Да! Пока. Нас оживил ее интерес к нам. Как только он исчезнет, мы покойники.

– С чего ты это взяла, правая?

– А я видела, как она на тебя смотрела... безумными глазами... и приговаривала: «Опорная».

– Она маньяк?!

– Она и все, кто, танцуя, сливается с нами в страстном поцелуе.

– Ой, откуда столько пафоса?

– Из новой миссии. Мы избранные. Вчера, во время экзекуции, все время причитала, будто мы виноваты в ее предстоящей смерти. И так зло смотрела.

– А может, так оно и есть. Правда, потом опомнилась. И даже прощения просила. За что? Рано еще прощения просить. Вот после нескольких репетиций – это да. Вот тогда будет за что, я уверена...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Завтра опять приду к палке и начну что-то делать, что-то разогревать. Как заржавевший механизм без смазки. Что-то где-то скрипит, хрустит. Тело спит, так же как и желание двигаться. Болит...

Где?

Пытаться понять бесполезно. Болит везде. Болит все тело. Ты чувствуешь себя одним большим куском битого мяса. Битого профессиональным боксером. Именно поэтому я начинаю двигаться. В висках стучит банальное «надо». Еще чуть-чуть, еще пару движений и...

Первым просыпается желание.

Желание двигаться в привычной для себя манере.

Первая, вторая, пятая, снова вторая...

Тандю, плие, тандю, плие. Ну вот и кости сказали привет. Травмы уже успели оповестить, что после всего заболят к ночи. Но желание танцевать возникает вновь!..

А рядом все те же зеркала и все та же палка, и они все так же безмолвно созерцают мои ежедневные метаморфозы.

День следующий

– Ну, сегодня, кажись, дел не мало...

– Мало – не мало, а потрепаться придется!

– С чего сие мнение?

– Да вот же, пришел! Как его там? Ах да – партнер. Что сегодня?

– По дуэтам пойдём. Это значит...

– Это значит, что тебе, левая, сегодня не поздоровится!

– Ну да. Я же лучшая.

– Ты не лучшая, ты опорная...

– У меня все кружится! Такое чувство, словно моя физиономия вращается на полу отдельно от меня. Это конец. И мне, и обшивке на пяточке. Конец обшивке – конец пуантам. Такое впечатление, что меняется ракурс. Со стороны это не увидеть, но я чувствую, как становлюсь кривой. И при этом в одну и ту же сторону. И держать на ноге совсем не можем, да? То на моем правом ребре стоит, то на левом. А ровно не пробовал, а? Так, на всякий случай. Попробуй, тебе понравится. Как тебя там... партнер. Э-э-эй, правая. Ты где там? Жива еще?

– Отвали, я в арабеске!

Счастье

Почему у нас, у людей, состояние счастья всегда находится в будущем времени? Почему-то всегда, говоря о счастье, мы подразумеваем завтра, или послезавтра, или просто будущее...

Никогда не сегодня.

Что это? Признак несовершенства? Он нас и погубит.

Как может выжить особь, которая никогда не получает того, чего хочет? Если даже и получает, за секунду до свершившегося счастья начинает мечтать о чем-то, что сбудется лишь потом. Через час, завтра, через неделю. Не важно. Главное, что не сейчас. Сейчас, сегодня я в балетном зале, я все еще на сцене, я все еще на афишах. Сегодняшних афишах. Но меня это более не радует. Меня заботит, что завтра меня на них не будет. Так ведь это будет только завтра! Почему сегодня я не в эйфории от того, что все еще на коне?! Да, завтра коня из-под меня выдернут, вытянут, просто выбьют, отдадут другому. Отдадут вместе с седлом, на котором, как на троне, некогда восседала я. А уздечку оставят на память... Может быть...

Правда, они еще успеют пару раз отхлестать меня по лицу неграмотными заметками в прессе и рецензиями. А потом оставят в покое. Именно поэтому сегодняшней день и должен быть еще слаще и дороже. Именно потому я и должна пребывать в состоянии счастья и гармонии, что сегодня все именно так, как я хочу. Но нет, не получается! Мой мозг, оказывается, не дремлет. Он не дает мне возможности даже вздохнуть. Он, можно сказать, выжигает все мои попытки почувствовать себя счастливой от своих преждевременных умозаключений, выводов, гипотетических предположений. Визуализация моего несчастного будущего, которое может и не наступить, уже произошла. Уже перед глазами. Я уже вижу, как все будет. И от этого страдаю сегодня в, казалось бы, совершенно счастливом и гармоничном настоящем.

Новый день

– Сколько можно?! Надела, сняла, надела, сняла... Упрела уже. И чем недовольна? Сколько можно тыркаться? И что это за слово такое – «тыркаться»?

– Чего-то проверяет. Только понять не могу, что ей не нравится.

– Что значит косок кривой? Съехал косок, говорит! Что значит съехал? Кто окривел?

– Ты!

– Я? Да я ровнее всех ровных. Иначе как бы я ее держала на ноге. Намотала на свои пять приживал какие-то ленты.

– На все десять намотала. У меня тот же замес. Терпи. Кажись, она нас местами поменять удумала!

– Что? Я свою роль не отдам! Я лучше сдохну. В смысле: сломаюсь, или просяду!

– А кто у нас спрашивает?! Не парься, не навсегда. Ты слушай, что говорит.

Временно. Чтобы урвать. Потыркается и все.

– Пока она тыркаться будет, я свои последние целые ребра разомну.

– Терпи. Вряд ли нам под силу что-то изменить. А она... нервная какая-то.

– Да, все про этот день думает. Почему она его последним днем жизни окрестила?

– Пока не знаю. Да и куда уж нам! По ходу прояснится.

Скажи правду. Ведь дело не только в балете. Тебя раздражает само существование моих фантазий и желаний. Тебя пугает, что они не похожи на общепринятые. То есть как должно быть – мне не нужно, мне нужно по-своему, по-другому. Нет, ничего аморального, ничего пошлого. Но другое. И тебя это не просто пугает. Ты боишься, что, не дай бог, кто прознает. Тебе стыдно от одной только мысли, что все догадаются, что рядом с тобой не такая, как все. Не лучше и не хуже. Просто другая.

А зачем тогда все это время надо было быть рядом? Ты ведь давно понял, что горбатого могила...

Зачем остался?

А я отвечу.

Есть в тебе такое садистское желание поломать человека и переделать его по своему если не подобию, то как минимум – желанию.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Ломка души вызывает столько восторга и удовлетворения, что, когда я смотрю на тебя, лица уже не вижу. Только гримаса. А в удачные моменты, когда страдание меняет черты и моего лица, ты отходишь в сторонку. Ибо видеть душу в неглиже не всегда приятно. Да и смотреть так откровенно на погибель есть не что иное, как признание участия в этом...

А ты же не можешь так пасть в глазах благочестивого общества.
И не хочешь!..

Что же меня так сильно пугало тогда? Тогда, когда я отказалась быть еще кем-то в этой жизни. Отказалась от собственного продолжения. Отказала себе в статусе мамы. Отказала себе в бессмертии...

Что пугало больше: потерять место под солнцем, которое вырывала зубами, как волк, или увидеть кого-то на этом самом месте? Что именно застилало глаза? Видимо, и то и другое. Но ведь знала же, что когда-то придет это самое «и то и другое». Причем вместе накатят. Знала, но не понимала. Не чувствовала...

Вот стоишь ты на прекрасной равнине, под лучами солнца. А вдалеке гора. Еле заметная. И ты вроде к ней идешь. Медленно, не спеша, но все равно идешь. А она не приближается. И вдруг, в один момент, в одну секунду оказывается рядом. Ты же только на мгновение прикрыла глаза, только моргнула. А она уже не просто рядом, а надвигается на тебя, приминает и оставляет под собой. Погибая, хочется обернуться и посмотреть назад, но для чего? Зачем? Ведь там ничего нет! Там уже никого нет!..

Все. Поздно...

Да, здесь были до меня. Были те, кто с легкостью отходил и видел рай в другом. Потом, правда, хотели обратно, но место уже было занято. Они огорчались, сетовали, жаловались, но было поздно...

А я выиграла!

Проиграв по полной...

Новый день.

– Ты видела? Ты видела это?

– Скорее слышала.

– Ужас! Деревянный какой-то косок, говорит. Носом кверху, говорит. И как давай лупить меня этой дубиной...

– Это не дубина. Это молоток. Молоточек, всего лишь.

– Не важно, что. Важно, за что и почему. Больно же! Дубасить меня после всего, что я для нее сделала. Вот кто она после этого?!

– Балерина! Это слово говорит само за себя. Так их, кстати, называют. Так они сами себя называют. Причем всегда с разной интонацией. Порой кажется, что они просто лопаются от гордости, что их разорвет на части, когда они произносят это слово. А иногда кажется, что они ненавидят сами себя! Ненавидят, потому что однажды позволили себя так окрестить.

– Да, словечко на редкость уникальное. Хочешь сделать какой-нибудь дамочке изысканный комплимент, назови ее балериной. В этом слове есть все: и утонченность, и легкость, и изысканность манер, и свобода мыслей, и раскрепощенность движений! И, конечно же, красивая ножка, нечаянно оголившаяся в самый подходящий момент...

Но есть и оборотная сторона.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Скажи это слово с интонацией презрения, так сразу полезут наружу всякие мерзости и грязная низкопробная пошлятина. Сразу заговорят о стервозности характера и сучьем поведении.

Выбирайте, господа!

Вам какую?

А берите любую. Вы же так уверены, что в каждой из них есть все то, что может себе представить извращенное общественное мнение, произнося слово «балерина»...

– Ну из тебя и поперло!

– Я сама обалдела, левая. Как будто чей-то текст читала. Откуда все это? И слова какие замысловатые. Понять бы что плету, может, и ее бы понять смогли... Хотя это реально нереально.

– Думаю, это вирус. Да, точно. Ты посмотри на них на всех. Даже когда они пытаются быть нормальными, их выдают безумные глаза. Им очень комфортно рядом друг с другом. Интересно, когда они в люди выходят, их не пугаются?

– Вот взять их всех или одну из них, посадить в клетку и показывать всем мамашам, которые мечтают любым способом довести свое чадо до большой сцены! Пусть посмотрят. Пусть увидят! Мне интересно, что они скажут после этого, и смогут ли вообще что-нибудь сказать...

Я знаю, почему ты хотел сделать это со мной. Почему хотел лишиться меня воздуха. Именно этого воздуха, которым пропитаны стены театра. Воздуха, что витает за кулисами – ведь там особый воздух. Хотел разлучить меня с призраком, рожденным любовью и страданиями влюбленных в балет. А он дорог нам всем, ведь в нем есть частичка каждого, кто хоть раз был поражен в самое сердце безумной, порой безответной, порой испепеляющей страстной любовью. Да, любить балет дорогого стоит, любовь к балету граничит с безумием. Понять влюбленных в балет практически невозможно. Любить влюбленных в балет губительно. И если тебе не свойственна самоотверженность, лучше и не начинать. Чревато летальным исходом. Но до этого не дошло, слава богу. Я знаю, почему ты так методично вел меня к пропасти, а когда я сорвалась и начала падать, стоял и смотрел без намека на сострадание. Банальная зависть. Ведь тебе неведомо любить искренне, не ожидая от этого бонусов с поощрительным призом. Ты и понятия не имел раньше, что кто-то может жить и видеть в жизни смысл.

Я не про вовремя поесть и мягко поспать.

Я о глобальном. Я о способности послать в космос мечту, а в ответ получить звездопад!

Ты смотрел на меня, видел, как это прекрасно, и понимал, что тебе подобное чуждо. Ты уже выбрал свой путь и до моего появления видел в нем благо. Но пришла я, и выбранная тобой аллея из роз показалась бледной, пустой, слишком понятной, скучной и, увы, на самом деле ненужной. Но как же в этом признаться?

Нельзя! Невозможно!

А вдруг кто-то увидит и поймет, как же слаб владелец этого, на первый взгляд, роскошно вышитого полотна, на самом деле созданного из поддельных камней, ненатуральных тканей и гнилых ниток...

Гораздо проще было уничтожить меня, и все было бы шито-крыто. Но ты не учел одного: когда я падала в ту самую пропасть, уготованную для моего ритуального погребения, я неожиданно для тебя взмахнула крыльями и полетела.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Да, именно так, полетела! Полетела, потому что у меня есть крылья.

Откуда?

А это презент. Это истинный, настоящий подарок за бесконечное количество жертвоприношений. Он выдается не всем. Он выдается только тем, кто безнадежно и пожизненно влюблен. Не в тебя, не обольщайся, а в балет. Именно в балет!

Мне не дано, рассуждал ты, значит и у другого пусть не будет. И тебе было наплевать, что ломаешь жизнь. Я сейчас бесконечно рада, что мои крылья сработали вовремя. Именно в тот момент, когда физиономия моя почти размазалась о ту «чудненькую» жизнь, что была мне уготована.

А сейчас...

А сейчас я бы еще полетала. Еще и еще. Короче, я бы всегда выбирала этот путь, будь у меня возможность повтора.

Новый день

– Ну вот и новый день... и мы как новые. Подправила она нас, привела в порядок – работала от души. Вышивала весь вечер наши носики и приговаривала свои шаманские заклинания: «Вот теперь-то вы будете ровнее и устойчивее». Лично я довольна результатом. Красиво получилось. Ажурненько так. Хотя и больно тоже было...

– Красота требует жертв. Кстати, все это из-за тебя, кривая твоя опорная морда.

– Это все, что ты можешь сказать? Я тут являюсь мотиватором сотворения красоты, и никакой от тебя благодарности.

– Я тебе по гроб благодарна буду, если ты сегодня без фокусов отработаешь, чтобы она от нас отстала и перестала что-то еще выдумывать... Чудаковатые все же эти балерины. И ведь всё они, блин, умеют: и плясать, и летать, и шить, и вышивать, и при этом еще материться в такт концертмейстеру...

– И долбить, и пилить.

– Да... было такое. Страшно вспомнить.

– Ну все, тихо. Чего-то она опять нам нашептывает. Давай послушаем...

Как же надоела эта фраза: «Отпусти и забудь». Причем эту банальную ерунду говорю я сама себе. Что это за формула такая? Везде и всегда. Накосячила, потом подумала, сказала это дешевое заклинание и пошла дальше. А что делать с осадком, который как изжога не дает спать? Видимо, то же самое: отпусти и забудь! Ни фиги! Не сможешь. Будешь жить с этим и дальше с той небольшой разницей, что теперь пакостный фрагмент твоей единственной жизни перейдет из разряда настоящего в прошлое, из словесного признания в осколок памяти.

Вот и все. Фрагмент, да и только. Кстати, бабочки в животе в какой-то момент перестают приносить радость и начинают заживо поедать тебя изнутри. И ты слышишь их чавканье постоянно. Кислотный баланс нарушают, сволочи, а потом еще и какают в душу...

Этот мир слишком стар, чтобы удивлять счастьем.

Боль

Почему именно боль провоцирует к действию? Воспламеняет души порывы, разжигает жажду к творчеству? Неужели человек настолько противоречив, что именно в те моменты, когда его уже раздавили, плюнули в, казалось бы, неиссякаемый источник доверия и уважения, хочется... быть!

Именно быть!

А вот в какой момент мне стало абсолютно все равно, стало глубоко наплевать на его мерзостные выходки, не помню. Помню, что когда-то это лишало меня сна, давило на плечи, как бетонная стена, сидело, как гвоздь, вбитый в голову. И эта постоянная пульсация в висках, крик, застрявший в горле. И ни есть, ни пить, ни, собственно, жить не хотелось...

А сейчас только фраза в сознании: «Уже завтра все это будет не так актуально, не так интересно, не так нужно и важно. Завтра будут новые герои дня, которых они будут пытаться потопить в своей желчи».

И улыбка...

Да, я знаю, что моя улыбка вас очень раздражает и бесит. Знаю, что порой моя улыбка вызывает у вас желание ударить меня по лицу.

А вот мотивация моей улыбки разная. Часто я просто милая. А иногда мне до лампочки, что вы есть. Или просто достали!

Когда уже придет благословенный конец этому эпизоду моей жизни?!

Но в большинстве случаев теперь можно услышать следующее: «Вот и все, господа! Вам уже не добраться до нее. Все двери закрыты, замки закодированы, пути проложены загадочным лабиринтом. Душа ее вам больше недоступна. Она умирала, загибалась, отчаянно просила у вас помощи и до последнего надеялась. Но, как только она поняла, что последний вздох уже близок, ее душа возродилась и вернулась к жизни. Теперь она здоровенькая, целенькая, благоухает нектарами счастья и благополучия, и вся в себе, в себе любимой.

И вам до нее *не добраться!*

Вот почему, общаясь с вами, мое «милое и родное окружение», я иногда улыбаюсь. Улыбаюсь, когда вы этого от меня совсем не ждете...

Еще один день

– Наконец-то это издевательство над человеческим телом, а именно над ногами, а еще конкретнее, над пальцами ног, закончилось. Они ни в чем не виноваты! Ни в прошлой жизни. Ни в настоящей...

– Какими-то лихими фразами разбрасывается наша подсохшая дама...

– Это профессиональный сленг. Учись, пока можешь. Неизвестно, сколько мы еще протянем. Приговор объявила: надо их сломать. И как выпучилась... на тебя, левая...

– Чего сразу на меня?

– Ну, ты же у нас типа главная!

– Я не главная, а опорная.

– О-о-о, уже тон сменила! Ну что, спеси поубавилось? Потрепали нашу опорную?

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Нет, ну правда. Что это? Собери свои пятки. Или подними бедра, а еще лучше подтяни бедра! Куда?

– Думаю, на уши. Ну а куда еще?

– Про уши отдельная тема: левое ухо к правой пятке! Расчлененка какая-то!

– Давай за себя говорить. У тебя опять пятый элемент выпер.

– Этот пятый элемент лишний! Неужели она этого не понимает? И синюшный какой-то все время. Отрезать бы.

– Не, она его любит, потирает все время. Она их всех любит. Хотя непонятно, за что. Ухаживает, как за детками малыши. Их все-таки десять – это цифра!

– Она и этих бездельников, прилипал, тоже любит. И что? Ну ни хрена же они не делают, просто они есть. Для успокоения, что ли? Целует их каждый раз, прежде чем надеть.

– Не целует. Она на них дышит.

– Интересно, зачем?

– Дура ты, опорная. Совсем содержимое набекрень съехало. Чтобы тепленькими надеть!

– А-а-а! Простите, если что. Куда нам, дешевой рабсиле.

– Не очень-то и дешевой. По крайней мере, в ее жизни мы последние, а значит очень дорогие! А как думаешь, нас в музей сдадут или дома на полочку реликвий?

– Тебя, дорогуша, на свалку. Ничего не умеешь. Только так, на всякий случай. Ног все же две, и обувь надо было две. Вот ты и существуешь.

– Молчала бы, рожа твоя раскуроченная!

– Я вот одного не могу понять: за что эти странные создания, а их здесь много и все танцуют, себя так ненавидят? Ведь этим разит от их каждого шага, каждого слова. Издеваться над собой? Вас что, мама так учила? Причем у всех у них, видимо, одна и та же мама.

Колизей. Бой гладиаторов окончен. Слабого не добились, и его судьбу может решить только Цезарь. А именно его большой палец. И толпа замирает в ожидании. Сердце поверженного стучит, и в эти секунды он осознает, насколько его собственная жизнь ему не принадлежит. Он чувствует все по-другому. Он понимает, что... обмочился, и это ужаснее всего остального. И...

У нас есть свой Цезарь, и его зовут зритель. А большой палец – это аплодисменты. Да, Цезаря не обмануть, не подкупить, не заставить. Не буду гневить Всевышнего, мой Цезарь меня баловал. Хотя бывало, что и давал по шее, бил физиономией об пол. У всех, кто живет на сцене, палец главного судьи иногда был опущен вниз. У кого реже, у кого чаще. И в те моменты, когда палец вниз, хочется забраться в необитаемую, никому не известную пещерку, где уже заготовлен любимый плед, и все диски с сагой «Звездные войны». И выползти снова на свет божий лет через сто. Да, именно зритель и только он вправе судить. И сколько бы ни бросали в артиста грязи, сколько бы его ни ругали, настоящий зритель в состоянии всего этого не замечать, если он хочет, конечно. И никому не отнять того светлого, искреннего и радостного, что было подарено зрителем.

Обратная связь

Вот смотрю на вас и думаю: что вы для меня, а может все же *кто*? Я так часто разговариваю с вами, что иногда просто уверена: вы меня слышите! Скажут, бред. Но ведь это

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

совсем не так. Признаюсь. Да, иногда я сама открываю двери в параллельную реальность. Для меня она существует. Вы решили, что у меня крыша... Хорошо! Называйте это как хотите – хоть шизофренией! Довольны? Но я-то не одна такая. Мои коллеги по сцене делают то же самое, но только шепотом, чтобы никто не услышал. Чтобы никто не разгадал заклинание договора между балериной и пуантами. Ведь каждый договор чисто индивидуальный. Личностный. Единственный в своем роде. И неповторимый. И все тексты, конечно, совершенно разные. Важно только одно: чтобы они не начали отвечать. Это главное. Как только услышишь обратную связь, знай: дорога одна – в психушку...

Черт возьми, какие же чувства я к вам испытываю? Это привязанность или любовь? Или и то и другое? Если это так, то почему же я с такой легкостью избавляюсь от вас, когда вы приходите в негодность? Точнее, я даже не замечаю, как моя привязанность переходит на новую пару, только что подготовленную для выхода на сцену. Я только сейчас поняла, что не задумывалась, даже не смотрела в ту сторону, куда выбрасывала ваших предшественников.

Как жесток мир потребителя!

Даже эмоции, способные оживить неодушевленный предмет, бесследно исчезают по причине ненадобности предмета прежнего, еще недавно обожаемого...

И еще один день.

– Вот опять она начинает. Выдает просто гениальные тексты: «И чего ты так сигаешь? Как корова!», «На косяках – как корова на льду!»

– Если она так похожа на корову, стоит ли вообще на сцене появляться?

– А может, у нее роль такая? Может, это она ее хвалит за трепетное воплощение образа парнокопытного?

– Точно! Еще вчера же кричала: «Не раскидывай свои культяпки! Держи форму! Не лягайся ногами, забьешь его до смерти! Хвост подбери, совсем оттопырила!» Роль, видать, такая!

– Подожди. Тогда мы кто? Копыта? Не, я не согласна! Я на такое не подписывалась! Я обувь, причем высокопилотажная!

– С кривой мордой! Не важно. Главное, мы в деле, а вот в каком – разберемся. Все лучше, чем на съедение жучкам и плесени!

О вечном

Высокое искусство! Почему *высокое*? Кто придумал это словосочетание и что имел в виду? Творческое вдохновение, полет фантазии, утонченное восприятие реальности? Для понимания высокого искусства нужна тонкая организация души. Оно напоминает мне крутую лестницу с множеством ступеней. И у каждого, кто пытается достичь вершины, количество ступенек разное. В любом случае число это сравнимо лишь с бесконечностью. Важно понять эту бесконечность. И важно почувствовать, насколько уверенно ты шагаешь по ней, покоряя и постигая. Душевное спокойствие наступает только тогда, когда ты видишь начало своего пути и достойный финал восхождения.

Но нет финала в этом восхождении.

Именно поэтому оно *высокое*!

Поражает другое: добровольное, самоотверженное, фанатичное и ничем не объяснимое самобичевание на каждом этапе неутомимого желания идти дальше и подниматься выше...

Подниматься, несмотря на беспощадную конкуренцию и на желание любого занять твое место. Ведь каждый шаг, каждая ступенька этой крутой лестницы имеет свое название. Одну из этих ступенек можно смело назвать «Боль». Она, эта боль, к сожалению, повторяется с завидным постоянством. Еще чаще повторяется ступенька «Жертвоприношение».

И все это непременно чередуется с «Бессонными ночами» и «Неустанным, вдохновенным трудом».

Вот такая она – эта чудесная и удивительная лестница!

Преодолеваешь ее и не знаешь, дойдешь до вершины или нет. И на этом долгом, изнурительном пути слишком много потерь, порой важных и значимых. А останавливаться нельзя, и повернуть назад невозможно.

Да, конечно же, есть и другие лестницы – менее крутые и куда более короткие. Но мне дорогá именно моя, потому что она любимая и родная, непредсказуемая и притягательная, прекрасная, мучительная до слез и одна-единственная в моем сердце.

Измена

Принимать или нет? Практически – как «быть или не быть».

Происходит однажды, а потом реприза. И ведь каждый раз переживаешь по-разному. Особенно тяжело, когда это происходит впервые. Сразу бросаешься в крик и в истерику.

Принимаешь радикальные решения, возникает принципиальная позиция, а самое главное, что весь мир вокруг знает: ты в грязи, но...

Но с принципами. Тут важно отмыться. И как только отмылась, то пошла дальше...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

А дальше на дороге опять грязь. Но так сразу и не скажешь – умеют они, падлы, маскироваться. И лежит ведь симпатично. Подбираешь и идешь дальше. А там развилка, а на развилке камень: налево пойдешь – останешься с этой грязью навсегда. И ведь не отмыться никогда, и жить тебе с этим. Направо пойдешь – бросишь мерзавца, и будешь чистенькой, потому что ни к чему тебе с этим возиться.

Но вот в чем проблема. Нет гарантии, что через некоторое время, через определенный промежуток пути тебе опять не встретится...

Так что в очередной раз ты просто молча принимаешь решение. В моем случае – тихонько удираешь огородами, и только направо, и никаких других вариантов, никаких компромиссов. Допускаю, что компромиссы могут быть, но только не со мной. Меня такой мама родила.

В чем проблема, могут спросить, почему?

А ушла любовь! Мимо прошла... Как-то так. Развилки в моей жизни было не так уж и много, но все же были. Путь этот не самый прямой и не самый гладкий. Не похож на *comme il faut*. Да и слава богу!

Вот я тут подумала, что, если бы пришлось начинать сначала, я бы не стала ничего менять.

Точно до каждой грабелки, каждого подло подложенного камушка, каждой вырытой канавки. И сегодняшний результат, то, к чему я пришла, меня очень даже устраивает.

Попытка договориться. Сцена

Ну привет. И как тебе? Тебе, поглотившей столько доверчивых душ, сломавшей столько жизней, загубившей множество надежд. Да что же ты за творение такое? Вершитель судеб, властелин стремлений и грез.

О тебе мечтают, за тебя дерутся, тебя боятся и от тебя уходят!

Уходят иногда с победой, иногда с поражением, но всегда, всегда хотят к тебе вернуться!

Что в тебе такого демонического, что ты не отпускаешь? Что такого колдовского, что заставляет страдать в разлуке с тобой?

Ответь! Пожалуйста! Хотя нет. Молчи.

Признаться, у меня всегда получалось договориться с тобой. Ну почти всегда. Каждый раз перед началом спектакля, я приходила к тебе. Я выпрашивала удачу, просила не подводить, не ставить подножку. Я держала руку на твоём пульсе и чувствовала твоё дыхание. С годами я научилась тебя понимать, слышать, и ты была снисходительна ко мне.

А я всегда была благодарна тебе.

Ответь только на один вопрос. Почему? Почему не отпускаешь, когда знаешь, что пришло мое время уходить? Держишь так, как будто я единственная, незаменимая. Посмотри, сколько у тебя новых жертв. И все они молоды, полны сил и готовы быть с тобой всегда! Они не сводят с тебя глаз, они молятся на тебя и поклоняются тебе, как божеству. Многие из них еще не знают твоего коварства. Некоторые знают, но все же надеются и верят в твою благосклонность.

Так что же со мной? Прошу тебя, отпусти! Не зови больше...

Я хочу почувствовать свободу, хочу понять, что этот раз – последний, что именно сегодня некий этап моей жизни закончится, и я начну что-то новое, и мне, наконец, будет *хорошо!*

Новый день. Пуанты

– Сегодня был тяжелый день. Ужасный! Она как будто взбесилась. Гонит, гонит, гонит – подряд, без остановки. Агония какая-то. Сама же говорит, неделя еще впереди. Зачем же так гнать? И сегодня ей совсем не жалко было своих любимцев. Они еще в середине этой вакханалии под названием репетиция перестали подавать признаки жизни. И ей было все равно. А я услышала. Наконец-то услышала! Ей было больно. Больно и страшно. Сегодня эти ощущения затмили удовольствие от правильно выполненных пируэтов. Откуда взялся этот страх? И что-то мне подсказывает, что с каждым днем мы будем слышать ее все больше и больше. И что это за монологи такие? Зачем она себя уговаривает?

– Не уговаривает, а разговаривает. С собой. Слышишь, как себя ругает?

– И как будто плачет...

– Да не плачет она, а улыбается.

– Это она для всех, а на самом деле...

– Плачет, шепчет, стонет, а потом затихает, словно ждет чего-то. Что это? Кто это?

– Это душа. Мы теперь ее слышим.

– А почему именно сейчас?

– Сейчас все пропитано ее нутром. Она танцует, и частички ее души, словно брызги, летят в разные стороны, растворяясь в окружающих предметах. Такое ощущение, что всё, к чему она прикасается, всё чувствует ее: этот пол, эта палка...

– Станок, левая. Запомни уже...

– А мы?

– А мы теперь с ней одно целое. Мы часть ее тела, мы слышим ее душу, мы живы и будем жить, пока она в нас танцует. И в ее случае – просто пока танцует.

– А почему?

– Ты еще не осознала? Глупая ты, опорная. Мы – *последняя пара!* В нас впитывается все: страх и боль, счастье и грусть, любовь и ненависть, радость и горечь. Горечь от каждого ускользающего дня ее танца. Она ведет обратный отсчет.

– А что будет, когда он закончится?

– Ничего. Там дальше ничего нет. Нет жизни, нет дыхания, нет пульса. Там смерть, и она это знает.

– Наша смерть?

– Нет, ее. Но это значит: и наша. Мы ведь начали становиться единым целым. И сейчас мы – это и есть она. Мы чувствуем не только, как она вращает носок, но и зачем она его вращает. Легкое *balançoire*, *arabesque*, и мы уже понимаем, что она хочет сказать, и продолжаем эту ее мысль. И понимаем, сколько усилий и терпения, сколько смысла в каждом едва заметном движении...

Уходя – уходи

Люди не ценят. Живут себе, пользуются друг другом и ничему не учатся. Точнее, они не осознают, не понимают. Или не хотят понимать. Поэтому и не ценят. Может быть, это прописная истина, но, только потеряв, люди прозревают...

И только тогда им становится по-настоящему больно! И в этой боли возникает безысходность. Наступает чувство бессилия. И нет выхода. У всех без исключения. Обратного не вернуть, в эту пропасть не заглянуть. Остаются только какие-то предположения, видимость призрачных надежд и едва мерцающая вера. Но все это не помогает, не успокаивает, не лечит,

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

не дает забыть или забыться. Лишь одно гложет изнутри и не дает покоя. Стыд. За поступки, за мысли, за произнесенные слова. А пытаться хоть что-то изменить уже невозможно. Человек беспомощен перед законами мироздания. Уходят те, кому пришло время уходить. Они должны уступить место другим. Но кому пришло это время? Кто может знать наверняка? И не ты ли сам должен вскоре покинуть этот притягательный плотский мир?!

Всему есть начало, и всему есть завершение. Когда-нибудь и на тебя будут смотреть как на помеху. Как на лишнего. И никому нет дела, что тебе так хочется жить: быть в работе и выступать, дарить автографы, обнимать родного человека на семейном фото, сидеть с другом в кафе, бежать по упругому песку вдоль моря и просыпаться по утрам от весеннего солнечного света.

Страшно быть списанной! Страшно стоять в очереди на прощание. Кстати, просто к слову: сегодня вечером у меня последняя, генеральная репетиция этого вышеописанного спектакля. Я первая в очереди на прощание.

Прощание со сценой...

Новый день

– Опять началось! Как это вообще возможно? Убрать за себя ногу... спрятать диафрагму... Как?

– Так же, как и опустить хвост на пятки, достать макушкой до коска, проутюжить пол стопой, жирно сесть, гордо встать, мягко лечь...

– Как ты думаешь, они друг друга понимают?

– Думаю, что да. У них у всех в голове одна и та же ерунда.

Искренность

Ты самое простое, на что способен человек!

Но и самое сложное из того, что может человек позволить. Тебя порой так не хватает. Но иногда ты способна причинить невыносимую боль. Ты олицетворение всех самых прекрасных человеческих чувств, но ты способна и убить. Тебя ищут, за тобой охотятся, тебя даже пытаются купить. А приобретая, стараются спрятать подальше, чтобы никто не увидел твоего истинного лица. Ведь оно не всегда прекрасно! Вот и я так хотела жить в твоём окружении. Я доказывала тебе, что не испугаюсь твоих разных лиц и образов, что я приму тебя в чистом виде и не буду пытаться приодеть в вычурные наряды такта, этикета, порой столь неуместного правильного воспитания, скромности и сдержанности. Я надеялась, что смогу избежать пожирающих правил игры человеческого общества.

Не получилось. И ты жестоко отомстила. Ты моим же голосом продекларировала мне, что да как. И вот сейчас я уже не могу без тебя. Я – может, не словом, но взглядом – представляю тебя на зрительский суд. И, пожалуй, самое замечательное то, что, когда достигаешь состояния необходимости искреннего выявления истины, реакция остальных перестает тебя волновать.

Да и плевать я хотела, что вы обо мне думаете. Ради бога! Что и сколько угодно. Мне хорошо с моей правдой. Совесть больше не втыкает ножи в селезенку, а душа ликует, что имеет право на свое первозданное, неопороченное существование. Знаю, что это ненадолго. Знаю, что меня будут пытаться порвать на мелкие кусочки. Будут пытаться утопить. Но это того стоит.

Я не часть стада, и нет у меня пастуха!

Нет за спиной цепного пса-надзирателя, и нет на мне ценника!

Я – это Я!

Почему иногда так хочется ничего не хотеть?

Смотреть, чтобы не видеть. Слушать, чтобы не слышать.

Выбираю одну точку на горизонте, и она для меня в эту минуту весь мир. И чувствую, как раздражает меня вся эта оставшаяся за плечами, суетливая жизнь. Шарканье ног, звуки телевизора, гул проезжающих машин, однотонные голоса людей, бессмысленно прожитые часы и минуты, из которых можно сложить целую жизнь.

Целую жизнь в моем одиночестве.

А что для меня значит мое одиночество?

Для одних это повод пофилософствовать, для других – познать себя. Для кого-то – горе, несчастье. А для меня это образ жизни. Ведь я так живу. Мне так комфортно. Черта характера, врожденная особенность, которую я, кстати, не хочу менять или терять. Не скажу, что испытываю состояние безмерного счастья. Да я и не бываю одна, когда одна. Память выталкивает из всех закоулков огромное количество созданных образов, и они мелькают как в цветном многосерийном фильме. Были мы в твоей жизни, говорят они, были! Мы часть тебя, и будем жить с тобой бок о бок, нравится тебе это или нет. Одни образы вызывают улыбку. Некоторые заставляют краснеть. И стыдиться!

Сволочи!

И еще один день. Пуанты

– Опять она с ними разговаривает. Опять: «Мои родные, дорогие. Потерпите еще немножко!» И трет, и трет их. Как будто без нас они на что-то способны. Десять синюшных, никчемных отростков. А про мизинцы я вообще не говорю. Они умерли еще тогда, когда она увидела свои первые пуанты. Они от шока впали в кому. Безвозвратно. А потом и вовсе умерли. Она ведь с ними двадцать четыре часа в сутки. Вот и вымолили к себе особое отношение. А с нами как что не так – сразу за молоточек. Или иголки давай втыкать. Перепонок ей, видите ли, не хватает. Стопа, видите ли, выпадает. Куда? Хотелось бы знать. Ниже пола не выпадет. Ой, бедные мы, несчастные. Великомученики!

– И не говори!

– О-о-о, наконец-то голос подала. Вот спасибо, что слушала!

– Да брюзжишь не переставая. Я уж молчу в надежде, что успокоишься.

– Это нервное, понимаешь. До спектакля совсем ничего. А на мне ответственность.

– А я, типа, погулять тут вышла, да?

– Нет, но, согласись, я все же ведущая!

– Опять понесло... Пафос – мое второе «я». Все, я выключаюсь.

– Спи-спи, наглец безответственный. А я еще немного подумаю о прекрасном...

– Думай. И тряпье подбери. А то опять весь нос в клочья.

Никогда

Никогда! Теперь это слово ключевое для тебя. Теперь оно будет молоточком стучать в висках. И скоро все, что тебе важно и любимо, что свято в этой жизни, будет уплывать под флагами, на которых черным по белому...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Нет, красным по белому, кровью по белому будет крупно выведено: «Никогда!». Никогда ты не будешь больше там, ради чего билось сердце многие годы. Никогда не будешь так ярко слышать запах старой краски на декорациях, никогда больше это не будет так приятно и трепетно. Никогда больше не будешь поглаживать пол, уговаривая не ставить тебе подножку. Никогда больше не будешь считать эти звонки в обратном порядке: три, два, один. Никогда больше звон их не будет накатывать на тебя волной тошноты и смятения. Никогда больше черная дыра зрительного зала не будет тебя завораживать, как бездна, кишашая загадками непредсказуемой реакции. Никогда больше слепящий свет софитов не будет проникать в самое душу и останавливать сердцебиение. И никогда больше ты не будешь ругать последними словами того, кто направил пушку тебе прямо в глаза. Ему ведь все равно, что у тебя диагональ!

Никогда больше твоя голова не будет кружиться в безумном ритме, превращая огни рампы в змеиное кольцо, которое душит своим красным светом. Никогда больше ты не будешь снимать пуанты и наслаждаться болью от вновь обретенной человеческой формы. Никогда больше ты не будешь покидать эти стены с чувством полного, безграничного счастья и желания идти к новым образам, несмотря на смертельную, тотальную, уничтожающую усталость, которую ты почувствуешь только через несколько часов после первой попытки уснуть...

Вот я не могу вас понять. Искренность для вас зло. Ну такое вселенское, я бы сказала. Если плохо, так и скажите, что плохо. Ведь всегда есть спасительные фразы вроде «Это не в моем вкусе» или «Я бы увидел по-другому». Вполне культурное облачение для негативного мнения. Так нет же, вы предпочитаете процедить сквозь зубы «Поздравляю!» и резко поменять тему. Как будто сотворенное тобой настолько мелко и ничтожно, что вскользь брошенной фразы вполне достаточно. Но ты ведь ждешь. Ждешь искренности и понимания. Ждешь достойного, делового и профессионального обсуждения. Ждешь простого человеческого мнения.

«Да куда тебе до моего великого мнения» – обычно именно так пытаются себя преподнести... Или здесь другое? Боже! Неужели банальная зависть способна лишить дара речи? Неужели этот порок так всемогущ и имеет такую власть над человеком? Неужели зависть способна задушить любые светлые ростки душевной доброты?

Нет вакцины от этой неизлечимой болезни. Нет противоядия от чумы под названием зависть. И люди даже не пытаются его найти. Не проводят исследований, не создают специальных лабораторий под названием «в борьбе против зависти». А ведь жертв зависти больше, чем после любой эпидемии.

Пожалуйста, господа ученые-медики, придумайте такую таблетку, такую вакцину, которая будет очищать душу, отрезвлять мозг и рождать в человеческом сердце чувство доброты и сочувствия!..

Прощание. Сцена

Я пришла в последний раз. Теперь ты от меня избавишься. Что просить сегодня у тебя, в этот последний прощальный день? Успеха, удачи, возможности еще хоть раз вернуться? Пожалуй, не буду ни о чем просить. Сегодня я просто помолчу. Пусть будет как будет! Пусть сегодня я просто забуду о том, что что-то кому-то должна.

Пусть сегодня на сцене буду только я!

Моя душа

Пусть сегодня я посмотрю на тебя ее глазами, только ее. Без всех страстей, смятений, сомнений. Быть может, потом станет легче, понятней, как от тебя уйти и как жить без тебя. Нет, я не буду проверять сегодня наш контакт, я просто посижу. Тебе же нравится, как я пальцами дотрагиваюсь до тебя и чувствую...

Что-то чувствую.

Выдержи меня еще раз. Знаю, ты ищешь молодой крови. Тебе нужны новые жертвы. А кто же я для тебя? Уже использованный материал, пройденный этап, уходящая натура?

Но сегодня тебе придется быть со мной. Сегодня я буду жить в «сегодня». Я возьму у тебя сполна то счастье, за которым пришла сюда много лет назад. Ты отдашь мне его. Ты вернешь мне мою душу. Я заставлю тебя. Я сольюсь с нею, когда буду танцевать, и уже никуда не отпущу. Пусть потом это сведет меня с ума, пусть потом я утону в собственном безумии. Но сегодня, сейчас, здесь я самая счастливая. И этого ты у меня не отнимешь. Это мое. Да, я уйду потом. Уйду навсегда. Мой уход причинит моим близким много боли. Они, наверное, никогда не поймут меня. Но только так я смогу доказать всем, себе, и прежде всего тебе, что я знаю, что такое счастье. Я его испытала! Я его вижу! Я его чувствую!

Последний контакт. Пуанты

- Почему она замолчала?
- Почему она нас не снимает?
- Почему мы ее больше не слышим?
- Где душа? Молчит. И она молчит.
- И нам пора замолчать. Мы ведь его выполнили. Свое предназначение.
- По-моему, очень даже неплохо выполнили.
- Значит, точно пора.
- И нам, и ей.

– Прощайте, уважаемая публика. Нет, не скажем «до новых встреч». Да, это было прекрасно, но все прекрасное когда-нибудь кончается. Мы забираем ее в мир снов и грез, где состояние полнейшего счастья будет вечно. Где нет жестоких палачей, низких, лживых друзей, аморальных обожателей и иных вершителей судеб. Мы забираем балетную душу с собой, и вы более не сможете над ней глумиться! Все, достаточно, господа! Она вам больше недоступна. Вы будете помнить о ней, желать ее, кусать губы, грезить ею, но никогда больше не притронетесь к ней! Слышите? *Никогда!*

- А? Что? Тело? Ах да, тело... Да, забирайте...

Конец.

ПРОЗА

Александр Поликарпов (Стрельцов)
(Москва)

ИНОПЛАНЕТЯНИН

Кого в нынешней деревне удивишь безлюдьем? Никого не удивишь. Не в деревнях, в селах, где в былые времена по две-три сотни жилых домов считали, теперь хорошо если в полусотне найдешь живые души. Это в селах. Что тогда про деревни говорить? В деревнях, да в дальних, да в небольших, да среди бездорожья, несколько стариков и доживают свое.

Летом приезжают отдохнуть молодые, бывшие деревенские, нынешние городские. Дети, внуки. Да тоже не наверное. Когда приезжают, когда не приезжают. Родительские дома ветшают. Ремонтировать их желания нет, и денег нет, и смысла нет. Для кого ремонтировать? Внуки сюда ездить не станут. Так и говорят: «Отвяжитесь вы со своей деревней! Не нужна она нам». Продавать тоже некому. Далеко от города и дороги нет. И газа нет, и магазина нет. И медицинской помощи никакой. О школе и помнить забыли.

Павловка так и стояла. И до города из пушки не дошибешь, и дорога – только на карте. На самом деле, как шутили в Павловке, не на карте, а на тракторе. Да и на тракторе не всякий раз. В весеннюю распутицу и трактор утопишь. Газ – баллоны. Кто хочет, себе привозит, а так нет. Готовить на плитке, а электричество дорожает. Нечем платить за электричество – ступай печь топи или мимо счетчика пользуйся. Нечестно, а что делатьто? Были бы деньги.

Одно украшение – тихое место. Река – вот тебе, тут же, хоть из окна удочку закидывай. Река хорошая, широкая, рыбы достаточно. Можно бы не удочку, сеть кидать, но не кидали. Не из-за боязни, что накажут. Кто накажет? О каком-то там рыбнадзоре только слышали, видеть его никогда не видели. Не рыбнадзора боялись, а здравый смысл держал. Раскинешь сеть, вытянешь полну, куда потом рыбу девать? День ее есть, два, три. Потом до того вкус собьешь, что и глядеть на эту рыбу – только нервы себе портить. В три горла пихать не станешь, откуда их взять три? Незачем тогда и рыбу губить.

Бор отменный. Грибов – косой коси. Некому косить. Малина. Также без потребностей. Зреет и осыпается. Землянику, когда поспеет, ходишь ногами топчешь. Куда ее обойдешь? Везде ягода.

В Павловке в лучшие времена, при колхозе, живых было сорок три дома. Теперь постоянных жильцов и половины нет. Старики со старухами понемногу шевелятся. Больше старухи. Живучие! Две из них, Сергевна с Алексевной, еще и спляшут на праздник, и рюмашку маханут. Сергевна мелкая, смешливая, любопытная. Все бы ей знать. Алексевна крупная, сильная, спокойная. Чужие дела ей до лампочки. Но подруги. С юности подруги.

Умирает Павловка. Нежилые теперь дома рушатся. От четырех домов одни стены стоят, а на пятом весной, со снегом, с крыши лист железа сполз. Теперь ветрами кровлю разметает – прощай, дом!

Домов десять под присмотром. На лето приезжают владельцы и живут. Бывает, по великой суши, пробиваются через их засохшую болотину на машинах. Но чаще бросают

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

машины на том берегу, нанимают моторку и переезжают реку со своим барахлишком на моторке.

На том берегу, километрах в двух, железнодорожная станция. При станции поселочек. Какое в двух! Ошибочное мнение. Ближе. Когда из Павловки до причальных мостков в лодке доплыл, то от мостков до поселкового магазина десять минут хода. И от магазина до станции тоже десять минут. Хотя да, две версты, пожалуй, как раз и наберутся.

Невелик поселочек, а к жизни лучше прилажен, не как Павловка. Средняя школа имеется. Медицинский кабинет с сестрой Валентиной Михайловной. Летом автобус с врачами целый день возле администрации стоит, пациентов принимают. Семья мигрантов не пойми откуда приехала, парикмахерскую открыла. Раз в месяц приплывают в Павловку. Это удобно. Как бы без них стариков стричь?

Работы нет, вот что плохо. Только на железной дороге работа, на станции. Уламываться за гроши. Выручают дачники. По берегу дач настроили. Летом дачники живут. От них доход идет: огород вскопать, сухое дерево свалить, траву выкосить, сарай сколотить. Зимой – за дачкой присматривать, тоже не даром. Надумают хозяева по зимней поре заявиться, отдохнуть, винца попить, к их приезду снег от ворот откинуть. Опять рублишками зашелестят.

В Павловке и такого удовольствия не было. Ни дороги железной, ни станции. Развалины бывшей молочной фермы, стены с дырами вместо слесарной мастерской, слой слежавшихся гниющих опилок там, где звенела пилорама, сосновый столб с откушенными электрическими проводами – вот и вся производственная база. И дачники – не такие, как на том берегу, а все свои. Оттого и прижимистые. Все бы им бесплатно, за спасибо. Оплаты не предлагают, думают, чтобы не обидеть. А деревенским денег со своих спрашивать тоже неудобно, те бы сами догадаться должны: другие нынче времена, не бескорыстные. Другие времена, другие отношения, другие правила жизни.

Но, взглянуть с иного размышления, хотя работы нет, так и работников в Павловке тоже не вот вам, выбирайте. Подавляющее большинство – худосочные пенсионеры. Из старух самые бойкие все те же Сергевна с Алексевной. Однако у них свой промысел. Сергевна держала кур, и яйца у нее расходились на ура. Алексевна гнала. Но только для тех, кого знала, для надежных. Чужим нипочем не продаст. И своим с длинными языками тоже не продаст. Хоть ты ползай перед ней на брюхе: «Надежда Алексеевна! Пожалуйста! Поллитровочку! До чего магазинная надоела. Так хочется натуральной, деревенской!» Не продаст. Нету. И не было.

Не подумать, что Алексевна беспокоилась, что на нее напишут. Хотя, конечно, и не желала такого-то. Напишут – участковый в их глушь все равно не поедет. Сюда ехать – бензина сколько сжечь, себе ничего не останется. И доедет – с нее штрафы брать нечем. Остерегалась Алексевна чужих по иной причине. Не хотела плохих разговоров. Вот, мол, спекулирует, спаивает. Дурной славы для себя не хотела. Щепетильной была по части людской молвы.

Получив от Алексевны разворот, обиженные и злые на нее покупатели шли к Коле-плотнику.

Коля – самый молодой из постоянных жителей Павловки, пятидесяти не исполнилось. А сколько исполнилось? Пес его знает. Коля, кажется, и не меняется. Высокий, сутулый, крупный в чертах. Хлопает на вас бесцветными ресницами при не сказать темных, не сказать светлых, при каких-то рыжих глазах. Когда выбрит, когда нет. Когда стрижен, когда лохмат. Зимой и летом одним цветом. Старые кирзовые сапоги, заношенная черная кепка. Зимой серая телогрейка, летом серый пиджак.

Коля – надежный. Ему Алексевна даже в долг отпускала: будут деньги – отдаст. Коля Алексевнино изделие всякому продаст, ему разговоры по барабану, но не всякий у него купит.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Коля накидывал на Алексевнину цену свой интерес, и выходило не выгоднее магазинной, а еще и дороже, если сравнивать с самой дешевой.

На возмущение клиентов Коля отвечал одно и то же: «Не нравится, плыви до магазина. Там тебе неизвестно что продадут, а тут продукт честный. Крепостью не около сорока, а поболее сорока. Крепкий и чистый. Ноги не идут, а голова светлая. Хоть по телевизору выступи!».

Однако торговым агентом Алексевны Коля был между делом. Он не какой-нибудь. Он свой хлеб старался зарабатывать добросовестным трудом.

Коля до армии состоял в колхозе на подхвате, а после службы поумнел и поехал в город учиться на плотника. Председательша ему сказала: «Возвращайся. Работа для тебя есть. Без зарплаты не останешься».

Так и вышло. Работа была, зарплата была. Но недолго. Объявили перестройку. Страна ожила, задвигалась. Ожидания какие-то появились, надежды на лучшую жизнь. Потом перестройку прихлопнули, и началась разломайка.

Колхозы – долой! Такая реформа. Поделили земельные паи. Теперь можно слить паи вместе и работать по-старому, а можно свой пай забрать и хозяйствовать в одиночку. От реформы их колхоз увял едва ли не за год. Пропала зарплата. За ней куда-то пропала техника, молочное стадо, инвентарь. После пропали председатель, главбух и главный механик.

Потом за колхозом обнаружился большой долг по кредиту. Банк всем пайщикам грозил тюрьмой. Хорошо, приехали какие-то городские ребята, предложили выкупить земельные паи. Паями от банка и откупились. Даже понемногу выдали на руки.

Потом эти ребята нарезали колхозную землю на участки и продали под дачи. Говорили, что получили от продажи втрое против того, за что покупали. Местные только в затылках чесали: чего мы сами не догадались продать под дачи?

Продали землю на том берегу. В Павловке не купил никто. Добираться неудобно. Невозможно добираться.

Так и осталось Павловка в неуютном положении. Земля брошена, а не тронь. Выйдешь за деревню – не твоя больше земля-то, чужая по новому порядку. Луга пропадают – не коси. Пашни заросли, а пахать не смей – разрешения нет. У кого скотина была, так порушили. Разве можно скотину без земли держать? Тут самым непонятно чем жить. Средний возраст подался на электричку. Кто где по станциям приткнулся. Молодежь лето за летом разъехалась по городам.

Колин отец, Александр Михайлович, очень переживал за колхоз. Всю жизнь в колхозе. Как так колхоз рухнул? Не мог он сам рухнуть. Тут враги. Их рук дело. Переживал, переживал и умер. Мать, Анна Ивановна, не уставала удивляться вмиг переменившемуся народу: «Это что за воровство теперь началось? Вмиг колхоз разворовали, а спросить не с кого. Народ только и глядит, что бы от прежнего государства себе утащить. А ведь были люди».

С какой-то поры жаловаться начала: «Что-то меня одышка стала мучить. Гряди пройдешь, никак воздуха не наглотается. Не дай бог, слягу. Кто за домом ходить будет? Молодая хозяйка нужна. Коля! Женится бы ты!»

Коля бы женился. На ком жениться? В деревне ни одной девки. На Алексевне жениться? Или на Сергевне? Они, пожалуй, не откажутся. Только Коле такие невесты не удобные.

Мать тоже недолго протянула. За здоровьем следить – к врачам ходить. Где они тут, врачи? Нет уж, сколько бог даст, столько и твое.

Без матери Колино домашнее хозяйство встало. Охота ли одному с кастрюлями возиться?

Коля день где-то промышлял. В каждой усадьбе для него имелась работенка, если мужиков больше нет. Он делает – ему платят. Старухи знали, сотенку со своей нищенской пенсии, а для Коли откладывали. Он бы и даром воды ведро принес, дров охапку бы принес. Не

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

тяжело. Но чем тогда жить? И потом, примета такая есть: от денег не отказываются, а то они ходить к тебе перестанут. Кто совсем без денег, а Коля нужен, тот обедом накормит, с собой завернет. Для чего Коле самому над кастрюлями стоять?

Жил бы Коля, да инопланетяне замучили.

Как-то вечером застал по телевизору передачу, в которой показывали пришельцев. Говорили, что инопланетяне давно на Земле, но обнаруживать себя не желают, скрываются и исподтишка наблюдают за людьми, изучают. Зачем изучают, не сказали, но не для доброго дела, нужно понимать. Люди вон изучали-изучали клопов, а потом, как изучили, морить их начали. И до того у инопланетян любознательность развита, что похищают людей для своих опытов безвозвратно, и вещи тоже похищают. Прячутся инопланетяне по глухим местам, а похищать стараются одиноких, чтобы их не сильно искали.

У Коли после этих разъяснений как заново глаза открылись, озарение снизошло. Про них передача! Про Павловку! У них самая что ни на есть глушь. А одиноких – хоть телегу грузи. И похолодело у Коли на сердце, и слышится ему голос инопланетянский: «Догадался! Ишь ты, шельма, догадливый какой! Обнаружил нашу самую секретную базу. Берегись теперь!»

Коля так же мысленно передает, что не беспокойтесь, мол. Я никому не скажу. Я язык за зубами держать умею. Мне вон Алексевна доверяет самогонкой торговать, а это дело посерьезнее инопланетян будет.

Передает, но чувствует, что ему не верят. Щерятся из углов и не верят.

Коля на другой день по деревне прошелся. Вроде так, то да се, не смотрел вчера телевизор? Передачу забавную показывали, про инопланетян. По какому каналу? По такому-то. Не было там передачи. Там кино передавали.

Тут Коля поежился. Это, стало быть, они ему одному показали. Для чего? Чтобы знал. Для чего знал? Чтобы готовился. К чему готовился? К тому, что они на него виды имеют.

Догадался Коля о присутствии внеземного разума в Павловке, так внеземной разум и стесняться его перестал.

Взялись инопланетяне у Коли имущество потаскивать. Не так чтобы стол вынесли или комод, нет. Ничего такого, что хищением называют, они не вытворяли. Брала по мелочам, но часто. Держали Колю в напряжении и беспокойстве.

Первое, что Коля заметил, были спички. Коробок спичек он клал строго в печурку. Топку разжечь – спички под рукой и всегда сухие. Коснулось тут – спички понадобились. Подошел к печурке, а нет коробка. Себя по карманам похлопал – нет, не гремят спички. Курил бы он, мог бы взять и на место не положить. Но он давно не курил. И денег на курево жалко, и нет его в деревне. В магазин на ту сторону не наплаваешься.

Коля поразмышлял-поразмышлял и решил, что коробок инопланетяне свистнули. Больше некому. Им любопытно, как земные люди огонь себе добывают, вот они и взяли спички для изучения. Черт бы с ними, пусть изучают. Спички у него в запасе есть.

В другой раз стакан пропал. Обычный граненый стакан, на дне старая цена выбита – семь копеек за штуку. Стакан этот Коля берег, зря не трепал. И оттого, что он был у него единственным, и оттого, что сделался теперь, при новой жизни, историческим экспонатом. Теперь за семь копеек такого стакана не купишь. Чай, воду пил из кружки, а в стакан наливал Алексевиного рукоделия, да и то нечасто. Бывало, что душа запросит, тогда и наливал. Из кружки такие вещи пить – мерзость одна, а из стакана – хорошо.

За стакан Коля ругался и кулаком по углам грозил. Так и видел, как инопланетяне из щелей за ним наблюдают и со смеху покатываются. Изучают реакцию человека на кражу дорогого и любимого предмета. Понятно. Только он, Коля, теперь молчать не станет. Договаривались держать их инопланетянское сожительство в секрете – договаривались, он не

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

спорит. Но о том, что они под его честное слово станут его и обижать, об этом не договаривались. Так он с себя честное слово снимает и всем теперь расскажет о том, что за гости завелись у них в Павловке. И нечего на него брови хмурить! Сами первые начали.

Коля и пошел по односельчанам рассказывать о нависшей над ними угрозе. А они не верят. Вначале просто глаза тарасили на Колины разъяснения, потом смеяться стали, потом его самого инопланетянином прозвали.

– Инопланетянин! Приходи забор ставить! Инопланетянин! Приходи баню перебрать!

Насмешливый наш народ. Дело им говоришь – не верят. А какой-нибудь дури навроде коммунизма, или тому, что пенсионерам достойную жизнь дадут, или что в деревню газ проведут – верят.

Необъяснимое явление творится в Павловке. Объясните, если сможете. Они ничего объяснить не могут, только ржать могут. Коля не сумасшедший. Коля желает понять, куда пропадают вещи. Застигнет кого-нибудь на месте из тех, кто над ним ржет, будет объяснение. Пока не застиг – инопланетяне.

Колин дом крайний, ближняя соседка – Сергевна. К ней он и пошел жаловаться на очередную выходку инопланетян.

– Сергевна! Понимаешь, какое дело? Сапоги пропали.

– Куда же они у тебя пропали? – сделала вид, что удивилась, Сергевна.

– Инопланетяне стащили, – уверенно объявил Коля.

– Инопланетяне! – Сергевна теперь не делала вида, а открыто смеялась. – Откуда они здесь? Сюда глава района никак не доедет, а тебе инопланетяне. Сам куда-нибудь засунул и не помнишь куда.

– Зачем бы я засунул? Всегда у двери стояли. Я искал. Везде искал. Там, где и быть не могут, тоже искал. На чердаке искал. Под кроватью искал. В сарае искал. В саду под каждый куст заглядывал. В бочке с водой смотрел.

– В бочке зачем смотрел? – заливалась Сергевна. – Подумал, вдруг они от тебя топиться убежали? Плохая у них с тобой жизнь?

Коля озабоченно смотрел, как веселится соседка, и не улыбался.

– Можно бы понять, если бы сапоги были новыми, – продолжал рассуждать он. – Так ведь не новые. Старые кирзачи, на них и краска давно облезла, пегие стали, и каблуки наполовину стерлись. Зачем им старые сапоги? А? Сергевна?

Подумал и добавил:

– Может, они генетический материал соскабливают? Сапоги генетическим материалом сильно пропитались. Как думаешь, Сергевна?

Соседка перестала смеяться и сказала Коле серьезно и заботливо:

– Бабу тебе нужно в дом взять. Против бабы инопланетяне не полезут, отстанут. А если что возьмут без спроса, такого перца получат, что до скончания своего инопланетянского века чесаться будут.

Сергевна помолчала и добавила со вздохом:

– Кобели и те без суки с ума сходят, а ты человек.

– Можно бы попробовать, – согласился Коля. – Вдруг и вправду отстанут. Только где ее, Сергевна, взять, бабу-то? Мать тоже говорила. У нас, сама знаешь, нет никого. Со стороны сюда ни одна не поедет. Что здесь делать? Жизнь молодую погубить?

– Из поселка попробуй.

– Там кого?

– Наташку возьми. Она свободная.

– Это которую?

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Из магазина, – вкрадчиво, как голову в плечи втянула, посоветовала Сергевна.

– Вон ты про кого... – протянул Коля.

Эту Наташку он знал. И славу, в которой она ходила, тоже знал. Было той Наташке-продавщице около сорока. Стриженная, пухленькая, ладненькая. Так о ней мужики говорили, что ее весь поселок перепробовал. И не по одному разу. Потому и замуж никто не взял.

– Нет, Сергевна, – замотал головой Коля. – Зачем мне такая жена? Она гулящая.

– Тебе что? – Сергевна и не стала опровергать. – Тебе нужно инопланетян застращать да свою нужду справить. Оформляться не обязательно.

– Смеяться надо мной начнут – кого подобрал.

– Над тобой и так смеются, с твоими инопланетянами. Пусть смеются. А поесть она приготовит, в доме приберет, тряпки перестирывает. Из магазина, что нужно, сама принесет. И доход у нее постоянный. Желает, так я сосватаю.

– Поговори, – нерешительно согласился Коля. – Если чертей моих погонит, и то добро.

Наташка заявила через день к вечеру. Не совсем сама, Сергевна привела.

– Вот тебе баба, – сказала Сергевна. – Бери и живи.

Наташка принесла с собой полную сумку еды, чем сразу понравилась Коле. В сумке оказалась и бутылка белой.

– Разлей-ка, Николай Александрович! – распорядилась Наташка.

Коля побежал к буфету. Достал оттуда три запывившиеся рюмки, протер грязным кухонным полотенцем.

Наташка тем временем выложила на стол заранее нарезанный хлеб, колбаску, банку разделанной селедки, посекала на дольки огурец.

– Хозяин! Вилки в доме имеются? Или инопланетяне растащили? – засмеялась она, показывая, что не только деревня, но и поселок знал о Колиных приключениях.

Коля достал из ящика три железные, бабушкины или прабабушкины, вилки, свинтил крышку с бутылки и наполнил рюмки.

– Совет да любовь! – воскликнула Сергевна и, не дожидаясь ответных слов, опрокинула рюмку внутрь.

– Шутница ты, Анастасия Сергеевна! – хмыкнула Наташка и тоже выпила.

– Со знакомством! – сказал Коля, выпил и занюхал кусочком хлеба.

Наташка фыркнула:

– У вас в Павловке, смотрю, все юмористы. «Со знакомством». То мы раньше друг друга не знали.

– Не близко, – уточнил Коля.

– Близко ты и сейчас не знаешь, – засмеялась Наташка. – Показывай свое хозяйство!

– Коля! Ты мне еще рюмочку налей, да я к себе пойду. А вы уж тут смотрите. Хозяйство ли, что ли.

Сергевна выпила, поблагодарила за угощение и ушла.

– Завтра у меня выходной, послезавтра на работу. Будет на чем отвезти? – спросила Наташка.

– Лодка есть. Мотор за завтрашний день налажу, – пообещал Коля.

– Завтра баню топить. Есть у тебя баня?

– Стоит.

– Помою тебя. Закоростел, небось. – Глаза у Наташки сделались сладкими как варенье.

– Истоплю, – слотнул Коля и почувствовал, как в ответ на сладкие Наташкины глаза внутри него что-то радостно квакнуло.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Ни в этот вечер, ни на следующий день инопланетяне Колю не беспокоили. «Поджали хвосты!» – радовался он. Ему представлялось, что его незваные квартиранты непременно должны быть маленькими, гладкими и хвостистыми.

Так и устоялось. Через день Коля утром отвозил Наташку на тот берег, а вечером встречал у причальных мостков. Пока лето, ладно. А как осенью возить? Дождь, ветер. Река широкая, волна случается крутая. В борт ударит, может и перевернуть. А заморозки начнутся? Тогда как Наташке до работы добираться? По тонкому льду и моторка не пойдет, не ледокол «Ленин», и пешим ходом не перебежишь, тонкий лед, не держит.

В непогоду придется у Наташки жить, в поселке. Неудобно, дом промерзнет. А что делать?

Дни шли к октябрю. Березы еще держали на ветках желтые крапинки листьев. Вспыхнули яркими фонарями лиственницы в бору. Разрумянилась от прохладных ночей осина. Занималось пламя на кленовой роще, чтобы взметнуться к небу красными резными языками в первую неделю октября. Солнца все меньше. Холодного дождя все больше.

Коля ушел к Алексевне на халтуру. У нее с весны двор потек. Она лето протянула, не перекрывала, надеялась, что само собой затянется, что ли? Осенью опять вся обрешетка сырая. Ой! Ой! Коля! Течет. Давай срочно ремонтировать.

Ремонт несложный. Старый рубероид содрать, а новый раскатать. Потом шифером придавить. Рубероид у Алексевны был. Шифер тоже стопкой лежал у стены. Когда колхоз растаскивали, она шифера с коровника приволокла. Ее законная доля бывшего общего имущества. Никто Алексевне не возражал. Не трактор же она себе пригнала. А шифер старый, бросовый. Пусть берет. Барахла не жалко.

Ремонт несложный, но времени требует. Управишься ли по свету, неизвестно. У Наташки в тот день по графику выпал выходной. Коля сказал, что пойдет к Алексевне работать, а живет Алексевна на том конце деревни. Пусть Наташка его к обеду не ждет. Он перекусит наскоро у Алексевны, чтобы светлого часа не терять.

Как ни торопился Коля, а всех дел закончить до сумерек не успел. Да и устал. Уставшему работать – лучше не работать. Хорошо не сделаешь, а плохо никому не нужно. Рубероид весь прибил, а шифера только нижний ряд укрепил. Еще три ряда осталось.

– Алексевна! Не успеваю. Дождя ночью не обещают. С утра приду – доделаю.

– Зайди в дом, – ответила Алексевна. – Выпей хоть полстакана. Намерзся на крыше, как бы не простудился.

Возвращается Коля к себе по темноте. Все ближе к дому, и какое-то волнение в нем поднимается. Вот черным очертанием показался дом, а что-то не так в доме. Не светится дом, вот что не так. На улице темно, и в окошках темно.

С Коли хмель, что от Алексевны нес, сейчас же удалился. Нешуточная тревога весь хмель выгнала.

Заходит на крыльцо – тишина. В доме тепло, протопила Наташка, но мрак и безмолвие.

Коля щелк выключателем:

– Наташа! Наташа!

Не отзывается Наташка.

Коля, не разуваясь, в комнату. В комнате прибрано, а на столе листок бумаги. Коля к этому листку. Наташкин почерк. Он читает, а волосы под кепкой шевелятся.

«Не ищи меня. Меня взяли инопланетяне».

Коля аж зашатался. Вот оно, началось! Затаились, выжидали. Почувствовали, что Коля бдительность потерял, успокоился, и ударили. Сапог и стаканов им мало стало. Принялись

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

таскать людей. А Сергевна говорила, что побоятся бабы. Они, наоборот, с бабы и начали. Ничего они не боятся, потому что инопланетные.

Коля обвел комнату взглядом. Они не одну Наташку взяли. Они все ее вещи подчистили. Одежды ее нет. Большой сумки нет. Тюбик крема на трюмо лежал, тюбика тоже нет. Понятно, понятно. Изучать ее будут в условиях, близких к естественным.

Ночь Коля не спал. Не столько боялся, сколько желал их увидеть, когда за ним явятся. Теперь точно явятся, он же свидетель, а они популярности не любят. Сидел на диване одетый, рядом кочергу поставил. Уж он напоследок кочергой их отходит. Он, хотя и любит зверюшек, не обижает, но за Наташку так отделает, что никакой хирург склеивать не возьмется. Сидел, ждал инопланетян, а под утро заснул.

Утром проснулся от того, что стучали в дверь. Спросонья не понял, схватился за кочергу. Потом разобрал, что Алексевна кричит:

– Коля! Коля! Что не открываешь?

– Иду! – отозвался Коля и направился к двери.

– Я жду, жду, тебя нет, – заговорила Алексевна, вваливаясь в сени. – Времени одиннадцатый час, а тебя все нет. С утра обещался.

– Прости, Алексевна! Ночь не спал. К утру сморило, – взялся объяснять Коля. – Неожиданный фокус образовался. Инопланетяне ожили. Наташку взяли.

– Ты видел, как взяли? – грустно и жалеючи спросила Алексевна.

– Не видел. Без меня. Я от тебя вернулся, ее уже нет.

– Не видел, а выдумываешь.

– Не выдумываю. Наташка записку оставила. Записку ей разрешили оставить. Вроде как последнее желание, так понимаю. Сейчас принесу.

– Не ходи! Не ходи! – остановила Колю Алексевна. – Легковерный! Никакая чертова сила Наташку не брала. Убежала она от тебя.

– Зачем же она убежала? – опешил Коля. – Ей со мной хорошо было.

– Сергевна видела. После обеда с той стороны лодка пришла. Тихо пришла, на веслах. Ткнулась в берег напротив твоего огорода. Сергевне, сам знаешь, все нужно знать. Она давай за лодкой следить. Видит, из-за кустов Наташка выходит. Передала в лодку вещи и сама запрыгнула. Лодка так же тихо обратно поплыла. Сергевна сразу смутилась тебе говорить. Она ведь тебе Наташку привела. Я за сегодняшнее утро все узнала. Наташка совсем из поселка уехала. Снюхалась за лето с новым дачником, который о ней ничего не знал. Жопой перед ним повертела, он и заглотив, как окунь блесну.

– Алексевна! Ты меня не дурачь! – сказал Коля. – Думаешь, не понимаю, что ты мне нарочно про дачника придумала? Прямо сейчас придумала, чтобы я успокоился. Сергевну приплела. Чтобы Сергевна дольше пяти минут какой-нибудь секрет держала? Сроду такого не бывало. Ты, Алексевна, не старайся. Я спокоен. Я правду знаю. И правды не боюсь. Жду теперь, когда за мной придут. Чему бывать, того не миновать. Пойдем к тебе, я шифер достелю.

Под Новый год, как вспоминала Сергевна, загорелось ей напечь пирогов. Мука есть, дрожжи есть, сахара полная банка. Капуста для начинки своя, яйца свои, картошка своя. Молока нет. Молока у Алексевны занять, ей два пакета из магазина привезли. Тогда и Алексевне пирогов дать. Коле бы тоже нужно отнести угостить.

Тут Сергевна подумала, что давно не видела Коли. Дня три не видела, если не четыре. Ни к ней не заходил, ни на улице под окошком не мелькал. Со вчерашнего вечера всю ночь снег лепил, а он с утра дорожку чистить не выходил. Не заболел ли?

Сергевна забеспокоилась. Повязала шерстяной платок, надела короткое пальтишко с цигейковым воротником, сунула ноги в валенки и пошла проведать Колю.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Подошла к двери, а дверь вилами подперта. Коля, когда недалеко и ненадолго уходил, замка на дверь не вешал, а подпирал ее от ветра вилами. Чужих в деревне нет, а ключ, не дай бог, потеряешь.

Дверь подперта, значит, Коли в доме нет. Снег не потревожен, значит, со вчерашнего дня нет, а, может быть, и того раньше. Куда же он пропал?

Сергевна не на шутку встревожилась. Коля, хотя и не злоупотреблял, но случалась, выпивал. Не вышло ли на этот раз так, что с кем-нибудь нагрузился, отправился домой, упал, уснул и замерз? Но с кем? В деревне выпивох почти не осталось. Есть несколько человек. Надо бы к ним зайти, спросить про Колю. Но прежде к Алексевне. Могло такое случиться, что и у нее задержался.

Сергевна, не заходя к себе домой, побежала к Алексевне.

– Алексевна! – с порога закричала она. – Коля не у тебя?

– Давно не был, – вышла навстречу Алексевна. – А что, дома нет?

– Нет. Дверь вилами подперта. С ночи не был.

– У кого-нибудь лежит.

– Алексевна! Пойдем зайдём к нему, мало ли что? Мне одной боязно.

– Пойдем, – согласилась Алексевна.

– Молокахвати, – вспомнила Сергевна. – На праздник пирогов напеку. Тебе тоже принесу.

Алексевна решительно отставила вилы от Колиной двери и вошла внутрь. Сергевна, нерешительно, за ней. Алексевна направилась на кухню, к печке, сдернула рукавицу и потрогала печные кирпичи.

– Ледяная печь-то, – сказала она Сергевне. – Не вчера Коля ушел. Со вчерашнего дня еще бы не остыла. По людям его искать, стало быть, нечего. Нет его у людей.

– Господи, помилуй! – испуганно перекрестилась Сергевна. – Где же его тогда искать?

– Давай по дому поглядим, – сказала Алексевна. – Может, не хватает чего? Потом соображать будем.

Алексевна прошла в комнату, а Сергевна направилась во двор.

– Алексевна! – почти тотчас раздалось со двора. – Ты лучше участкового соображаешь. Как ты и сказала. Санок нет!

Сергевна вернулась на кухню.

– Санки у Коли были, широкие, тяжелые. Полозья из стальных труб гнутые. Он с этими санками за хворостом ходил. Теперь санок нет.

– Вот тебе и ответ, где Коля, – медленно произнесла Алексевна.

– Из лесу не вернулся! – охнула Сергевна. – Что с ним могло приключиться?

– Кабы я знала. Теперь лес-то – один бурелом. Никто не чистит. Мог и на сучок напороться. Мог ногу подвернуть.

– Нужно народ собирать. Идти искать. Может быть, жив еще. Я, Алексевна, по нашим дворам пройду, где еще старики шевелятся, а ты в управу звони, пусть из поселка молодых пришлют помогать.

Искать решили вокруг, но больше в ельнике. Елового сухостоя недалеко от деревни гектара три. Короед деревья погубил, так они который год торчат в небеса пиками. Лесники не убирают, жителям валить не дают. Народ, конечно, не слушает. По зиме, когда леснику сюда не добраться, да и плевать ему, он знает, что лес не строевой, его так и так сводить нужно, – по зиме жители роняют сухостой на дрова. Но чаще ходят в сухой ельник за хворостом. Со стоящих стволов сучья опиливают, с упавших обрубают. Худо-бедно воз на санках привезешь, на месяц растапливать есть чем.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Утоптали за Колей весь ельник, успели засветло. Ни Коли, ни санок, никаких следов человеческих вообще не нашли. Договорились на другой день с утра продолжить. Круг поиска расширить, глубже в лес зайти.

На следующий день, когда люди ушли искать, приехал участковый. Сергевна с Алексевной знали, что приедет, их из поселка предупредили, и встречали представителя власти на улице.

– Молоденький, – заметила Сергевна, взглядевшись в идущего к ним полицейского.

– Мордастенский, – вынесла свое суждение Алексевна.

– Что тут у вас случилось? – подойдя к женщинам, спросил участковый. Спросил безо всякого интереса, даже, сказать, с неудовольствием и раздражением.

– Вас как величать? – в свою очередь, спросила Алексевна, задетая недовольством полицейского. – Вы у нас в первый раз. Неудобно никак-то не называть.

– Старший лейтенант Фокин Павел Юрьевич, – представился участковый. – Так что у вас?

– У нас человек пропал, – сказала Сергевна.

– Пройдемте в дом, – пригласил участковый.

– В Колин? – спросила Сергевна.

– Это кто – Коля? – не понял участковый.

– Пропаций, – пояснила Сергевна.

– Зачем нам к нему, если он пропавший? – удивился Фокин. – К вам пойдём. Заявление писать.

– Какое заявление? – насторожилась Сергевна.

– Заявление в полицию. Для того чтобы предпринять розыскные действия, полиция должна иметь законные основания для осуществления таких действий. Законным основанием для подобного рода действий является заявление потерпевшего, а при невозможности подачи им соответствующего заявления заявление могут подать родственники потерпевшего или иные заинтересованные лица, как физические, так и юридические. Розыск может быть предпринят также по инициативе государственных правоохранительных и судебных органов.

– Мы не родственники, – сочла нужным уточнить Сергевна, уловив в перечне слово «родственники».

– Кто же вы?

– Я соседка, – сказала Сергевна.

– А я вовсе односельчанка. На том конце живу, – заявила Алексевна.

– Кто обнаружил, что гражданин... – участковый на секунду замолчал, рассчитывая, что старухи догадаются подсказать ему фамилию гражданина, но они не догадались.

– Кто обнаружил, что гражданин Коля пропал? – закончил Фокин свой вопрос.

– Чуднов Н. А., – наконец-то сообразила Сергевна.

– Она, – Алексевна показала на подругу.

– Стало быть, вы юридически являетесь свидетельницей, – сообщил участковой несколько притухшей Сергевне.

– Она вместе со мной Колин дом осматривала, – спохватилась Сергевна, указывая на Алексевну.

– Вы тоже являетесь свидетельницей, – заявил участковый Алексевне. – Я должен вас обеих опросить и составить протокол. Пройдемте в дом!

– Кто должен писать заявление? – спросила Сергевна, поведив неожиданного гостя в комнату.

– Вы, – ответил Фокин. – Или ваша подруга. Она тоже свидетельница. Можете подать совместное заявление.

– Нам за это ничего не будет? – поинтересовалась осторожная при полиции Алексевна.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Что вам может быть? – удивился участковый. – Могут вызвать в райотдел для уточнения показаний, еще по каким-нибудь вопросам. Следователь вызовет. Я не следователь. Я проведу лишь первичное дознание. Если обнаружится, что данные вами показания не соответствуют действительности, то могут привлечь к ответственности.

– Посадить, что ли? – испугалась Алексевна.

– Это как суд решит, – отмахнулся Фокин.

– Что? И судить будут? – Алексевне разговор нравился все меньше.

– А как же? Наказание определяет суд. Все должно быть по закону.

– Сергевна! – сказала Алексевна. – Ты, давай, только от себя пиши. Ты обнаружила, что пропал, ты и пиши. Я вообще пойду. Я здесь зачем?

– Подождите, гражданка! – возразил участковый. – Я еще не задал вам вопросов, и вы не подписали протокола.

– Что это вы меня «гражданкой» называете? – возмутилась Алексевна. – Я ничего плохого не сделала. Я, если так, знать ничего не знаю!

– Присядьте на стул и подождите. Отказ от дачи свидетельских показаний также влечет за собой ответственность, – пояснил Фокин.

– Скоро воздухом дышать свободно не дадут, – рассердилась Алексевна, но никуда не ушла.

– Как заявление писать? Я не знаю. – Сергевна достала из буфета ручку, тетрадку и очки.

– Заявление пишется на имя начальника ОВД в свободной форме. В заявлении должен быть объяснен повод для обращения и изложена суть происшествия, – сказал Фокин. – Пишите! Не отвлекайте меня, а то я никогда протокола не составлю. Сегодня, между прочим, тридцать первое число, рассиживаться здесь некогда.

Сергевна раскрыла тетрадку, чтобы трудиться над положенным по закону заявлением. И тут подала голос Алексевна, которой участковый окончательно разонравился:

– Праздновать пора. Человека искать некогда.

– Все люди, – обернулся к Алексевне Фокин. – Сотрудники полиции тоже. Вы пока свободны, вспомните, пожалуйста, никто в деревне не занимается самогонарением?

Алексевне как вожжи натянули. Она окаменела лицом, выкатила глаза и голосом, полным потрясенного изумления, промолвила:

– А кто у нас? Сергевна! Кто у нас может самогонкой заниматься? Я что-то таких не знаю.

– Нет у нас таких, – отозвалась Сергевна. – Не для кого гнать.

– Нет – и хорошо, – кивнул Фокин. – Я на всякий случай спросил. Сейчас часто стало. Не столько для себя делают, сколько на продажу. А это запрещено. Я бы, если бы кто-то у вас гнал, пока здесь, штраф бы наложил.

Он вновь посмотрел на Алексевну.

– Нет у нас. Мы бы сказали. – Алексевна все с тем же каменным лицом напоминала собой заговорившего сфинкса.

Сергевна села перед открытой тетрадкой и надолго замерла над чистой страницей. Мысли, которые нужно было изложить на бумаге, никак не шли. Удивительное дело, с языка уходят легко и непринужденно, а в строку не идут никак.

Участковый, тоже не без труда, составлял протокол, время от времени проговаривая фразы вслух:

– Мною опрошены свидетели происшествия жительницы деревни...

– Как ваше имя-отчество? – спросил он у Сергевны.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Анастасия Сергеевна Бобовникова, – живо отозвалась Сергевна, с удовольствием отрываясь от все еще чистого листа, который начал ее изнурять. – Шестьдесят восемь лет. Вдова.

– Возраст не нужен. Семейное положение тоже, – сказал Фокин и опять повернулся к Алексевне. – Вас как зовут?

– Надежда Алексеевна Бык.

– Быкова? – переспросил участковый.

– Бык, – хмуро повторила Алексевна и подошла к столу, чтобы проследить, правильно ли напишут ее фамилию.

– Муж у нее был Бык, Павел Юрьевич, – принялась объяснять Сергевна.

Фокин скосил глаза на нависшую над ним мощную фигуру Алексевны и сказал:

– Охотно верю.

– Она у нас молодая, – Сергевна обрадовалась возможности поговорить. – Весной шестьдесят пять лет будем отмечать.

– Возраст не нужен, – повторил Фокин и поежился от близкого соседства Алексевны. – Вы, Надежда Алексеевна, можете сесть. Подписывать протокол я вас позову.

– Сергевна! – закричали под окном.

– Иду! – Сергевна сорвалась с места и побежала на крыльцо.

Она сейчас же вернулась вместе с двумя молодыми ребятами из сегодняшних поисковиков.

– Говорят, что никого не нашли, – сказала Сергевна, указывая на ребят.

– Сегодня взяли круг больше километра, – сказал один из них. – Вообще никого не встретили. Вчера ельник вокруг каждого дерева утоптали. Не был Коля в лесу. Никаких следов.

– Я тоже думаю, что он там не был, – отозвался участковый. – Но вам большое спасибо от районной полиции. Одной версией стало меньше.

– Мы больше не нужны, Анастасия Сергеевна? – спросил второй парень. – Новый год сегодня.

– Видите, Надежда Алексеевна, ребята тоже о Новом годе помнят, – заметил Фокин.

– Спасибо, ребята! – поблагодарила Сергевна. – Без вас бы сердце было не на месте. Теперь надежда появилась, что жив наш Коля.

– Мы пойдем? – замялись ребята.

– Идемте, я провожу! – поднялась со стула Алексевна и вышла вместе с ребятами.

– Так, значит, говорите, трезвая у вас деревня? – усмехнулся Фокин и забормотал в протокол. – «В результате двухдневных поисков гражданин Чуднов Н. А. в окрестностях деревни обнаружен не был».

Вернулась Алексевна и незаметно кивнула Сергевне.

– Написали заявление? – обратился Фокин к Сергевне.

Сергевна протянула ему тетрадку.

– Сообщаю, что пропал сосед Чуднов Николай Александрович, – прочитал участковый. – Это все?

– Что еще? Вы научите, Павел Юрьевич, я напишу.

– Почему вы утверждаете, что ваш сосед пропал? Вы в этом уверены? Я вам уже говорил об ответственности за сообщение ложных сведений, – сказал Фокин.

– Куда же он делся, если его несколько дней нет дома? – неуверенно возразила Сергевна.

– Вы так и пишете, как есть. От себя ничего не придумывайте. Не пропал, а отсутствует.

Сергевна написала по-новому: «Сообщаю, что сосед Чуднов Николай Александрович отсутствует несколько дней».

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Ерунда получается, – сказала Сергевна. – Отсутствует. Мало ли кто может отсутствовать? Что тут такого?

– И я вас спрашиваю: что тут такого? – кивнул участковый.

– Тогда в заявлении и писать-то нечего.

– Я вам с самого начала об этом толкую, – согласился с Сергевной Фокин.

– Тогда я и писать не буду, – оживилась Сергевна.

– И не пишите, – поддержал ее участковый.

Он пододвинул к себе протокол и подписал: «От подачи заявления свидетели отказались».

– Прошу подписать! – Фокин показал Сергевне и Алексевне, где ставить подписи, что они и сделали.

– Куда же он мог деться? – спросила Сергевна.

– Деньги у него были? – поинтересовался Фокин.

– Деньги были, – подтвердила Сергевна. – Не знаю сколько, но были.

– Вот видите, деньги были, – назидательно, словно учитель школьникам, повторил за Сергевной участковый. – Значит – что? Значит, мог уехать.

– Куда ему ехать? – удивилась Сергевна. – У него все тут.

– Мне сказали, от него осенью сожительница ушла. Мог поехать ее разыскивать. Да мало ли что человеку может в голову взбрести! Тем более когда есть деньги.

– Сожительницу? – переспросила Сергевна. – Наташку, что ли? Не поехал он к ней.

Фокин вопросительно посмотрел на Сергевну.

– Он бы сказал, – пояснила та. – И дверь бы запер на замок, а не вилами приткнул.

Фокин сложил бумаги в папку и поднялся:

– Уехал – не уехал. Но когда гражданин Чуднов появится, от меня ему большой привет. Вас – с наступающим Новым годом!

Он посмотрел на Алексевну:

– Если обнаружатся случаи самогонварения, немедленно звоните!

– Тотчас исполним, Павел Юрьевич! Гонца пришлем, – пообещала Алексевна и насмешливо заворчала вслед Фокину. – Уехал... Куда он уехал со своими санями? На Кавказ с горы кататься? В лесу он. Самому искать нужно было, а неохота. Новый год у него. Следопыт.

Участковый ушел, а Сергевна тотчас обратилась к Алексевне:

– С ребятами как? Поблагодарила?

– Как я тебе поблагодарю? Мордастый глаз с меня не спускал. Кто-то донес. Вот люди, не живет им спокойно! Сказала ребятам, чтобы позже зашли. Обещали зайти.

Первого числа Сергевна пришла поздравлять Алексевну с праздником. События событиями, а праздники на то и праздники, чтобы их отмечать.

– Все-таки напекла? – удивилась Алексевна, принимая в подарок пластмассовую хлебницу с пирогами. – Когда только успела за всеми этими походами?

– Вчера. После обеда все разошлись и разъехались, думаю, что весь вечер делать? По телевизору глядеть нечего. Все одни и те же поют, одно и то же говорят. Поставила тесто. На печке быстро подошло. Мне Коля на неделе, как ему пропасть, новый баллон подключил. В газовой духовке быстро напекла.

– На вот, к себе в сумку поставь, пока не забыла. От меня тебе подарок, – Алексевна подала подруге поллитровку самогонки. – Садись, чайку попьем. У меня картошка с постным маслом есть, не хочешь?

– Рюмочку нальешь, так и картошки поем.

– Тогда погоди. Сала порежу и с тобой за компанию выпью.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Алексевна пододвинула стул и села.

– За Новый год, Сергевна! Чтоб нам следующий встретить! Чтоб Коля нашелся!

– До чего хорошо ты делаешь! – похвалила Сергевна напиток. – Словно мед тянешь.

– Ты уж не хвали! – засмеялась Алексевна. – Я тебе и так налью. Ты меня участковому не выдала. С меня причитается. Давай теперь под твои пироги.

Алексевна наполнила рюмки, взяла пирог, подала Сергевне.

– Алексевна! – таинственным голосом произнесла Сергевна. – Я ведь еще раз к Коле ходила.

– Когда это?

– Сегодня. Утром.

– Зачем тебя понесло?

– Сомнение одно в голове держалось, хотела проверить.

– Проверила?

– Проверила, – вздохнула Сергевна. – Лучше бы не проверяла.

– Мне догадаться нужно или сама скажешь? – спросила Алексевна.

– Скажу, – опять вздохнула Сергевна. – Все на месте, Алексевна.

– Что на месте? Напоила ты меня, голова плохо соображает.

– Топор на месте. Ножовка на месте. Коля ведь не с голыми руками за хворостом ходил?

– Он, может быть, другой топор взял?

– Нет, он всегда с этим ходил. Он у него удобный, легкий. Другой тяжелый, бревна тесать.

Но я и другой посмотрела. Он тоже на месте.

– Ну и дела! – Алексевна поставила поднятую было рюмку. – Получается, прав участковый? Получается, Коля не за хворостом ушел?

– Получается, что не за ним.

– Куда тогда?

– Я на инопланетян подумала, но дверь-то подперта. Или с улицы взяли?

– Дури не говори! – рассердилась Алексевна и выпила. – Еще одна нашлась.

Инопланетная. Допивай да иди спать! Вижу, плохо выспалась.

Пересидела Павловка зиму, встретила весну, дождалась лета.

С утра Сергевна настиралась досыта, на большую корзину, отложила в таз, сколько поднять, и отправилась на мостки полоскать стираное.

С того берега застрекотала моторка, доплыла до мостков, но причаливать не стала. Знакомый мужчина, как его, Виктор, что ли, увидев на мостках Сергевну, заглушил мотор и закричал:

– Сергевна! Собирай ваших. Коля нашелся.

– Где же он был? – спросила Сергевна, не вполне понимая, зачем собирать деревню, если Коля нашелся.

– На дне лежал, – ответил Виктор.

– На дне, – отозвалась Сергевна и, опасаясь, как бы не подскочило давление от такой новости, села на доски мостка, спустив разутые ноги в воду.

– Ага, – подтвердил Виктор. – Недалеко от берега. Мальчишки из дачников рыбу удили. У одного крючок зацепился. Нырнул отцепить, не знаю, как и вынырнул. Лодки подогнали, с лодок баграми вытащили. И то не сразу. Никак поднять не могли. Вначале к берегу подтащили, а там несколько мужиков вытянули. Он почему неподъемным был? На нем санки висели. Тяжеленные санки, я пробовал. На вытянутой руке, как гиря, не вырвешь.

– Виктор! Чай, в полицию нужно сказать, участковому?

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Это без тебя сказали. Выехал. Ты организуй своих могилу вырыть. Не кидать же его обратно в реку?

Мужчина дернул шнур стартера, мотор опять нетерпеливо застрекотал.

– Вот что еще смешного вышло, – добавил Виктор. – У Коли в кармане деньги нашлись. В воде пролежали – и ничего. Наши, кто вытаскивал, их высушили, выгладили и отнесли в магазин. В магазине без звука приняли. Смеялись: это, мол, Коля нам на свои поминки оставил.

Мужчина усмехнулся:

– Сергевна! Меня Владимиром зовут. Запомни, пожалуйста!

Он поддал мотору газку, и лодка резво понеслась обратно.

Картину происшествия участковый Фокин восстановил следующую. За три или четыре дня до Нового года гражданин Чуднов Николай Александрович отправился в поселковый магазин для того, чтобы запастись провизией на все новогодние праздники. Понимая, что покупки получатся тяжелыми, он взял с собой санки. Для того чтобы оставались свободными руки, он впрягся в санки, перекинув веревку от них через голову на грудь. По непонятной причине он отправился за покупками не днем, а вечером, когда стемнело. Поэтому никто не видел, как он уходил.

Торопясь успеть в магазин до его закрытия, гражданин Чуднов начал переходить замерзшую реку не по натоптанной тропе, а наискось, чтобы выйти рядом с магазином. Однако он не учел погодных условий. Целую неделю стояла оттепель, лед ослаб. Кроме того, в том месте, где гражданин Чуднов собирался выйти на берег, недалеко от берега били подземные ключи, которые подточили лед изнутри. Попав на слабый и тонкий лед, гражданин Чуднов провалился в воду, а висевшие на нем тяжелые санки не позволили ему выбраться и утянули его на дно. Метель, а затем и сильный снегопад скрыли следы гражданина Чуднова и место его гибели. Происшествие можно квалифицировать как несчастный случай, признаков преступления не установлено.

Сергевна наладила молодежь, благо по летней поре гостили в деревне дачники, копать могилу. Алексевна прошлась по дворам, собрала на похороны. На той стороне сколотили гроб, уложили в него обезображенное водой тело и забили крышку, чтобы больше не открывать. Священника не звали. Колю по советской моде не крестили.

Опустили, засыпали и разошлись.

Сергевна с Алексевной молча шли к Алексевне, чтобы помянуть хорошего человека.

– Алексевна! – заговорила Сергевна. – Ты знаешь, зачем Коля в магазин пошел?

– Я-то не знаю, а ты-то, вижу, знаешь и мучаешься сказать.

– Я только теперь догадалась, когда его в реке нашли. Он не покупать пошел. Он к Наташке пошел. Наташка перед праздником приехала. Ты эти дни в магазин не ходила, а я ходила. Побаловать себя к Новому году думала, апельсинчиков взять. Встретила ее. Да, говорит, тетя Настя, возвратилась. С сегодняшнего дня на работу вышла.

– Врешь ты, подруга, что только теперь догадалась, – рубанула Алексевна.

– Не вру, Господь свидетель! – перекрестилась Сергевна. – Я зимой было подумала, что к ней. А тут санок не оказалось. Санки эти сбили с толка. Зачем бы к ней с санками?

– Что же ты участковому об этом не сказала? – спросила Алексевна.

– Я в первый же день у ребят поинтересовалась, которые из поселка искать приходили, не объявлялся ли Коля у Наташки? Может, искать не нужно? Может, он у Наташки живет? Они говорят, что нет, Сергевна, не было его в поселке. Давно бы все знали, если бы пришел. Зачем я буду участковому об этом говорить, если он не к Наташке ушел? Я потом и думать об этом забыла.

Алексевна недоверчиво покачала головой, но смолчала.

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

– Забыла, – упрямо повторила Сергевна на Алексевино сомнение. – Вспомнила, когда его нашли. И тут только догадалась. Алексевна! Он пошел ее уговорить к нему вернуться. Деньги в карман положил, чтобы ей показать, что зарабатывает, что не у нее на шее сидеть будет. Санки захватил, чтобы вещи ее обратно к себе перевезти.

– Он откуда узнал, что она вернулась? Ты сказала?

Сергевна опустила голову:

– Я сказала. Я днем сказала. Не днем, смеркалось. Хотела как лучше. Думала, что сойдутся. Она поняла, что я скажу. Не попросила, ты, мол, Сергевна, ему не говори. Значит, тоже думала опять сойтись. Я не утерпела, корю себя. Никак не ждала, что он сейчас же побежит, метель начиналась. Ждала, что он с утра пойдет. А он, видишь, утра дожидаться не стал. Как раз за три дня как мы всполошились.

– Хвостом ты вертишь, Сергевна! – заключила на услышанное признание Алексевна. – Недоговариваешь. Чтобы ты и не проверила, ушел Коля к Наташке или не ушел? В жизни такому не поверю. Рассказывай всю правду, иначе разругаюсь с тобой. Не только рюмки, наперстка тебе больше не налью!

Сергевна обиженно засопела:

– Не поверит она. Ясновидящая нашлась. Проверила, конечно. Сосед все-таки. Как не проверить? В первый вечер окна у него темные, ничего. Второй вечер тоже ничего. Решила, что у Наташки ночует. А как в третий вечер свет не загорелся, тут я забеспокоилась. Не может Коля свой дом до такой степени забросить, чтобы не прийти и снега от двери не откинуть. Я правду тебе сказала, что пошла проверять и увидела вилы у двери. Только я не сразу за тобой потом пошла. И ребят про Колю не спрашивала. Я сама на тот берег побежала. Наташку отвела в сторонку и прямо спросила, что, мол, Коля в деревне не кажется? У тебя живет? Она удивилась и отвечает, что он к ней и не приходил. Она ждала, но он не пришел. Вот когда я испугалась и побежала к тебе.

– То-то она на похороны не явилась, – заметила Алексевна. – Тоже поняла, через кого человек пропал. Ты почему сейчас, когда открылось, опять участковому ничего не сказала?

– На что ему? У него история гладко сошлась, с него и довольно. Скажи я, он бы Наташку тормозить начал. Меня бы обвинил в сокрытии того, что знала.

– То-то, что тебя, – ехидно поддакнула Алексевна.

– Видишь, Алексевна, как правда отразилась, – не подавая вида на ехидство подруги, продолжала Сергевна. – Он нам про инопланетян рассказывал, а сам, оказывается, мучился. Счастья себе хотел, а мы и не ведали. Хотел жить по-человечески, а мы не догадывались. Думали, хорошо человеку, если не жалуются.

– Что теперь, Сергевна, говорить? К каждому в душу не залезешь. Не каждый и пустит. Мучился. Он, может быть, с Наташкой больше бы мучился. Уперлась жизнь, куда ни кинь, все клин. Одному не вмогуту, а парой – того хуже. Может, пожалел Господь доброго человека, прибрал, чтобы не мучился.

– Что бы мне в этот день промолчать! – сокрушалась Сергевна. – Язык мой несносный. Впереди меня ходит.

– Язык твой ни при чем. Судьба такая, – рассудила Алексевна. – Не занял человек своего места в жизни. Никчемным оказался. Ненужным.

– Так, так. Не от мира сего был, – закивала Сергевна, обрадованная тем, что подруга ее не судит. – Может, Господь, прибрал. Может, кто еще забрал. Он ведь ждал, что за ним придут. Чувствовал. Однако тоскливо без него теперь будет. То надежда была, жив-здоров воротится, теперь никакой надежды. Только почему ты говоришь, что он был ненужным? Каждой бабке в деревне был нужен. Кто бы тебе без него двор перекрыл? Ты не смейся, но по мне вроде как

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

душу из деревни вынули. Душа ведь чистая. Я тут про него думала. Тоже был чистым человеком. Он ведь, ты вспомни, за всю жизнь слова плохого никому не сказал. Никого не осудил, не оскорбил.

– И что?

– Никого не обидел.

– Не обидел. И что?

– Никому не завидовал и ненависти ни к кому не питал. Как есть добрый и чистый.

– Ты к чему ведешь?

– Алексевна! Ты подумай. Разве люди так живут? Разве люди такими бывают?

– Не встречала таких.

– И я не встречала. Но если люди так не живут, то, может быть, инопланетяне так живут?

– Иди ты!

– Что иди? Влезли в него, пока мать носила. Или вовсе, может быть, Нюрка от инопланетянина зачала?

– Понесло ее! Дури-то не говори!

– Почему дури? Им же нужно за нами наблюдать. В человеческом обличье и лучше всего наблюдать. Никто перед ними не притворяется. Все какие есть. Ты вспомни, как Коля смотрел, когда про инопланетян говорил. Не по-человечески смотрел, не как всегда, отчего не по себе становилось.

– Не болтай уж! Смотрел он на нее не так!

– Рядом с его домом, Алексевна, жить теперь страшно. Веет оттуда – как сказать: тревогой, что ли? Словно следят за тобой из темных окон. Отвернешься, а тебе в спину вцепятся. Надьсь, перед тем, как его нашли, веник пропал.

– Иди ты!

– Что иди? Везде искала. Там, где и быть не может, искала. На печке искала. В бане искала. В сундуке с бельем и то искала. Нету! Пропал веник.

Сергевна посмотрела на подругу как-то по-особенному, не как всегда, отчего Алексевне сделалось не по себе.

26.03.2021

23.50

с. Ельтесуново

Игорь Сидоров. Кабинет. Эскиз декорации

КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

ДОЛГИЙ ПУТЬ ОДНОГО КИТАЙСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Два года назад я познакомился с уникальным человеком и великим тружеником – переводчиком и русистом Гу Юем, профессором Нанькайского университета, что в городе Тяньцзинь в Китае.

Он перевёл чуть ли не всех русских поэтов от Кантемира до ныне живущих: Пушкин, Лермонтов, Фет, басни Крылова, Брюсов, Бальмонт, Бунин, Цветаева, Рождественский, Гамзатов и так далее. Недавно перевёл Окуджаву и Цоя. А ещё прозу Горького, Пришвина, Пастернака и многих других. А ещё он знакомил нас с китайской поэзией: и как переводчик и как составитель. В 99-ом награждён медалью памяти Пушкина за многолетнюю литературную деятельность в области сближения культур России и Китая.

4 января я получил от Гу Юя письмо, в котором он пишет:

«Сегодня перевел ещё одно интересное стихотворение поэта Гумилёва. Посылаю Вам посмотреть рукопись и прошу сделать замечания». Речь шла о неоконченной поэме Николая Гумилёва «Два сна».

Переводчик, русист Гу Юй 谷羽 и его книги, изданные за последние 4 года. Это всё билингва: на китайском и русском.

**Николай Гумилёв (1886–1921)
и его поэма «Два сна»**

История этой поэмы довольно запутанная. Датируется 1918 годом. Замысел поэмы возник у Гумилёва в Лондоне и Париже в момент работы над переводами из китайских поэтов, вошедших позже в книгу «Фарфоровый павильон».

В одном интервью 1917 года в Лондоне Гумилёв говорит: «Новая поэзия ищет простоты, ясности и точности выражения. Любопытно, что все эти тенденции невольно напоминают нам лучшие произведения китайских писателей, и интерес к последним явно растёт в Англии, Франции и России».

Сохранился план поэмы из 10 глав и четверостишие, которое иногда помещают перед началом поэмы. До нас дошли две главы, а остальные либо утрачены, либо так и не были написаны.

О чём эта поэма?

Её главные герои – дети: девочка по имени Лай-Це и мальчик по имени Тен-Вей. Ещё там есть домашний дракон, пять столетий охраняющий семью Лай-Це, в подземелье томится злодей, «за дерзость прозванный Манчжуром», отцы девочки и мальчика, китайские мандарины, принимают посла Тонкина (это Северный Вьетнам), Тен-Вей читает им стихи, девочка шалит, а посол успокаивает смущённого её шалостью отца, говоря:

*Здесь, в мире горестей и бед,
В наш век и войн и революций,
Милей забав ребячих – нет,
Нет глубже – так учил Конфуций.*

Это первый сон.

А во втором сне Лай-Це выспрашивает дракона о приснившемся ей крокодиле, пристаёт к отцу с расспросами об Индии, вместе с Тен-Веем они играют, уходят всё дальше мимо опушки, мимо квадратов рисовых полей, через лесные просеки и где-то там, в кустах, Лай-це встречает как бы свою копию, девочку по имени Муаяни.

**Рис. 3. Николай Гумилёв (1886–1921) и его поэма «Два сна».
План поэмы из архива Г. П. Струве (1898–1985)**

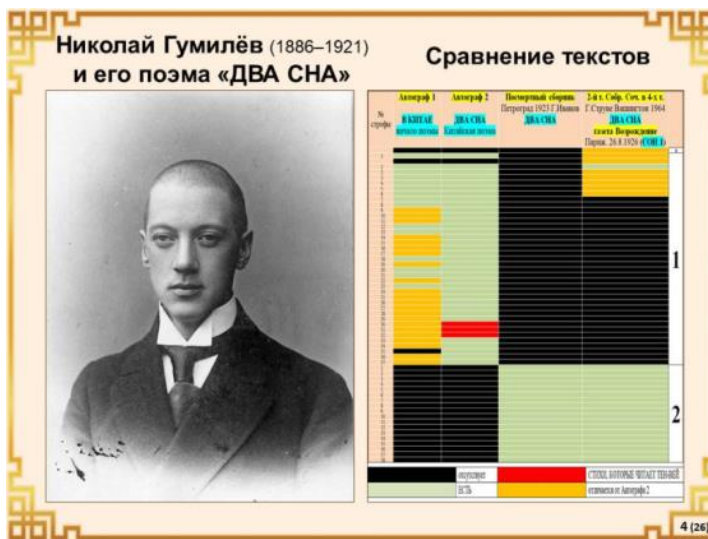

Рис. 4. Николай Гумилёв и его поэма «Два сна»

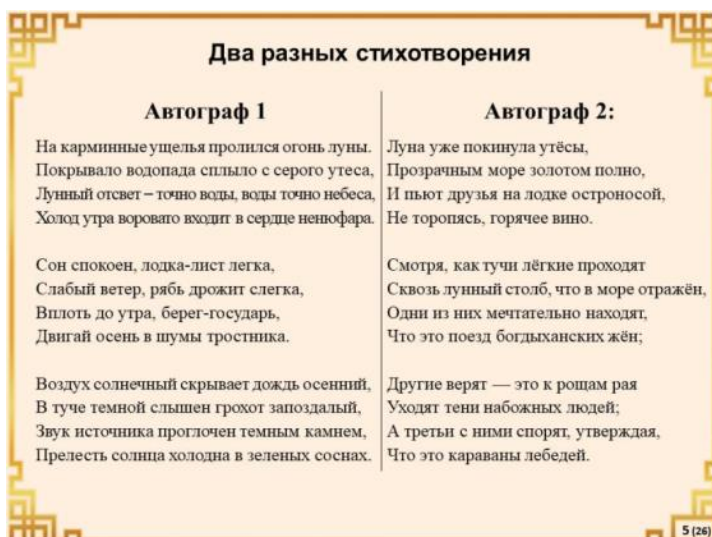

Рис. 5. Два разных стихотворения

Рис. 6. Стихи в альбоме из архива Г. П. Струве

Первые публикации

Сохранились два автографа первого сна: в старой и новой орфографии. Второй сон включен в «Посмертный сборник», изданный Георгием Ивановым в 1922 году и переизданный в 1923-м. Начало 1-го сна в изменённой редакции опубликовано в парижской газете «Возрождение» в 1926 году. Обе эти публикации объединены в четырёхтомном собрании сочинений Гумилёва, изданном Глебом Струве в Вашингтоне в 1964 году.

На рисунке 4 зелёным и красным отмечены строфы автографа 2 и «Посмертного сборника», жёлтым – строфы, отличающиеся от них, чёрным – отсутствующие. Но нас будут интересовать только три красные строфы: стихи, прочитанные Тен-Веем.

Два разных стихотворения

В автографах 1 и 2 совершенно разные стихотворения. Их объединяют только темы луны, воды, утёса и облаков.

Но это не значит, что второе стихотворение написано позже первого. Более того, оно написано даже раньше самой поэмы.

Как так может быть?

Стихи в «Альбоме» из архива Г. П. Струве и его обложка – акварель Н. Гончаровой (1881–1962)

Дело в том, что эти стихи первый раз под названием «Лунный свет» появляются в рукописном альбоме, в который Гумилёв вписал 76 стихотворений. Обложка – акварель работы Натальи Гончаровой, с которой Гумилёв познакомился в Париже в 1917 году.

Два варианта одного стихотворения

Текст отличается от более позднего автографа 2. На рисунке 7 различия показаны синим цветом.

В альбоме отмечено, что это перевод с французского стихотворения Жюдит Готье, которое, в свою очередь, является переводом с китайского. Автором китайского оригинала назван Ли-Су-Чан.

Кто такая Жюдит Готье и кто такой Ли-Су-Чан?

Жюдит Готье (1845–1917) и «Яшмовая книга» 1867 г.

Жюдит Готье – французская поэтесса и романист. Дочь писателя Теофиля Готье.

Её называли китайской императрицей парижских салонов; она была музой Вагнера, Бодлера, Малларме, любовницей Виктора Гюго.

Она стала первой женщиной – членом Гонкуровской академии в 1910 году. В тот же год награждена орденом Почётного легиона.

Жюдит начала изучать китайский язык в 1862 г., Теофиль Готье нашёл для неё учителя, китайца Дин Дунь-лина. В 1867 г. (в возрасте 22 лет!) она выпустила первое издание «Яшмовой книги» под псевдонимом Жюдит Уолтер и с посвящением Дин Дунь-лину, «китайскому поэту». Оно включало 71 китайское стихотворение в переводе на французский язык.

Жюдит Готье (1845–1917) и «Яшмовая книга» 1902 г.

«Яшмовая книга» переиздана в 1902 г. под настоящим именем Жюдит Готье. Книга расширена до 110 стихотворений.

Рис. 7. Два варианта одного стихотворения

Рис. 8. Жюдит Готье (1845–1917)
и «Яшмовая книга» 1867 г.

Рис. 9. Жюдит Готье (1845–1917)
и «Яшмовая книга» 1902 г.

**Рис. 10. Теофиль Готье (1811–1872).
Дин Дунь-лин (1830–1886)**

**Теофиль Готье (1811–1872).
Дин Дунь-лин (1830–1886)**

О Дин Дунь-лине известно не много. Он родился в Кантоне, на императорских экзаменах получил степень сюэя (что-то вроде бакалавра). Говорят, что он участвовал в восстании тайпинов, жизнь его была в опасности, и ему пришлось эмигрировать.

С помощью французского миссионера Жозефа Мари Каллери Дин Дунь-лин обращается в христианство, они вместе перебираются из Китая в Париж. Каллери вскоре умирает, и Дин Дунь-лин остаётся без средств к существованию.

Тут-то его и встречает Теофиль Готье, берёт жить к себе в дом и делает наставником своей дочери. Жюдит, которой тогда было 17 лет, вскоре обнаружила, что она ни много ни мало «реинкарнация китайской принцессы».

Дин Дунь-лину была поставлена трудная задача: он должен был стать не только наставником Жюдит, учителем китайского языка и культуры, но и освободить душу китаянки, застрявшую в теле француженки.

Миссия, которую Теофиль Готье доверил своей дочери, была не менее сложной: «Разгадай этого жёлтого человека и узнай, что скрывает его загадочный мозг».

Пара слов о значении «Яшмовой книги»

К моменту её первого издания маркиз д’Эрве де Сен-Дени выпустил переводы поэзии Тан. Эти тексты не то чтобы отличаются от «Яшмовой книги» – они несопоставимы.

Один из ведущих китаеведов XX века академик Алексеев отнёс переводы Сен-Дени к «образцам точнейших и обстоятельнейших переводов». А книгу Готье – к категории «переводов-фальсификаторов», «экзотических переводов».

Вывод Алексева такой: «...на эти “переводы” устремились незнающие язык и побуждаемые, очевидно, экзотикой вроде Юдифь Готье. Как и можно было представить, они оказались большими китайцами, чем сами китайцы, упорно стараясь договорить то, чего китаец не сказал. Сочинительство под китаец госпожи Готье оказало влияние на поэтическую

Рис. 11. Надгробная плита Жюдит Готье и её подруги и ученицы Сюзанны Мейер-Зундель (1882–1971)

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

продукцию поэтов экзотистов (например, “Фарфоровый павильон” Гумилёва), которые, чувствуя ведущую их руку, дают себе, конечно, еще большую волю: так создается экзотика китайщины (шинуазри)».

80% стихов «Яшмовой книги» – это не переводы, а вольные фантазии. Как сказал Акутагава Рюноске, «это Китай, но не Китай».

Но именно эта книга впервые представила китайскую поэзию во Франции широкой публике и была много раз переведена за границей. Есть большая доля истины в словах испанского блогера Мануэля Дура: «Любая история восприятия китайской культуры и литературы на Западе должна быть сосредоточена на фигуре Жюдит Готье и малоизвестного китайского литератора Дин Дунь-лина».

Стихотворение Дин Дунь-лина

«Яшмовая книга» не только посвящена Дин Дунь-лину, но и содержит три его стихотворения. Так он оказался в ряду великих поэтов Китая: Ли Бо, Ду Фу, Су Ши, Ли Цин-чжао и других. Это, конечно, вызвало недоумение у китайцев. Известный ученый Цянь Чжун-шу писал: «Дин Дунь-лин не знает стыда».

Но европейцами стихи Дин Дунь-лина не воспринимались как нечто постороннее. Одно из них перевёл на русский язык Игорь Северянин.

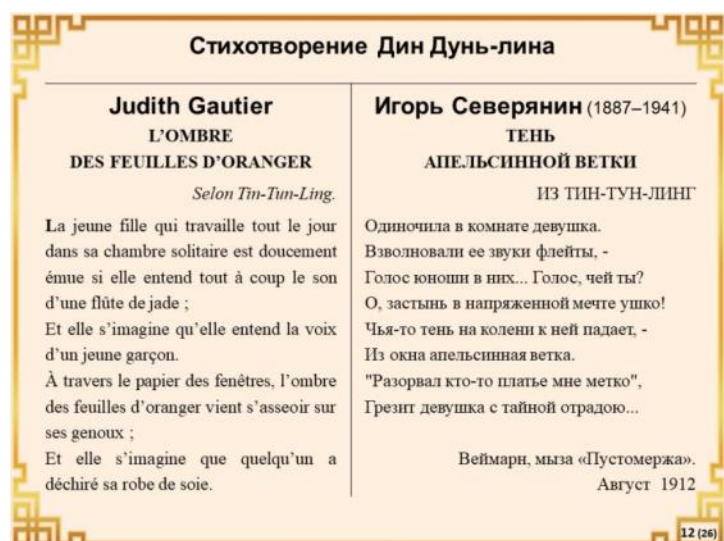

Рис. 12. Стихотворение Дин Дунь-лина

Стихотворения Жюдит Готье и Николая Гумилёва

Но вернёмся к нашему стихотворению. Если сравнить подстрочник Жюдит Готье и перевод Гумилёва из альбома, то мы увидим, что перевод точный.

Гумилёв с уважением относился к отцу Жюдит, Теофилю Готье, считая его одним из «краеугольных камней» эстетики акмеизма. Гумилёв перевел «Эмали и камеи» Теофиля Готье, так что выбор «Яшмовой книги» объясняется не только любовью к экзотике.

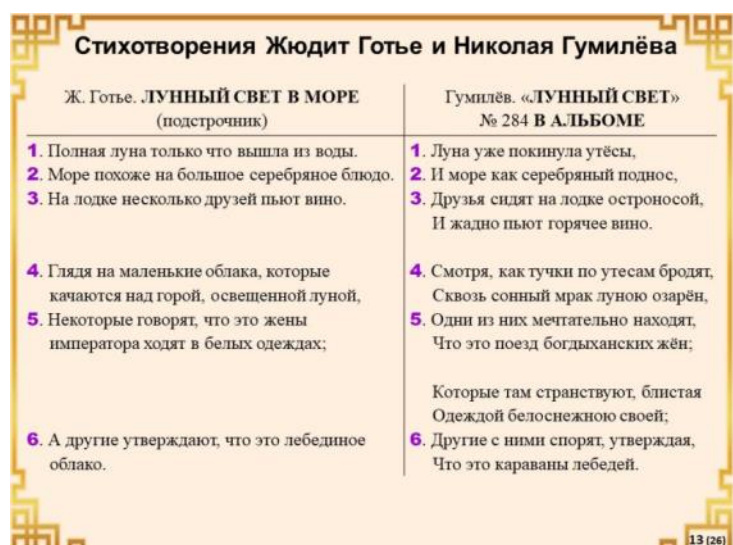

Рис. 13. Стихотворения Жюдит Готье и Николая Гумилёва

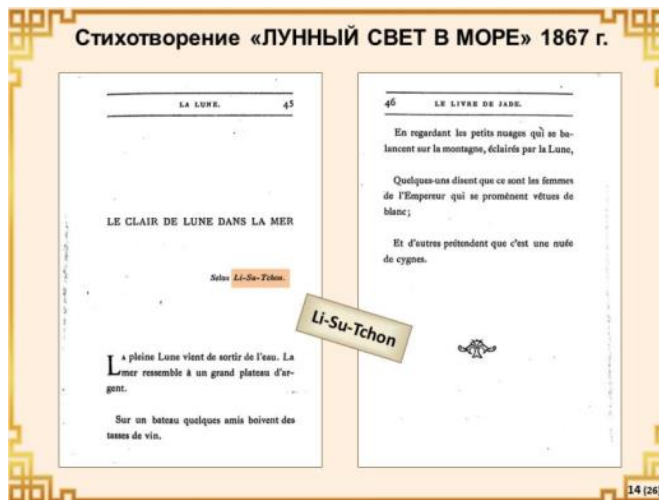

Рис. 14. Стихотворение «Лунный свет в море» 1867 г.

Стихотворение «Лунный свет в море» 1867 г.

Но кто же автор китайского оригинала? В первом издании он назван Ли-Су-Чон, у Гумилёва – Ли-Су-Чан.

Стихотворение «Лунный свет в море» 1902 г.

А в 1902 году он сменил имя на Ли-Оэй. Там же приведены китайские иероглифы его имени, которые читаются как Ли Вэй. В китайском языке вообще нет фонемы Оэй. Это неправильная транскрипция.

Но кто такой танский поэт Ли Вэй?

Именно такой вопрос мне задал Гу Юй 7 января, написав: «Вчера искал долгое время в сети интернет, к сожалению, ничего не получилось».

Гу Юй искал по китайским иероглифам. Я стал искать по латинской записи Ли Оэй. Не сразу, но кое-что нашёл.

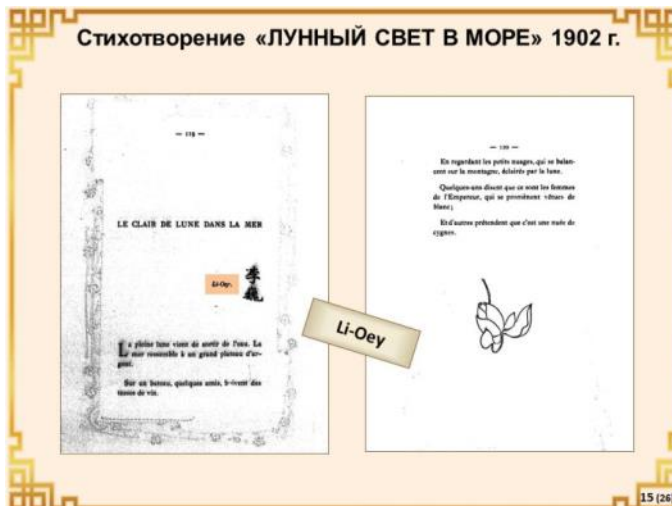

Рис. 15. Стихотворение «Лунный свет в море» 1902 г.

Загадка автора китайского стихотворения.

Акутагава Рюноске (1892–1927)

А нашёл я статью японского исследователя – Рю Кен – об одном стихотворении Акутагавы Рюноске.

Стихотворение входит в сборник из пяти западных стихотворений, которые в 1922 г. Акутагава перевёл на японский язык. Сборник назывался «Пастельный дракон». Создан во время болезни писателя, когда тот жил в Шанхае.

Интересное совпадение: позже, в 1935г., там вышло третье издание «Посмертного сборника» Гумилёв

Рис. 16. Акутагава Рюноске

Стихотворения Жюдит Готье и Акутагавы Рюноске

На рис. 17 это стихотворение: французский оригинал и перевод на японский язык.

Жюдит Готье	Акутагава Рюноске
LE CLAIR DE LUNE DANS LA MER <i>Li-Su-Tchon (1867), Li-Oey (1902)</i>	「月光」 —— Judith Gautier——ジュディ・ゴートイエ
<ol style="list-style-type: none"> 1. La pleine Lune vient de sortir de l'eau. 2. La mer ressemble à un grand plateau d'argent. 3. Sur un bateau quelques amis boivent des tasses de vin. 4. En regardant les petits nuages qui se balancent sur la montagne, éclairés par la Lune, 5. Quelques-uns disent que ce sont les femmes de l'Empereur qui se promènent vêtues de blanc; 6. Et d'autres prétendent que c'est une nuée de cygnes. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. 満月は水より出で、 2. 海は銀 [しろがね] の板となりぬ。 3. 小舟には、人々蓋 [さかづき] を干し、 4. 月明りの雲、かそけきを見る。山の上に漂ふ雲。 5. 人々あるひは云ふ、——皇帝の白衣の后と、 6. あるひは云ふ、——天 [あま] 翔る鶴 [くぐひ] のむれと。

Рис. 17. Стихотворения Жюдит Готье и Акутагавы Рюноске

Стихотворения Жюдит Готье и Акутагавы Рюноске. Подстрочники

Перевод Акутагавы тоже довольно точный. Особенным является только слово *касакэки* – это архаизм, который трудно перевести на русский. Что-то вроде тусклый, туманный, нечёткий, размытый, эфемерный.

Жюдит Готье	Акутагава Рюноске
ЛУННЫЙ СВЕТ В МОРЕ <i>Ли-Су-Чон (1867), Ли-Оэй (1902)</i>	ЛУННЫЙ СВЕТ Жюдит Готье
<ol style="list-style-type: none"> 1. Полная луна только что вышла из воды. 2. Море похоже на большое серебряное блюдо. 3. На лодке несколько друзей пьют вино. 4. Глядя на маленькие облака, которые качаются над горой, освещённой луной, 5. Некоторые говорят, что это жёны императора ходят в белых одеждах; 6. А другие утверждают, что это лебединое облако 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Полная луна выходит из воды, 2. Море становится подобным серебряному подносу. 3. В лодочке люди чарку осушают, 4. Облака лунного света и <касакэки> видят. Над горами – плывущее облако. 5. Люди то говорят, что это жёны императора в белых одеждах, 6. То говорят, что это стая лебедей парит в небе.

Рис. 18. Стихотворения Жюдит Готье и Акутагавы Рюноске. Подстрочники

Стихотворения Николая Гумилёва и Акутагавы Рюноске

Это соответствует строке Гумилёва «Сквозь сонный мрак луною озарён».

Рю Кен пишет: «Используя содержание переведённого стихотворения в качестве руководства, я нашел стихотворение под названием “Яркая луна восходит над океаном” поэта средней династии Тан – Ли Хуа, которое, похоже, может быть оригиналом для перевода Акутагавы».

Николай Гумилёв	Акутагава Рюноске
ЛУННЫЙ СВЕТ В АЛЬБОМЕ	ЛУННЫЙ СВЕТ Жюдит Готье
<ol style="list-style-type: none"> 1. Луна уже покинула утёсы, 2. И море как серебряный поднос, 3. Друзья сидят на лодке остроносой, И жадно пьют горячее вино. 4. Смотри, как тучки по утесам бродят, Сквозь сонный мрак луною озарён, 5. Одни из них мечтательно находят, Что это поезд богдыханских жён; Которые там странствуют, блистая Одеждой белоснежною своей; 6. Другие с ними спорят, утверждая, Что это караваны лебедей. 	<ol style="list-style-type: none"> 1. Полная луна выходит из воды, 2. Море становится подобным серебряному подносу. 3. В лодочке люди чарку осушают, 4. Облака лунного света и <касакэки> видят. Над горами – плывущее облако. 5. Люди то говорят, что это жёны императора в белых одеждах, 6. То говорят, что это стая лебедей парит в небе.

Рис. 19. Стихотворения Николая Гумилёва и Акутагавы Рюноске

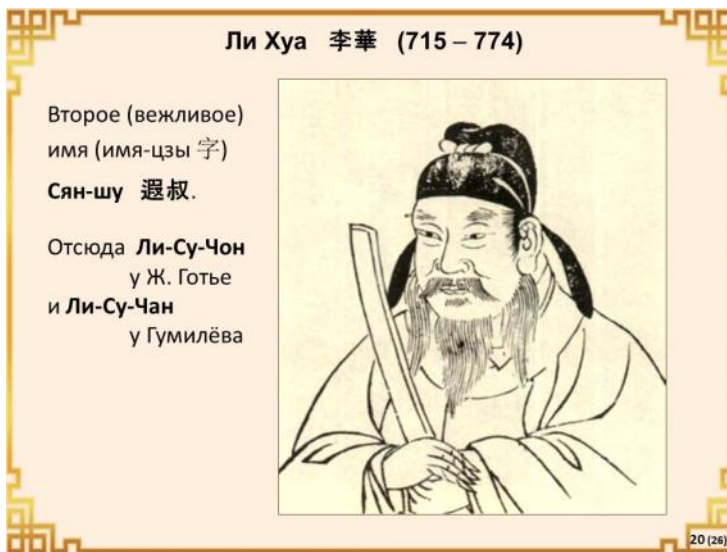

Рис. 20. Ли Хуа 李華 (715–766)

Ли Хуа 李華 (715–766)

Ли Хуа – писатель и поэт династии Тан. В 735 г. получил высшую учёную степень цзинь-ши. Далее он успешно делал чиновничью карьеру, его отличало ревностно-честное отношение к службе.

Во время мятежа Ань Лушаня, когда войска мятежников заняли столицу в 755 году, Ли Хуа был вынужден служить придворным чином в государственной канцелярии, тем самым оказавшись насильно вовлечённым в дела заговорщиков.

После того как мятеж Ань Лушаня был подавлен, Ли Хуа понизили в должности и сослали в Ханчжоу. Но он продолжал честно служить и даже получать повышения.

И только в 765 г. из-за ревматического артрита Ли Хуа уходит в отставку, а затем под предлогом болезни удаляется от мира и становится буддистом. В результате Ли Хуа прославился ещё и как буддийский писатель, оставив заметный след в истории китайского буддизма, особенно, школы чань (по японски дзэн).

Академик Алексеев пишет о Ли Хуа так: «Он... стал проповедовать труд, воздержание и скромность во всём, вплоть до сознательной и нарочитой бедности, и кончил жизнь свою в буддийском монашестве, охладев ко всему, в том числе и к поэзии. Однако он успел написать около 30 цзюаней (свитков, книг) прекрасных стихотворений и прозаических шедевров, дошедших до нас. Прославился как прозаик. Ли Хуа – один из весьма многочисленных поэтов расцвета (поэзии) в VIII веке, но весьма малоизвестный в Европе (пожалуй, только по “Плачу на древнем поле сражений”)). Этот «Плач» Алексеев перевёл прозой.

Ли Хуа был современником великих поэтов Ду Фу и Ли Бо. С Ли Бо они обменивались стихами и эссе. У Ли Бо есть стихи, посвящённые Ли Хуа. Когда Ли Бо умер, Ли Хуа написал эпитафию.

Стихотворения Ли Хуа и Жюдит Готье подстрочники		
李華 海上生明月	Ли Хуа (подстрочник Гу Юя) Светлая луна поднимается над морем	Жюдит Готье ЛУННЫЙ СВЕТ В МОРЕ
1. 皎皎秋中月， 團團海上生。	1. Светло-светлая осенняя срединная луна Поднимается над морем кругло-круглая.	1. Полная луна только что вышла из воды.
2. 影開金鏡滿， 輪抱玉壺清。	2. Полна как золотое зеркало Кругла как нефритовый чайник с прозрачным [вином].	2. Море похоже на большое серебряное блюдо. На лодке несколько друзей пьют вино.
3. 漸出三山崑， 將凌一漢橫。	3. Постепенно взлетает над тремя [священными] горами Потом выше млечного пути.	3. Глядя на маленькие облака, которые качаются над горой, освещенной луной,
4. 素娥嘗藥去， 烏鵲織枝驚。	4. Чанъэ ушла принять волшебное зелье Вороны испуганно летают вокруг ветки.	4. Некоторые говорят, что это жены императора ходят в белых одеждах.
5. 照水光偏白， 浮雲色最明。	5. Под светом луны вода становилась бледнее А цвет облаков стал совсем светлым.	5. А другие утверждают, что это лебединое облако.
6. 此時亮砌下， 萋萋自蔣榮。	6. В такой час у ступеней [дворца императора] Яо Благодатная трава растёт пышно и прекрасно	

21 (26)

Рис. 21. Стихотворения Ли Хуа и Жюдит Готье

Стихотворения Ли Хуа и Жюдит Готье. Подстрочники

Первую половину стихотворения Жюдит перевела довольно точно. Только вместо золотого зеркала у неё серебряный поднос. А вот вторая часть стихотворения даже не пересказана.

Здесь есть Чанъэ – богиня Луны, которая, как известно, была женой стрелка И, выпила эликсир бессмертия, подаренный мужу богиней запада Си-ван-му, и вознеслась на небо. Вороны у *цуюе* означают ещё и сорок, намекая на

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

миф о Пастухе и Ткачихе, которые превратились в одноименные созвездия и могут встречаться только раз в году, когда оба появляются на небе, а сороки слетаются и строят из своих хвостов мост, по которому влюблённые идут друг к другу.

Вороны-сороки в переводе превратились в лебедей. Бледная вода и белые облака стали белыми одеждами императорских жён.

Откуда взялись эти жёны императора?

У Ли Хуа их нет, но есть император – легендарный император Яо, который жил больше 4-х тысяч лет назад.

Трава мин-цзя и стихотворение Н. Гумилёва

Вместо жён императора есть трава *мин цзя* (благодатная трава).

Согласно легенде она росла около ступеней императорского дворца. Каждый день, начиная с первого дня лунного месяца, вырастал один стручок, а с шестнадцатого дня на закате опадал один стручок. Император Яо смотрел на эту траву, чтобы узнать день лунного месяца.

В стихотворении Гумилёва из альбома – «серебряный поднос», как у Жюдит Готье, но в окончательном варианте появляется «прозрачное золото». То есть Гумилёв, не видя оригинала, угадал, что у Ли Хуа «золотое зеркало».

И Гумилёв как будто чувствовал, что Жюдит Готье что-то упустила, и переделал две строки. Но тут он не угадал, конечно: написал не о благодатной траве, а о тенях набожных людей, уходящих к рощам рая.

В то же время эта отсылка к прошлому (раз «тени», значит люди уже умерли) и к священному («рощи рая») похожа на отсылку у Ли Хуа к древним и священным (поскольку тогда был «золотой век») временам императора Яо. Так что немножко Гумилёв угадал: не буквально, но похоже по смыслу.

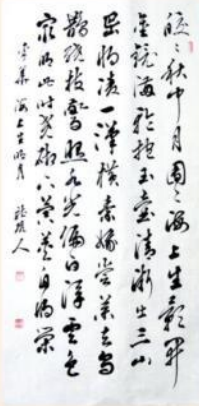
Рис. 22. Трава мин-цзя и стихотворение Н. Гумилёва

Стихотворение Ли Хуа

皎皎秋中月，
團團海上生。
影開金鏡滿，
輪抱玉壺清。
漸出三山岳，
將凌一漢橫。
素娥嘗藥去，
烏鵲繞枝驚。
照水光偏白，
浮雲色最明。
此時堯砌下，
萸萸自將榮。

**Стихотворение Ли Хуа
в стиле синшу 行書
«ходовое письмо»**

**Каллиграфия
Лун Кэн-женя 龙坑人**

**настоящее имя
Чжан Цзяньхуа 张建华
г. Юйяо 余姚
провинция Чжэцзян 浙江**

23 (26)

**Рис. 23. Стихотворение Ли Хуа.
Каллиграфия Лун Кэн-женя 龙坑人**

Стихотворение Ли Хуа. Каллиграфия Лун Кэн-женя 龙坑人

На этом путь китайского стихотворения... нет, не завершается, а продолжается во всевозможных отголосках, которые были, есть и будут. Вот на рис. 23 современная каллиграфия этого стихотворения.

Гу Юй написал мне: «По-моему, можно винить в неточном переводе французскую переводчицу, Гумилёва обвинить не в чем».

По словам китайского исследователя Ян Миня, «стихотворения Гумилёва стали своеобразным “ключом”, открывшим русскому читателю Китай».

Поэтические переводы стихотворения Ли Хуа

李華 海上生明月	Игорь Бурдонов Светлая луна поднимается над морем	Наталья Орлова Над морем всплывает ясная луна
皎皎秋中月， 團團海上生。 影開金鏡滿， 輪抱玉壺清。 漸出三山岳， 將凌一漢橫。 素娥嘗藥去， 烏鵲繞枝驚。 照水光偏白， 浮雲色最明。 此時堯砌下， 萸萸自將榮。	Светло-светлая осенняя срединная луна, Кругло-круглая над морем поднимается она. Чудится, зеркальным золотом полна, Чайником нефритовым прозрачного вина. Медленно всплывает над тройной горой, Чтобы пересечься с небесною рекой. Чаньэ ушла пригубить кодовской настой. А сороки в страхе кружат над листвою.	На сломе осени пресветлая луна Над морем круглым кругом всплыла – Златое зеркало сиянием полно, В сосуде алмазовом прозрачное вино – Над троюгорьем медленно скользят, Пересекая рощерк Млечного Пути. Вкусив настой, Чаньэ уж в небесах, Всплунув сорок, дремавших на ветвах.
	Под луною светится бледная вода, И плывут, светлея, в небе облака. В этот час Тан Яо наблюдал с крыльца: Дивно колосится волшебная трава.	И блики стали на воде белы, И облака плывушие светлы, С крыльца спустился Яо в этот час – Трава волшебная на славу поднялась!

24 (26)

**Рис. 24. Поэтические переводы
стихотворения Ли Хуа**

**Поэтические переводы
стихотворения Ли Хуа**

На рис. 24 два поэтических перевода оригинального стихотворения Ли Хуа: один мой, другой Натальи Орловой, которой принадлежит недавний перевод 100 стихов Бо Цзюй-и.

Стихотворение о Ли Хуа

Ну и поскольку я, как Дин Дунь-лин, «не знаю стыда», в завершение я прочитаю своё стихотворение, написанное под впечатлением от личности и жизни Ли Хуа. Гу Юй его перевёл на китайский язык.

Поводом послужила разница в датах смерти Ли Хуа.

По версии авторитетных текстов Ли Хуа умер в 766 году, вскоре после отставки. Но это довольно странно: вряд ли он смог прославить как буддийский писатель и оставить заметный след в истории китайского буддизма, если бы у него был всего один год до смерти. К тому же другие тексты опровергают эту дату: согласно им Ли Хуа был жив в 769 и даже 774 году.

Стихотворение о Ли Хуа
Год смерти: 766 или 774? 元 – начальный, 九 – девятый

Игорь Бурдонов ЛИ ХУА	Перевод Гу Юя 李華
Старый чиновник и старый поэт Оставил стихи и службу, В обители горной нашёл приют, Потому что поверил Будде. И в хронике пишут вполне разумно, Что он заболел и умер. Но пальцы скрюченные артритом Всё ещё держат кисть, Чтоб написать перевод с санскрита Сутр друзьям-монахам. Такая теперь у него ещё одна жизнь.	当官的诗人上了年纪, 不再写诗, 辞去官职, 在一座山寺找到归宿, 信奉佛学, 诚心诚意。 有些史书上写得明白, 他晚年多病与世长辞。 虽然其手指弯曲如钩, 依旧像往昔擅长运笔, 他为相识的友好僧侣, 翻译梵文的佛学经卷, 使他的生命至今延续。
26.02.2021	2021, 2, 27 谷羽译

25 (26)

Рис. 25. Стихотворение о Ли Хуа

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

Ошибка произошла из-за неверного написания иероглифа «девять», который пишется очень похоже на иероглиф «начальный». Поэтому вместо 9-го года периода Дали, т. е. 774-го года, получился 1-ый год, т. е. 766-ой.

Ошибка вроде найдена и исправлена, но в половине сайтов интернета по-прежнему указан 766 год.

На рисунке 26 показан тот ветвящийся путь китайского стихотворения, о котором шла речь. Путь из страны в страну и от поэта к поэту.

Рис. 26. Ветвящийся путь китайского стихотворения

ПОЭЗИЯ

Людмила Вешнякова
(Москва)

Письмо из летней ночи...

Я напишу тебе письмо из летней ночи
и передам его почтовым голубям...
Признаюсь, что люблю, и что скучаю очень,
оставив между строк в конверте для тебя
задумчивость луны и солнечные блики,
портрет мой у окна, увитого плющом,
и бусинки росы, и горстку земляники,
и мяты аромат...
И поцелуй еще...

Не испугают птиц ночных небес глубины,
Рассвет давным-давно стоит настороже...
И где-то в облаках на крыльях голубиных
за тридевять земель спешит к тебе уже
задумчивость луны и солнечные блики,
портрет мой у окна, увитого плющом,
и бусинки росы, и горстка земляники,
и мяты аромат...
И поцелуй еще...

Подумаешь: «Письмо... Слова – такая малость»,
разлуки долгий срок листая день за днем...
Но испарится грусть, и пропадет усталость,
когда, открыв конверт, ты обнаружишь в нем
задумчивость луны и солнечные блики,
портрет мой у окна, увитого плющом,
и бусинки росы, и горстку земляники,
и мяты аромат...
И поцелуй еще...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

В простуженной реальности...

...а город просыпается опять под ворохом поблекших одеял...
и чайник начинает закипать в простуженной реальности, где я –
взъерошенный какой-то воробей, недавно переживший холода...
с желанием за пазуху тебе забиться... и оттуда никуда...
и слушать сердце (чем не стетоскоп?)...
и головой качать ударам в такт...
и еле уловимым голоском умильно щебетать (у птиц ведь так?)...

...а за окном звенит вовсю капель и пахнет новорожденной весной...
и чайник пар пускает(за-ки-пел)...
и новый день тропинкою лесной уже спешит к далекому окну...
...моим губам от чая горячо...

...ты у рубашки ворот распахнул...
неужто мысли все мои прочел?..

В июле тоже...

Спросил негромко, скатившись с крыши: «Со мной пойдешшшшь?»
Забавный, дерзкий, совсем мальчишка, но всюду вхож...
Принес, трудяга, теплú водицу из жарких стран
и так, похоже, собой гордится... Не дождь, а фронт...
Стою и мокну, забыв про зонтик. Немой вопрос:
«А кто тот мастер, что к горизонту возводит мост,
ведет который куда-то в небо... за оком?..»
Мне шепчет дождик: «Я сам там не был... Идем вдвоеммм?..
И если что-то в дорогу надо – бери... и в путь...
Ты танцевала на спинах радуг когда-нибудь?
Ты рисовала палитрой света рассвет, закат?
А землянику – подарок лета? А облака?..
Не будет скучно тебе и мне там...»

«Ну что ж, веди...»
В июле тоже, по всем приметам, грядут дожди...

Чтобы мы могли... помолчать...

Я пишу, а ты молчи и читай... Мы сегодня посидим в тишине.
Горизонта голубая черта ближе к ночи все темней и синей.
Вечер спрятал золотые огни по ложбинкам, под травой-муравой.
Ты представь: сидим с тобою одни, нет вокруг совсем-совсем никого,
только неба потускневший лоскут да белесых облаков полоса...
Я из слов рубашку теплую тку, продолжая эти строки писать
про закат, про то, как ветер в трубе свил гнездо и там устроился спать...

Московский BAZAR № 2 (37) 2021 г.

как, прильнув своим молчаньем к тебе, я согреть тебя пытаюсь опять...
 Вот и кто-то вездесущий, извне, приструнил всех говорливых галчат,
 чтобы мы могли побыть в тишине...
 Чтобы мы с тобой могли
 помолчать...

А мне бы

Здесь раннее утро и синее небо,
 здесь ластится солнце котенком лохматым,
 Здесь пахнет чуть-чуть подрумяненным
 хлебом,
 и чаем с лимоном и листиком мяты.
 Здесь ветер тихонько играет на дудке,
 как будто случайно присев на порожек.
 Здесь (веришь?) уже зацвели незабудки
 на прошлой неделе, и ландыши тоже.
 Здесь тычется ежик мордашкой в блюдце
 (в иголочках весь – и смешно, и хиппово).

А мне бы ладошкой к тебе прикоснуться...
 Соскучилась очень...
 Считаешь, не повод?

Весна... Наконец-то...

Весна... Наконец-то... Проснулась, похоже,
 Умылась росой, принимаясь за дело.
 От вида ее восхитительных ножек
 рассветное небо румянцем зарделось.
 Явилось и солнце тотчас на смотрины,
 тараша глаза восхищенно спросонок,
 И воздух, разбавленный аквамарином,
 вдруг стал отчего-то хрустален и звонок.
 И все изменилось... И мысли шальные
 мелькнули на миг, отвлекая немного,
 И кто-то уже рассмотрел кружевные
 нарядные платья весны длинноногой.
 А я наблюдаю, как, чубчик взъерошив,
 смешной воробышка купается в луже.
 И хочется думать о чем-то хорошем...

Вот только на сердце все выюжит и выюжит...

Сегодня я...

Сегодня не пишу...
 Я складываю в папку
 все точки и тире, всю уйму запятых,
 горячее «люблю», и снов цветных охапку...
 И может быть, по ним теперь скучаешь ты...

Сегодня я молчу...
 Лишь непоседа-ветер
 спешит, умчавшись прочь от тяжелой тишины,
 качаться в гамаке, забыв про все на свете,
 и бегать по траве мальчишкой озорным,
 пока чертополох не выпустил колючек,
 пока движенья все свободны и легки...

Сегодня я грущу...
 Коплю слезинки в тучах...
 Но будет новый день и новые стихи...

ПОЭЗИЯ

Ирина Ханум

(Севастополь)

Скажите, Мастер...

Скажите, Мастер, Маргарита
Вам часто снится по ночам,
Когда погашена свеча
И звезды ярче хризолита,
А располневшая луна
В объятьях сонного самшита?
Скажите, ведьмой Маргаритой
Вы упиваетесь сполна?
Стоит на стоптанных дорожках
Садовых лилий аромат.
Блаженство он и он же – яд.
Об этом черти говорят,
Стучась в закрытое окошко.
Лежат бумага и перо.
Романа шепчутся страницы...
Взрывное «кар-р» в испуге птицы,
Задевшей полое ведро.
Метла – засов в худой двери,
Она и чудо-колесница.
Рисуют сны сюжеты, лица,
Стирая ластиком зари.

Поздняя встреча

Поздняя встреча, ромашки в руке –
Свежий букет с недостроенной дачи.
«Да» или «нет» в этом скромном цветке?
Чудится – птица в кустарнике плачет.

Запахи леса смешались с морским,
Солнце садится, и шлейф догорает.
Руки согреты дыханьем твоим,
Негой наполнилось сердце до края.

Нитка тропинки ведет за собой
К летнему пляжу, где столько простора...
Сердце мне шепчет о счастье с тобой,
В мед добавляя горчинку минора.

Что-то мешает почувствовать рай,
Может, года, что лежат за спиною.
Чайкой кружится тревожное «жаль»,
Жаль, что ты встретился поздно со мною.

Как шумлива бывает волна...

(Из цикла «Крымские этюды»)

Как шумлива бывает волна,
Гальку моет и лижет утес.
Чуть отступит и снова вольна...
Мир зависит от прихоти звезд.

Пахнет берег морскою травой,
Что захочет, приносит волна.
Может выбросить рыбу живой
Или с нею касается дна.

Ветер носит обрывки легенд,
Ими полнятся пяди земли.
Он один здесь хозяин над всем,
Хочет – парус надует вдали.

Я люблю молчаливо смотреть
На взъерошенный пеной накат,
Где с сапфиром сливается медь,
Если в полную силу закат.

Крымские домики

(Из цикла «Крымские этюды»)

Крымские домики, тихие дворики,
Вишня, орех и миндаль.
В доме – буфет, пожелтевшие слоники –
Прошлому времени дань.
Ослик навьюченный тропкою узкою
С горки спустился в село.
Что-то щемящее, близкое, грустное...
Что-то... Но очень тепло.

Куры и утки, теленок накормленный,
Скрипнет калитка слегка,
Кошка, собака, пушистые кролики,
Крынки полны молока.
Лошади бродят в лугах зеленеющих,
Лозы рождаются вновь.
Теплые чувства, с грустинкой, к селениям...
Теплые – значит любовь.

Персидской ночи лунная вуаль...

(Из цикла «Стихи о Персии»)

Персидской ночи лунная вуаль,
Безмолвных минаретов очертанья,
Сафиры звезд, окутанные тайной,
Сады из роз – приятная деталь.
Булыжных улиц ласковый изгиб,
Их лик в ночи извечно сиротливый,
Шаги идущих слишком торопливы.
Увидев тень, что движется – беги.
Здесь вкус вина изыскан и богат,
Сетара¹¹ грусть дарует упоенье,
У пери дивный бархатный наряд,
И образ весь подобен наважденью.
Играет тьма с чертогами дворцов,
Где призраки, являясь, исчезают,
Где томных дум кочующие стаи
Подвластны лишь сознанию мудрецов.

Бежала горная река...

(Из цикла «Воспоминания о Грузии»)

Бежала горная река с высот в долину,
И плыли стаей облака, то – врозь, то – клином,
Касались плеч отвесных гор с зеленым мехом.
Был камнепада дружный хор с протяжным эхом.

Мелькала пестрая форель в потоке горном,
Реки менялась акварель в лучах задорных.
Искрилась рыба серебром, а камни – золотом,
И здесь казались ерундой года и даты.

Здесь воздух свежестью дышал и пах сосною,
Пеклась форель, дымил мангал, а мы с тобою
Смотрели сверху на стезю реки шумливой.
В долине, что была внизу, цвели оливы.

Звенела весело вода, шлифуя камень,
Форель летела в никуда, бока поранив.
Безумна быстрая река – поток гремучий,
А мы стоим – в руке рука – на горной круче.

¹¹ Сетар (перс.) – иранский народный струнный щипковый музыкальный инструмент, принадлежащий к семейству лютней.

Художник

(навечно живописью)

Шершавой холстине так хочется ласки
От шелковой кисти и цвета пастели!
Разгладит он пальцами мягкие краски,
Касаясь так нежно, как будто лелея

Картину, как женщину ту, что любима,
Которая в снах появляется вещих,
То с летним букетом, то с чашею сливы,
То вдруг начинает латать его вещи.

Фиалками пахнет чуть смуглая кожа,
А щеки умыты зарей перевозданной.
Она на портрете немного моложе,
Но так же изящна, свежа и желанна.

Он что-то поет, насыщая холстину
То алым, то желтым, то винным оттенком,
Пройдется ладонью по ультрамарину,
И море задышит дурманно и терпко.

Он все забывает у новой картины:
Про голод и то, что в камине – ни щепки,
Зато на холстине краснеет малина,
Бери, сколько хочешь, с рисованной ветки.

Богатый и бедный, безумно счастливый,
Он много мечтает и этим доволен,
То ходит в моря, то гуляет по нивам,
Он – бог, для себя, и в фантазиях волен.

На панцирной сетке кровати убогой
Ночами холодными ежится, зябко.
Смуглянка с портрета поманит в чертоги
Фиалковых снов, от которых так сладко.

Разносит ветер вкусный запах плова...

(Из цикла «Азия»)

Шатер чинары. Осы, мошкара,
Урюком дразнит глиняное блюдо.
Хозяйский пес знакомится с верблюдом
В тени озелененного двора.

Играет с жеребенком детвора,
Кричат, галдят – не разобрать ни слова.
Разносит ветер вкусный запах плова,
И в уголь превращаются дрова.

Здесь любят все уютный дастархан.
Лучи сквозь ветки ластятся к подушкам.
Зеленый чай в пиалах, а не в кружках,
Жасмина вкус почувствуешь слегка.

Рассыпчат рис, а мясо – с чесноком,
Шафран и зира: все для аппетита.
Дневное солнце близится к зениту
И облако по цвету – молоко.

Душе и сердцу только благодать,
Они поют от радости неволью.
Хоть гости дома сыты и довольны,
Но руки к плову тянутся опять.

Игорь Сидоров. Народный хор

ПОЭЗИЯ

Людмила Свирская

(Прага, Чехия)

День не мой. Да и ночь не моя:
Все мы словно бы в пасти бульдожьей.
Как деревья, растут сыновья,
Оставляя меня у подножья...
Я под маленьким сяду дубком,
Хлеб да соль разложу на салфетке,
Чтоб стихи угнездились рядком,
Вмиг расправив зеленые ветки.
Дни проходят. И ночи полны
Ожиданьем июльских рассветов...
На задворках стеклянной весны
Продолжается странное лето.

Билеты продаются в том окне –
Куда-то. А вернее, для чего-то.
И запертые наглухо ворота
Становятся податливей мне.
Там чей-то голос (только голоса
У нас еще не заперты покуда)...
Он спрашивает, что я делать буду
В ближайшие два с четвертью часа.
Дышать. Бежать за солнцем вдоль реки,
Постукивая термосом глинтвейна,
И трогать по пути благоговейно
Массивные висячие замки...
Приснится же такая чепуха!
Год двадцать первый. Третий день
суровый.
На ощупь я бреду. И держит снова
Соломинка последнего стиха.

Как тихо счастье! Ни-когда. Ни-кто.
Ни-где. Ни с кем. А просто я – и лето.
Стихи живут в прихожей, под пальто,
Меж двух зеркал – заката и рассвета.
Но, обретая запах, вкус и цвет,
Стучатся в мир настойчивым стаккато...
Люблю, когда в стихах моих рассвет
Одним крылом касается заката.

То ли призраки бродят по улицам мертвым,
То ли живы пока мы... Покорны... Пусты...
Стерта тонкая грань между Богом и чертом,
И насильно меня кто-то рвется спасти.
Опустите мне веки. Летучий Голландец
Я отныне – снежинки в ресницах поют...
Снег уходит из города, как иностранец,
Потому что теперь у нас виз не дают.

Кошачье

Провалилась рука в глубину
Упоительной шерсти кошачьей.
Это значит, что я отдохну
И во сне потихоньку поплачу
О надеждах вчерашнего дня,
Ночью словно бы стертых с экрана,
И о счастье, в котором сыграла
В паре с тем, кто не любит меня.
Заглянувшая «через» и «за»,
Осознавшая важность момента,
Мурка рядом. Прикрыла глаза
И строчит пулеметною лентой.
Я-то что? Бесприютна, слаба.
А она – укротившая громы,
Создавая иллюзию дома,
На коленях лежит. Как судьба.

Письмо

Здравствуй, бабуля. Сегодня у нас среда?
 Счет нашим дням ты навряд ли ведешь оттуда.
 Осень идет. Вероломная, как всегда.
 Лживая сплетница, хищница и паскуда.
 С нею, наверно, другая придет волна –
 Этой... невнятной... так вовремя вспыхнувшей хвори...
 Я, как мне кажется, очень давно больна
 Чем-то иным, не надеясь поправиться вскоре.
 Есть ли ответ на простой вопрос: «Как дела?»
 Чье поколение счастливей – гадай по лицам.
 Я по числу революций тебя обошла,
 Да и война нам досталась: всю вечность длится.
 Только безверья, мне кажется, и стыда,
 И пустоты зашкалило – будьте-нате...
 Что у нас нынче – вторник или среда?..
 Столько еще впереди – на три жизни хватит.

Последний час июльской ночи тесной,
 С пятном на небе тающей звезды...
 Творю свое бездрожжевое тесто,
 Добавив соль и капельку воды.
 Пока ночные грезы в доме гаснут,
 Царит недолгий утренний покой,
 Пеку лепешку пресную на масле,
 Слегка припорошенную мукой.
 Я не люблю воздушность сладкой сдобы
 И, как могу, всю жизнь творю сама
 Свои стихи бездрожжевые, чтобы
 Мне не сойти от голода с ума.

Как задержать дыхание во сне,
 Когда мне снятся бабушка и школа,
 И детство до великого раскола
 В давно не существующей стране?
 Теперь вокруг так много болтовни:
 Зачеркивают, правят, куролесят.
 А я? Что я? Мне просто было десять,
 Двенадцать и четырнадцать... В те дни,
 Конечно, было многого нельзя.
 Зато теперь все можно: крепкий панцирь.
 Но почему так страшно просыпаться,
 По проволоке памяти скользая?

«Без четверти полночь? – Скажи-ка!
 Жизнь крутит и вертит хвостом.
 ...Я к старости стану бомжихой,
 Под Карловым лягу мостом
 И буду дремать безмятежно,
 Вчерашнюю корку жуя...

Чего ж ты, как кролик, сердешный,
 Уставился? Я не змея.

Хоть, видишь ли, шибко ветшаю
 От жизни такой – и давно.
 Родная страна ли, чужая –
 Итог-то один все равно:
 Два метра тоски придорожной
 И памяти белая мгла...
 Богатой – ни к черту! Возможно,
 Красивой когда-то была.
 Стихи, между прочим, писала,
 От мужа рожала детей
 И вечно кого-то спасала
 От разных убойных идей.
 Теперь под мостом, в катакомбах –
 Судьбою предъявленный счет...

Мост в тысяча триста каком-то,
 Однако, построен еще...

Осень снова ставит в уголке
 Легкий прочерк, незаметный глазу.
 Лист на ветке, будто на руке –
 Светлый перстень бабушкин с топазом.
 Маленькое счастье на плечах.
 Греет без особенных усилий.
 Осень – это ужин при свечах
 До тех пор, пока не погасили.

ПОЭЗИЯ

Виктория Смагина
(Томск)

Банальное

Смотри, простак, заезженный спектакль –
зевают труппа, зрители замшели.
Герой Ионеско, впаянный в пентакль,
теряет смысл и дышит еле-еле,
не видя сути пыльных мелочей,
житейских игр, оплаченных эмоций.
Здесь каждый в одиночестве – ничей,
И каждый в клоунаде не смеется.

Нам личные строчат чистовики
осенними чернилами и жаждой
скупой весны.
Лист рвется из руки,
Цыплячье-желт,
беспомощно бумажен,
когда летит, исписанный на треть,
оборванный строкой с глаголом «были».
Румийский или клинопись? Гореть
всем голосам, сулящим «или-или».

Сквозь пальцы утекает горький сон,
настоянный на вечности сюжета.

Остужен, тонок, звонок, невесом
осенний выдох послесловьем лета.

Речное

Сквозь шум миров течет река времен.
Мутна вода, быстрины, перекаты.
И в каждой капле – отзвуки имен,
блиставших медью, камедью, булатом,

срывававшихся с миндально-сладких уст
колоратурным, ангельским сопрано,
летевших без забот в терновый куст
чтоб петь рассвету, несмотря на раны,

томящихся среди уснувших строк
забытых раритетных фолиантов,
осевших пылью брошенных дорог,
застывших камнем древних целакантов,

упавших геном зарева в зрачки,
ушедших пульсом в сломанном дисплее...

Сквозь отраженья, в капельках реки
твою одну я различить сумею,
по имени чуть слышно позову...

Белое

А за окном таятся кипенные снега.
В каждой снежинке – ангел, холоден,
шестикрыл.
Из незаконных будней в белый мороз сбегать,
Чтоб Гулливером кануть в нетях январских сил.

Свет атакован снегом. Не разглядеть руки.
Не достучаться в небо. Где оно и кому
Белый подстрочник пишут ангелы-мотыльки,
Плаваясь водой на веках в слезное «ни к чему».

Зря колдовские ноты чертит метельный мел,
Если в усталом «мне бы» пепел сгоревших букв.
О беспощадном счастье ангел в ладонях пел...
Зимняя кипень, тая, не согревает рук...

Пологое

Когда не круто, тогда – полого.
Сгорели избы. Свели коня.
...Считая звезды, рисуя бога,
Живет похожая на меня...

Воздушных замков летят руины.
Набухло небо – слепой слизняк.
...Ветра балует и сказки чинит,
Она, похожая на меня...

Охрипли трубы.
Клин выбит клином.
Кружение боли и воронья.
...Поет о солнце над белой глиной
Она, похожая на меня.
Гончарным кругом – обманно плоский,
Смешной и странный земной мирок...

...И улыбнется с ее наброска
Мой молчаливый, усталый бог...

Вот день

Вот день.
Вот свет.
В открытое окно
врывается безумный птичий гомон.
Будильник спит, как часовой в кино
за пять минут до общего подъема.
Томится город, пухом обуян –
проклятье поллиноза с эмчээсом.
Куда ни кинь, во всем сокрыт изъян –
от флоры до онлайнного прогресса.
Копаясь в мелочах, ища азы
глобального в пушинке выше крыши,
чихая на года, проходит жизнь.
Вот свет.
Вот день.
И, слава богу, дышим.

Остывшее

...И бесполезно все придуманное нами
в попытках исцелить потрепанную «лав».
И вроде бы мы есть, и вроде бы не камень,
да только холодней дыханье в зеркалах,
да только холод дней безжалостней и
льдистей,
прозрачней на просвет, звончее вьюжных
флейт,
и жалится, и жжет крылатки¹² лживых истин
о вечности вдвоем в счастливой кабале.
Да что нам кабала, дешевым каббалистам,
ни камбала, ни во¹³... бла-бла... слова хлипки...
...Идем в мышиный квест за чокнутым
флейтистом,
сквозь стылую тоску ведущим вдоль реки...

Простое

Нам бабье лето шепчет о тепле,
Впитавших солнце ярко-желтых листьях –
Они опять кружат. Парад-алле
На городской арене – вниз ли, ввысь ли.
Им все равно, что завтра под дождем
Полягут как один в седые лужи,
И мы по ним, осенние, пройдем,
По направленью к сплину. Но не нужно
Сейчас о грустном. Посмотри, летят
Закладки лета. Пусть слегка простужен
Сентябрьский ветер и оборван сад.
Смотри, как я иду к тебе по лужам
и улыбаюсь...

¹² Крылатка – сухой плод растений.

¹³ «Камбала, не вобла» – цитата из «Человека без лица» Альфреда Бестера.

Дверь

Стояли звери около двери (С)

Тихий зверь из зверей, что скребутся в закрытую дверь,
Так охоч до тепла и ворчання поленьев в камине.

Только в доме царит зимний ветер вчерашних потерь,
Серый пепел июля и август – клубком паутины.

Бродит призрачный смех за продрогшей изнанкой зеркал.
Странный отзвук мелодий таится в сухих половицах –
Танец феи Драже, пропустившей единственный бал.
Бьется эхо былого и сумрак – испуганной птицей.

Не входи, не смотри.
Дом твоих причитаний не ждет –
Мертвый остов корвета на свалке забытых героев.

Просто зверя услышь.
Он ручной и, наверное, кот.
Отыщи теплый дом и того, кто бесстрашно откроет
двери в лето.

Выйти

Смахнуть слезу и тихо выйти вон
ненужным дзанни пожелтевшей пьесы.
В кулисах затхло, муторно. Сезон
окончен пошлым фарсом. Не до песен
стрекозых. За порогом ждет зима,
освистывает город и прохожих,
крадет тепло в зашторенных домах
и сеет зерна холода, итожа
дождливую ноябрьскую прыть
скрипучим снегом, безучастно белым,
как лист творца, уставшего творить,
когда внутри до буквицы сгорело...
Смахнуть слезу и выйти из себя
в объятия зимы...

Игорь Сидоров. Завтрак

Дожди

Дожди не спят, кидая на карниз
полночный бисер,
звонкий и текучий.

И сон нейдет, цепляется за диск
луны больной, укутавшейся в тучи,
взирающей на город свысока
циклических лет на внеземной орбите,

куда бедовый выдумщик макар
не гнал тельцов

с тавром из странных литер,
утраченного ныне языка,
текучего и звонкого.

Дождями
кто говорит в ночи из далека
небесного?

Не мыслью, а ручьями
течет по древу зов лалангамен
и евы слышат...

ПОЭЗИЯ

Валерий Мазманян

(Москва)

Подойдешь к окну босая

Ждем – разбудит гомон грачий
лес и лед замерзших рек,
о метелях белых плачет
только ноздреватый снег.

От зимы осталось долгой –
вздых, неделя до тепла,
месяц – золотой заколкой –
вденет в волосы ветла.

У нагих берез истома,
вместе с ними подожди –
и большой сугроб у дома
ночью расклюют дожди.

Пробежал февраль короткий,
подойдешь к окну босая...
Золотые самородки
солнце в лужицы бросает.

Вчерашний снег – полоской белой

Стоим с тобой на перепутье,
а осень в рубище берез
сшивает серых туч лоскутья
стежками веток вкривь и вкось.

Вчерашний снег – полоской белой,
на ивах мокрое рванье,
тревожат дремлющее небо
и голуби, и воронье.

Немного у судьбы просили,
а жизнь, гадай, как повернет,
и бьется сердцем лист осины,
вмерзая в первый тонкий лед.

И где ему тепло и место,
живое чувствует нутром...
Зима вся в белом, как невеста,
не помнит осень в золотом.

Уходит пора золотая

Уходит пора золотая,
поплачься, себя пожалей,
береза обноски латает
цыганской иголкой дождей.

А клены не прячут нагие
узлы выступающих вен,
и мучает нас ностальгия,
и просит душа перемен.

Ты рядом, к чему торопиться
с утра в суматоху недель,
зонты, словно черные птицы,
куда-то уносят людей.

С намокшей травы не поднимешь
осины цветастый платок...
Что там – за туманами – финиш,
а может быть, новый виток.

Багряным сердцем бьется осиновый листок

Багряным сердцем бьется
осиновый листок,
сосна целует солнце
в оранжевый висок.

Тепло в душе от мысли,
что я в тебя влюблен,
пылают жаром листья –
обжиг ладони клен.

С березой в тихой роще
давным-давно знаком,
поманит жизнь хорошим –
пойдешь и босиком.

Что многое нам поздно –
дождя ночного бред...
А осень льет из бронзы
вспоминанья лет.

А мы, как поздние цветы

У зеркала притихла ты –
морщинки и седая прядь,
а мы, как поздние цветы,
не верим – время увядать.

А в памяти ночной грозы
весенний день и майский гром,
какая осень без слезы,
без сожалений о былом.

И будь ты грешен, будь святой,
за птичьей стаей не взлететь...
И дождь серебряной метлой
метет березовую медь.

Осины красятся румянами

К утру измученный бессонницей
вздохнешь – не тех, наверно, ждал,
трепещет бабочкой-лимонницей
листочек на игле дождя.

Осины красятся румянами,
а тучи набирают вес,
притих укутанный туманами
простуженный осенний лес.

От свиста ветра лужа морщится,
а ты все предаешь суду,
и желтизной больная рощица
неделю мечется в бреду.

Кленовый лист ладонью скрюченной
взъерошил волосы куста...
И кем-то осени поручено
все ставить на свои места.

Время лиловых туманов сирени

Время лиловых туманов сирени,
смеха, улыбок и откровений,
синих ночей и метелей акаций,
время, в котором нельзя нам остаться.

Звезды слетятся к окну мотыльками,
если захочешь, лови их руками,
солнечный день или пасмурный вечер –
радость такой же осталась при встрече.

Пух одуванчиков с бабочкой кружит,
яблони цвет льдинкой плавает в луже,
время – река без истока и устья,
дважды войдешь – не расстанешься с
грустью.

Следом за зноем – шумные грозы,
ангелы трав – голубые стрекозы...
Время, которое ловим мы снами,
знает, что будет по осени с нами.

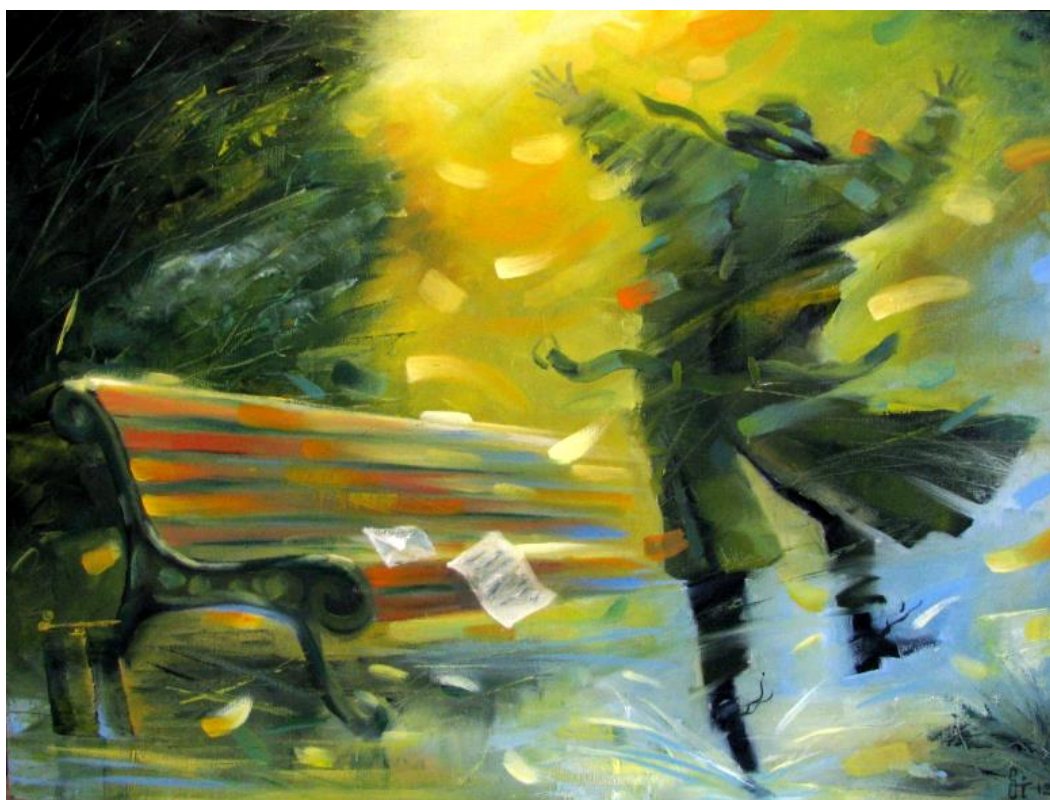
Ветла грустила о былом

Ветла грустила о былом,
дремала темная вода,
метнулась чайка и крылом
разбила зеркало пруда.

Затеял рой стрекоз игру,
и ласточка грозу звала,
и ты шептала – не к добру,
к печали бьются зеркала.

И свет дневной во мгле пропал,
и росчерк птичьего крыла,
петляя, нас с тобой тропа
по судьбам разным развела.

Мы друг от друга далеки...
А там, где встретили весну,
сидят на зорьке рыбаки
и ловят звезды на блесну.

Игорь Сидоров. Секунда счастья

ПОЭЗИЯ

Сергей Балиев

(Ирбит, Свердловская обл.)

Где же, любимая, грезы твои обо мне

Где же, любимая, грезы твои обо мне?
Где же тревога – неужто так сладился мир?
Где ожидание – тенью застывшей в окне?
Слабый кивок, откровения сладостный миг?

Это привычное недоуменье зеркал.
И – в отраженьях – ничто не томит, не знобит.
Не распуститься всем памяткам, всем узелкам.
Что мы забыли? И что постарались забыть?

Гулкий перрон, толчея и огромный вокзал,
где затеряться не стоит большого труда.
Словно тогда не встречал я тебя – провожал.
Словно бы ты провожала меня – навсегда.

Грезы – да что в них? Не будет любви – на заказ.
Лгут зеркала. И извечен мотив-перепев.
На горизонте как будто споткнулся закат,
что-то в прошедшем для нас осветить не успев...

...Вскрикнуть, застыть, разогнаться, нелепо упасть,
вскинуться, вскинуть ладони, и так – на весу
небо держа, горизонтом ступать и ступать,
силясь вернуться – дойти – на восход, на весну...

Аю-Даг

Кто сказал, что не спеть мне уже о тебе, Аю-Даг?
О последнем причале судачат, сулят незачет.
Но взлетает мой ангел веселый: – Серега, айда!
Хватит сиднем сидеть, поднимись над собой – и вперед!

Кто в ответе за прошлые годы, за черный оскал
Доброхотов заштатных, за светлые песни друзей?
Мой хранитель зовет, и тропинка бежит между скал.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

И сгущается день, открывая дорогу грозе.

Песнь моя – непогода! Я вырос по горло в ветрах,
 Нахлебался дождей, задыхался по пояс в снегу.
 Пересилю, взмывая, доселе неведомый страх.
 И оставлю свой вечер, и ужин оставлю врагу.

Ангел мой в окружении молний – как рыба в воде,
 Неуклюже за ним поспешу, полечу на грозу,
 Вновь поняв, что сдаваться нельзя – впереди столько дел!
 ...Южный берег под нами. Две Птицы. И старый Гурзуф...

Кто сказал, что не спеть мне уже о тебе, Аю-Даг?..

Страна дорог

Под радугой вольготно разлеглась
 страна дорог, ушедших в никуда,
 где спрятаны от любопытных глаз
 покинутые всеми города.

Давно пора сердечко подлечить,
 найти в росе начало всех путей.
 Пусть реки запоют, забьют ключи
 в стране даров, загадок и потерь.

Где, заплутав в старинных языках,
 все принимаешь сердцем – не умом,
 шагая от восхода на закат
 и звонким днем, и в сумраке немом.

Где черемша душистей, чем имбирь,
 и трогательней сакуры ветла,
 где согревают снежную Сибирь
 зеленые таежные ветра.

Берега

Берега заповедных рек.
 Тот – в камнях, а тот – песчан.
 Первозданность из века в век.
 И реликтовая печаль.

Реки – стрелы и серпантин –
 то стремниной, то – чуть дыша.
 И сливаются все пути
 из реальности – в чудеса.

Здесь и радость, и злой разбег
 прорываются сквозь туман.
 Справа высится оберег,
 слева стелется талисман!..

Солнце спряталось под фатой
 из серебряных облаков.
 И скользит над водой фантом –
 отпечатком былых веков.

Наважденье? Химера? Жизнь –
 та, что спрятана за спиной?
 Полустертые миражи.
 Строчка в книжице записной...

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Русское ментальное

Карты так легли, так уж выпали –
на пути, на тропы не торные?
Будто реки все волки выпили,
будто травы все – только сорные.

Бездорожие да распутица,
все по швам-стежкам поразъехалось.
Не затянешь нить – вмиг распутится,
не затянешь песнь – поразэхолось!..

Век мой полон лет, да и полон зим.
И к закату льнут зори вешние.
Промелькнули дни – юрким полозом,
пестрой птахою, верткой векшею.

Кто ж вас вытесал, кто ж вас выпилил,
указатели-вехи спорные?
Так уж реки все волки выпили?
Так уж травы все – только сорные?

Дело к финишу – соберись в кулак,
натянись струной – не былинкою!
Это лишь тупик – это не коллапс.
Аль слабо тебе –
по-былинному?

Где ж вы, пращур, где ж вы, витязи?
Разве песнь моя – скуль щенячая?
Подними меня, к свету вытащи,
Русь заветная, боль щемящая!

Помоги, как встарь, хворь повывести,
напоить ручьи, навести мосты,
проторить пути да повымостить,
обрести себя в неделимости.

Там

Там, где речь еще бессвязна,
Жесты и шаги корявы,
Распускаясь дивной вязью,
Обрастает сказка явью;

Там, где вехи неделимы
Пресловутым – до и после,
Где сплелись и хмель, и схи́ма,
Где сошлись разгул и постриг;

Где потоки все на капли
Разбиваются порогом,
Где языческому богу
Я молюсь на углях капищ –

Там, где вехи неделимы,
Где века покрыты снегом,
Где душа неопалима,
Где леса шатают небо –

Кротким отроком я внемлю
Всем преданьям и поверьям.
И врастаю в эту землю,
В эти травы и коренья.

Все ответы да обрящешь
Там, где скрыто все – и зримо.
Там, где мой далекий пращур
тайное откроет имя.

...Там, где мира пуповина.
Там, где горечь – родниками.
Где вода течет под камень.
Где кровинками – малина...

ЗАПИСКИ НА МАНЖЕТЕ

Ольга Рыбакова

(МОССАЛИТ, Москва)

ОБЪЕДИНИТЕЛИ

Социологическая теория шести рукопожатий предполагает, что любые два человека на Земле разделены не более чем пятью уровнями общих знакомых и, соответственно, шестью уровнями связей. Проще говоря, каждый человек опосредованно знаком с любым другим жителем планеты через цепочку общих знакомых, в среднем состоящую из пяти человек.

Правда, погруженные в тему социологи утверждают, что большинство социальных связей возможны благодаря отдельным людям – так называемым объединителям с очень широким кругом знакомств. Грубо говоря, не любой человек «А» связан с любым другим человеком «Б» через шесть приемов, а есть несколько объединителей с огромным количеством контактов, которые через небольшое число рукопожатий связаны между собой и с обычными людьми вроде тех самых «А» и «Б».

Получается, расхожая фраза «мир тесен» – не набивший оскомину штамп, а почти что математически доказанный факт.

Удивительно, что такая «теснота» характерна не только для нашего густонаселенного современного мира, в котором без малого восемь миллиардов человек вплетают свои крохотные электронные почтовые сети во всемирную паутину. В те незапамятные по нынешним меркам времена, когда письма писались *вечными перьями*, пришедшими на смену гусиному перу, справедливость теории шести рукопожатий никто не отменял. Мало того, при ближайшем рассмотрении объединителей в те времена было, похоже, гораздо больше, если говорить о пропорциональном соотношении между их количеством и скромными полутора миллиардами человек, жившими на нашей планете в конце XIX века.

В 70 километрах от Москвы вблизи деревни Лопасни проходила одна из главных почтовых артерий Российской империи. Название деревня получила по имени реки, по берегам которой обустроились те, для кого ямщицкий промысел был делом и смыслом жизни. На правом берегу стояла государева изба, где останавливались гонцы, доставлявшие указы, поручения и письма по почтово-ямщицкому тракту из Москвы в Серпухов и дальше – до Белгорода.

Но во второй половине XIX века железнодорожный транспорт оттеснил ямщиков и почтовые тракты стали вырождаться. Теперь вся заказная корреспонденция, бандероли и телеграммы приходили в Лопасню через уездный город Серпухов, а простые письма поступали на железнодорожную станцию и хранились в специальном шкафу в здании вокзала.

Шкаф на вокзале – не самое удобное место, чтобы забирать корреспонденцию, не говоря уже о проблеме с отправкой ответа. Полноценное почтовое отделение – вот мечта художавого, высокого, чуть сутулого господина в пенсне и с бородкой клинышком, который на тот момент состоял в переписке почти с 400 адресатами и который признавался в одном из писем: «Я думаю, что при покупке имения нужно только, чтобы оно было по карману и хотя бы издали

подходило под привычные жизненные условия, чтобы был кабинет, парк, солнце, почта..., а остальное само приложится».

От усадьбы Мелихово до Лопасни двенадцать верст, но дорога была не в тягость. Антон Павлович Чехов – тот самый господин в пенсне – был одним из организаторов сбора подписей для подачи прошения в Московский почтово-телеграфный округ об открытии в Лопасне почтового отделения, а затем и одним из тех, кто внес добровольное пожертвование на строительство здания земской почты. «С нового года у нас открывается почтовое отделение (Лопасня, Моск. Губ.) с ежедневной выдачей корреспонденции; стало быть, с нового года я начну аккуратно отвечать на письма», – написал Чехов редактору журнала «Нива» А. А. Тихонову 28 декабря 1895 года.

В современном подмосковном городке Чехове, объединившем под своим именем несколько окрестных деревень, недалеко от вокзальной площади в окружении современных

построек сохранился кусочек Лопасни конца XIX века – то самое здание бывшего почтово-телеграфного отделения. В скромном по размерам строении находится музей, состоящий из двух частей: Музей писем А. П. Чехова и Почтово-телеграфное отделение ст. Лопасня. Два зала, две экспозиции. Зал с письмами великого писателя размером с комнату в блочной многоэтажке. Несколько витрин с фотокопиями писем. На самом видном месте на стене за стеклом особенно ярко и даже как-то торжественно подсвечены две четвертушки писчей бумаги – оригинал письма П.И. Чайковскому. Бумага пошла пятнами от времени, чернила местами выцвели, буквы неожиданно мелкие и почерк не самый разборчивый – видимо, врач остается врачом во все времена. Внизу на втором листке дата и знакомая по оформлению обложки собрания сочинений подпись с удлинённой ногой буквы «А» и с «Ч», больше похожей на зеркальную «Г» или на цифру 7.

А. П. Чехов и П. И. Чайковский – яркий пример тех самых объединителей, благодаря которым наш мир стал теснее, вдохновеннее и лучше. Отправитель и адресат, каждый из которых, как центральная звезда планетной системы, удерживал в своем поле множество небесных тел. Только за семь лет мелиховского периода Чехов написал своим четверемстам адресатам более двух тысяч писем (известных и опубликованных). У каждого из получателей была своя адресная сеть, пусть даже и не столь обширная. С такой частотой ячеек в сети не то что шести рукопожатий – четырех будет достаточно для того, чтобы каждый человек был опосредованно знаком с любым другим жителем Земли.

И еще. Какое это чудо – письмо, написанное от руки! Чистый лист бумаги и ручка требовательны и придирчивы: за них нельзя братья между делом, на ходу; им нужны внимание и усидчивость; они отбирают время, мысли и душу; они как рентгеном высвечивают человеческую сущность. Письма могут подарить радость, повергнуть в отчаяние, подтолкнуть к поступку, утешить и облегчить страдания. Жаль, что в наши дни это волшебство исчезло. Жаль, что современной женщине не посчастливится прочитать в конце адресованного ей письма: «Ну, до свиданья, кукуруза души моей. Хамски почтительно целую Вашу коробочку с пудрой и завидую Вашим старым сапогам, которые каждый день видят Вас» (Чехов А. П., Письмо Мизиновой Л. С., 28 июня 1892 г., Мелихово).

ГОРОДСКОЙ АЛЬБОМ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

БАДЕН. ИСТОРИЯ В ФОТОГРАФИЯХ

Фото автора

Вид на Баден

Город Баден – небольшой австрийский курортный город в земле Нижняя Австрия с большой историей. Знаменитым этот городок сделали серные источники, которые широко использовали в лечебных целях еще древние римляне. Во времена императора Клавдия (41–54 г. н. э.) это поселение получило название Aquae, что в переводе означает «купальни». В 869 году оно уже упоминается под именем Падун (Padun), а под названием Баден город известен с 1840 года.

Минеральные источники, которыми город славится до сих пор, имели лечебную силу, так в 1844 году венгерская королева Беатрикс приезжала сюда, чтобы излечиться от бесплодия, хотя это и не увенчалось успехом (Беатрикс так и умерла бездетной).

Как и многие европейские города, Баден подвергался разрушению турками, пережил чуму, неоднократно горел. Расцвет Бадена начинается в XVIII веке, когда император Франц I фактически сделал город своей летней резиденцией. Весь цвет австрийской аристократии съезжался сюда в летний период. В 1812 году после крупного пожара, уничтожившего большую часть города, Баден был практически возведен заново в стиле бидермайер¹⁴.

В Бадене несколько лет жил Людвиг ван Бетховен, именно здесь он написал Девятую симфонию, которая является гимном ЕС. 17 июля 1791 года Вольфганг Амадей Моцарт

¹⁴ Бидермайер (нем. Biedermeier) – художественное течение в немецком и австрийском искусстве, получившее развитие в промежуток времени от окончания Венского конгресса 1815 года до начала буржуазной революции 1848 года. Бидермайер является ответвлением романтизма, пришедшего на смену ампиру, поэтому его иногда называют «смесь ампира с романтизмом». В бидермайере отразились представления «бюргерской», «мещанской» среды и вкусов, формы стиля ампира преобразовывались в духе интимности и домашнего уюта.

Рудольфсхоф

Рудольфсхоф сегодня

написал в Бадене мотет¹⁵ Ave verum corpus¹⁶, впервые прозвучавший в баденском соборе святого Штефана.

2 апреля 1945 года в результате бомбежки были разрушены многие здания, однако город сумел сохранить свое лицо.

С 1945 по 1955 год Баден был штаб-квартирой советских войск в Австрии.

Сегодня Баден является одним из самых значительных водных курортов Австрии благодаря горячими серными источниками. Самый большой источник находится в штольне под Казино. До пандемии в курпарке располагался открытый фонтан, где каждый желающий мог набрать целебной воды. Кроме того, Баден является и «воздушным» курортом.

Центр города. Чумная колонна. 1923 г.

Чумная колонна. 2021

¹⁵ Мотет – вокальное многоголосное произведение полифонического склада, один из центральных жанров в музыке западноевропейского Средневековья и Возрождения.

¹⁶ Ave verum corpus (KV 618) – мотет в тональности ре мажор для четырехголосного смешанного хора, струнных и органа. Это самое известное звучание средневекового гимна Ave verum и, несмотря на его краткость (46 тактов), одно из самых известных произведений Моцарта. Это произведение по праву считается одним из красивейших произведений Моцарта и одним из лучших его церковных сочинений.

Антонсгассе. 1929 г.

Антонсгассе. 2021 г.

В Бадене много интересных достопримечательностей. Так, например, в скульптурной композиции фонтана, расположенного в курпарке, образ Ундины был сделан с Мерседес, дочери предпринимателя Эмиля Еллинека, в честь которой названа известная на весь мир марка автомобилей. Акведук Баден является памятником первому венскому водопроводу, до сих пор питающим Вену горными водами. Руины старых рыцарских замков Рауэнэк и Шарфенэк мрачно нависают над городом. Говорят, там и по сей день можно встретить привидения. А еще в Бадене есть великолепный розарий, где собраны тысячи сортов роз.

Город славится своей богатой культурной жизнью. Здесь есть несколько театров, музеи. Ежегодно проходит международное фотобиеннале: фотографии на специальных стендах вывешивают практически на всех улицах города. Летом в Бадене проходит традиционный

Музыкальный павильон в Курпарке

Павильон сегодня. 1921 г.

Добльхофпарк. Вид на пруд. Начало XX в.

Пруд. 2021 г.

праздник «Баден в белом» (Baden in Weiss), костюмированный праздник-реконструкция прибытия императорской семьи в Баден, который длится два дня. В этот период город словно перемещается на машине времени в имперскую Австро-Венгрию, на улицах легко можно встретить императора Франца Иосифа с императрицей Елизаветой, известной как Сисси, и даже по-свойски с ними побеседовать.

Во время цветения роз в розарии проходит Праздник роз (Rosentage). Один раз в месяц в центре города на площади Йозефсплац работает баденский фломаркт (блошиный рынок), который является скорее огромным антикварным магазином под открытым небом. На Рождество и на Пасху в городе работают традиционные рынки, где можно купить сувениры, попробовать национальную австрийскую кухню, выпить горячего глинтвейна и покататься на каруселях. Летом в курпарке в музыкальном павильоне играет оркестр. Сидя под каштанами, можно наслаждаться музыкой Бетховена, Штрауса, Гайдна.

Парад старых автомобилей, кулинарные фестивали под открытым небом, бассейны с минеральной водой и многочисленные туристические тропы вокруг города – все это ежегодно привлекает в Баден тысячи туристов.

Открытый бассейн. Начало XX в.

Открытый бассейн, наши дни

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Сегодня мы предлагаем вам взглянуть на город через призму времени и сравнить город сегодняшний с тем, которым он был сто лет назад. Сильно ли изменился город? Сильно ли изменились люди?

Баден в начале века XX и Баден в начале века XXI.

Курпарк. Начало XX в.

ПУБЛИЦИСТИКА – ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

*Петр Дубенко
(МОССАЛИТ, Самарская обл.)*

КУДА МЧИТ ЭШЕЛОН СОВРЕМЕННОГО ИСКУССТВА?

Весна 2021 года для русскоязычного книжного мира началась с громкой премьеры – в свет вышла новая книга Гузель Яхиной, которую в обществе литературных критиков принято считать если не безоговорочным лидером, то уж совершенно точно одним из лидеров современной российской литературы. При этом «Эшелон на Самарканд» – так называется новый шедевр лидера – в рамках широкой рекламной кампании позиционировался как «честный исторический роман», ради создания которого автор два с лишним года провел в библиотеках и пыльных архивах, где перелопатил сотни документов и килограммы секретных материалов, недоступных простому смертному.

Однако не успела книга появиться на полках магазинов, как тут же грянул скандал. Самарский историк и краевед Григорий Циденков обвинил Яхину в плагиате. Коротко суть его претензий такова. Начиная с 2015 года Циденков писал сценарий фильма о голоде в Поволжье. Само собой, никому не известный историк прекрасно понимал, что работа его никогда не будет экранизирована, поэтому частями выкладывал сценарий в своем «Живом журнале» (ЖЖ). И вот те, кто читал книгу Яхиной и сценарий Циденкова, утверждают, что совпадений неприлично много, вплоть до кличек беспризорных детей, которые в обоих произведениях занимают особое место.

Судить, насколько справедливы предъявленные обвинения, трудно. Во всяком случае, называть Яхину плагиатором, даже если очень хочется, можно будет только после соответствующего решения суда. Если мы его дождемся. Однако события, которые в дальнейшем развернулись вокруг этого скандала, привели к тому, что тема плагиата отступила на второй план. Дело в том, что, пытаясь оправдаться, Гузель Яхина опубликовала в «Новой газете» большую статью «Я – честный исследователь», где подробно рассказывала о том, как работала с историческим материалом, архивными данными, воспоминаниями очевидцев и т. д. Вот тут-то и всплыло кое-что посильнее «Фауста» Гёте.

Обнаружилось, что Яхина попросту не читала источников, на которые сама ссылается. Приведу два самых ярких примера (на самом деле их гораздо больше). Так, один из эпизодов романа посвящен показательной казни солдат сводного рабочего полка РККА во время боев под Свияжском летом 1918 года. При этом есть пикантная подробность – якобы тела расстрелянных скинули в Волгу и намеренно перемололи винтами катеров. То, что бесчеловечность такого поступка усугубляется его бессмысленностью, автор объясняет тем, что

делали это большевики – а что еще от них ждать? При этом в статье «Новой газеты» и авторских комментариях к роману Яхина утверждает, что это не ее выдумка, а реальное событие, о котором она узнала из мемуаров Л. Троцкого «Моя жизнь» и большевика Гусева «Свияжские дни». Причем для убедительности Яхина даже приводит данные о конкретных изданиях (издательство, год выпуска и пр.), вплоть до номеров страниц, на которых говорится о преступлении большевиков в Свияжке. Разве может после такого читатель сомневаться в правдивости автора? Однако на поверку оказалось, может.

Троцкий и Гусев действительно принимали непосредственное участие в событиях под Свияжском. Однако ни в мемуарах Троцкого, ни в воспоминаниях Гусева о варварском уничтожении тел расстрелянных дезертиров нет ни слова. Зато есть это в «Википедии», статья которой как раз таки и ссылается на те самые мемуары Троцкого и Гусева. Причем в источниках «Википедии» указаны именно те самые издания книг и номера их страниц, на которые ссылается и Яхина. После такого у кого-то еще остаются сомнения, что Яхина, якобы потратив два года на работу с историческим материалом, на самом деле не удосужилась заглянуть дальше «Википедии»?

Пример номер два. Девятого марта 2021 года в рамках рекламной кампании нового романа Яхина давала пресс-конференцию не где-нибудь, а в ТАСС, можно сказать, в главном информационном агентстве страны. Там она тоже очень подробно рассказывала, как кропотливо работала с источниками. Изучала документы, читала мемуары и даже смотрела тематические фильмы, чтобы проникнуться духом эпохи. Станным образом список этих фильмов совпал со списком из ЖЖ того самого историка Циденкова. Причем совпал вплоть до последовательности, в которой эти фильмы перечисляются у него и у Яхиной. И все бы ничего, при желании это можно списать на обычное совпадение, но беда в том, что этих фильмов не существует. К сожалению, по разным причинам они были утрачены. Собственно говоря, именно поэтому Григорий Циденков так тщательно составлял их подборку у себя на сайте, буквально по крупицам отыскивая информацию в специализированной киноведческой литературе. Как настоящий историк он стремился сохранить об утраченных фильмах хотя бы память. Но Гузель Яхина, не зная столь интересной подробности, на голубом глазу заявила, что внимательно просмотрела эти фильмы.

И вот здесь стоит сделать небольшую оговорку. Проблема ведь не в том, что Яхина, как автор художественного произведения, допустила в нем, мягко говоря, неточности. Понятно, что «Эшелон на Самарканд» – это хоть и исторический, но все же роман. А значит, некая доля вымысла в нем абсолютно уместна. И если бы Яхина изначально заявила, что в романе все от начала до конца просто выдумка, призванная подчеркнуть художественный замысел, гипербола, будь она неладна, так и спорить было бы не о чем. Но Яхина настойчиво пытается выдать свой вымысел, не имеющий ничего общего с реальностью, за историческую правду. К тому же продолжает настаивать, даже будучи пойманной за руку на откровенном вранье.

Причина такого поведения – странного на первый взгляд – проста и понятна. Если изначально, еще на этапе предварительной рекламы, честно признаться в том, что роман полностью построен на выдумке и, по сути, представляет собой банальное фэнтези, как в таком случае продвигать его с использованием центрального телевидения и государственных СМИ? О чем говорить, например, на презентации в ТАСС? Или как В. Познер, скажем, должен в своей авторской программе расхваливать досужий домысел, абсолютно оторванный от реальности? Кому это будет интересно? Кто на это клюнет?

И совсем другое дело, если главные журналисты страны, вездесущие звезды и вроде как авторитетные критики (Галина Юзефович, например) с восторженным придыханием расскажут, что роман – это честный, правдивый, документально точный рассказ о нашем прошлом. А если

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

отзывы известных медийных личностей еще и подтвердить солидным списком исторических материалов, которые автор использовал при работе над романом, так и вовсе сомнений не останется даже у самых больших скептиков. Тут уж всем будет понятно, что такую книгу просто обязан прочитать каждый «думающий человек». И значит, продажи будут. Их росту не помешает даже «какой-то заштатный историк-краевед», как пренебрежительно сейчас отзываются коллеги Яхиной о Григории Циденкове. Кто обратит на него внимание, когда за издательством «АСТ» и редакцией Шубиной вся мощь пропаганды, в том числе государственные ресурсы?

Вот поэтому Гузель Яхина, несмотря на все обличения и фактические доказательства ее нечистоплотности, как вещей Олег из песни Высоцкого, продолжает гнуть свою линию, да так, что никто и не пикнет. Хотя я могу допустить мысль, что в душе – где-то очень глубоко – Яхиной даже немного стыдно. Между тем контракт подписан и те, кто должен заработать на новом шедевре, не позволят Яхиной сойти с поезда, даже если она этого захочет. А значит, мы будем смотреть продолжение спектакля. Как говорит на всю страну известный блогер: капитализм, счастье, очень хорошо.

Совпадение или система?

Как известно, если что-то имело место всего один раз, это просто случайность, два раза – совпадение, но три – уже закономерность. И с этой точки зрения нынешний скандал представляет собой именно элемент сложившейся системы. Ведь случай с Яхиной далеко не первый в литературном сообществе современной России. В свое время то же самое вменялось не менее известному автору постсоветского русскоязычного пространства – Михаилу Веллеру.

В 2007 году издательство «АСТ» опубликовало его новый роман «Махно» о жизни и приключениях легендарного атамана времен революции. Произведение это с «Эшелон на Самарканд» роднят два обстоятельства. Во-первых, плохо скрытая идеологическая составляющая. И там и там большевики представлены как кровожадные упыри, бездушные монстры, которые налево и направо творят вселенское зло просто потому, что хотят и могут. Во-вторых, роман Веллера при «продвижении в массы» тоже позиционировался как исключительно правдивая книга с исторической точки зрения. В предисловии автор тоже поведал читателю о напряженной и кропотливой работе с архивным материалом, вновь открывшимися документами и т. д.

Работа эта позволила Веллеру сделать сразу несколько сенсационных открытий о жизни и судьбе Нестора Махно. Так, например, оказывается, он был красным комдивом, возглавлял штурм крымского Перекопа, имел орден Красного Знамени и лично встречался с Лениным. Причем все это М. Веллер узнал из «Большой советской энциклопедии». Правда, не обычного издания, а старого, еще сталинского. «Издание третье, темно-синее, пятьдесят четыре тома с дополнительными, выходило в первую половину пятидесятых». (М. Веллер. Махно. М.: АСТ, 2007. — 304 с., стр. 3).

Позднее, со слов Веллера, столь неудобную информацию исключили из новых изданий БСЭ, но любители правды могут отыскать ее в старинных фолиантах, которые каким-то чудом не были уничтожены. И, опять-таки на проверку, в том самом синем издании БСЭ 1954 года нет статьи «Махно» (она как раз таки появится в более поздних вариантах), а статья «Махновщина» не содержит ничего из того, что утверждает Веллер.

Так же, как Яхина с мемуарами Троцкого и просмотром несуществующих фильмов, Веллер попался на том, что в глаза не видел источников, на которые ссылается в списке

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

литературы, приведенном в конце книги. Так, очень известную книгу «Нестор Иванович Махно. Воспоминания, материалы и документы» (Киев, 1991) Веллер обозначил как мемуары самого Махно. Хотя все, кто интересуется данной темой, знают, что это собрание архивных документов и воспоминаний современников атамана. Понятное дело, если бы Веллер читал этот источник хотя бы поверхностно, такого ляпа он бы не допустил. В остальном же список литературы «от Веллера» на две трети состоит из редких и практически недоступных зарубежных изданий 20-х годов, хотя те же самые труды позднее были переведены на русский и переизданы в России большими тиражами. Но Веллер почему-то предпочел использовать книги на иностранном языке. Возможно, потому что в них сохранилась неудобная правда, которую в советских изданиях вымарали. А может, просто потому, что при ссылке на такой источник будет трудней поймать на лжи.

На плагиате попался и другой мэтр современной исторической литературы. Так, в 2005 году малоизвестный автор Елена Чудинова отправила в издательство «АСТ» (да-да, опять «АСТ») рукопись романа «Ларец», но ответа так и не получила. А через пару лет узнала свое сильно переделанное творение в романе «Девятый Спас» довольно популярного на тот момент автора авантюрной прозы Анатолия Брусникина.

Разгорелся скандал, и хотя до суда дело не дошло и официально Анатолия Брусникина так и не признали плагиатором, все же «Девятый Спас» стал для него последней опубликованной книгой. Как говорится, ложечки нашлись, но неприятный осадочек в душе все-таки остался. Автор, подающий большие надежды, исчез с литературного горизонта, а его место тут же заняла восходящая звезда авантюрно-исторической прозы Борис Акунин. И только много лет спустя выяснилось, что Григорий Чхартишвили, Борис Акунин и Анатолий Брусникин – одно и то же лицо. К тому времени скандал с плагиатом, конечно же, забылся, затерся в плотном информационном потоке современной жизни. И теперь господин Чхартишвили из Лондона поучает нерадивых россиян, как нужно жить не по лжи.

Не отстают от писателей и киноделы. Так, один из самых успешных в финансовом плане фильмов современного российского кинематографа «Движение вверх» о победе советских баскетболистов над сборной США в финале олимпийского турнира при внимательном рассмотрении оказался практически калькой с голливудского фильма 2004 года «Чудо на льду», который рассказывает о победе американских хоккеистов над сборной СССР на олимпиаде 1980-го в Лейк-Плэсиде.

И все перечисленное нельзя назвать исключением. При внимательном рассмотрении почти вся та часть современного российского искусства, которое поддерживается на государственном уровне, либо построена на плагиате, либо абсолютно вторична с точки зрения творческих идей. Чем это вызвано? Отсутствием талантов? Но я бы не рискнул назвать бесталанным Никиту Михалкова, компания которого причастна к созданию «Движения вверх». Причина гораздо глубже и «кореннее», если позволите такое слово. Просто сама система финансирования искусства сложилась таким образом, что поощряет авторов не к чистому творчеству, и даже не к заработку за счет него, что само по себе совсем не зазорно, а к освоению выделенных бюджетов. И полученный на выходе результат в этом процессе совершенно не важен. А это требует иного подхода к созданию «творческого продукта», когда вопрос его качества отходит даже не на второй план, вперед пропуская вопросы грамотной рекламы.

Это приводит к тому, что между творцом и «потребителем» его творчества выстраивается особая система отношений, в рамках которой становится совершенно не важно, что именно представляет собой само произведение. Главное, как оно продвигается, позиционируется. Современные «элитные» творцы очень хорошо усвоили, что за счет грамотно построенной

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

рекламы можно продать все, что угодно, тогда как без рекламной поддержки не получится продать даже самое гениальное. А раз так, то зачем же тратить силы, время и ресурсы на создание по-настоящему качественных произведений, поиск новаторских идей и прочую чепуху, которой занимались творческие люди прошедшей эпохи? Гораздо правильнее, эффективнее вложить те же усилия в продвижение своего творения, шумихи вокруг него. И тогда оно обязательно станет шедевром, бестселлером, блокбастером, да чем захотите, и ее сущностные характеристики при этом не будут иметь никакого значения. Новая книга Гузель Яхиной «Эшелон на Самарканд» являет собой очень яркий пример стандартного продукта этой системы. К сожалению, пока на горизонте не видно факторов, которые могли бы что-то изменить. И значит, условные Яхины напишут еще не один условный «Эшелон на Самарканд».

Игорь Сидоров. Птицелов

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Евгений Скоблов
(Москва)

КОЛЛЕКЦИОНЕР БУДУЩЕГО

В младших классах мне очень хотелось быть примерным и хорошим мальчиком. Мне кажется, я честно старался, но у меня, мягко говоря, это не всегда получалось. И взрослые в один голос повторяли, что если я не буду слушаться старших и плохо учиться, то вырасту лоботрясом. Но мы, мальчишки, устроены так, что, подрастая, часто берем пример не с самых лучших, а иногда с очень нехороших наших сверстников и ребят чуть постарше. По неопытности я думал, что нагрубить учителю – это круто, прогулять день занятий – клево, а выкурить сигарету за углом – вообще по-взрослому. Но так складывалось, что почти за все ошибки, меня, как правило, сразу и строго наказывали. И хуже всего было то, что мне бывало очень стыдно за свои проделки... Стыд – это, знаете ли, такое чувство, что иногда думаешь, уж лучше бы получить по зубам... Честное слово!

Однажды в шестом классе нас с другом поймали за игрой в орлянку, и отвели в детскую комнату милиции. Был большой скандал, родителей вызывали к директору школы, а нас чуть не исключили из пионеров. После соответствующих воспитательных мероприятий в школе и дома я со слезами на глазах дал на семейном совете «торжественное обещание быть хорошим». После этого я если не стал отличником учебы и поведения, то старался, в общем, вести себя прилично и не получать плохих отметок. Также в воспитательных целях меня записали в художественную самодеятельность, и я в составе ансамбля танцевал народные танцы на летних детских площадках. А еще меня приняли в школьный Клуб интернациональной дружбы, где мы проводили акции протеста против войны во Вьетнаме, собирали и отправляли посылки голодающим детям Африки...

И раньше, и особенно после исторического привода в милицию у меня, как и у моих друзей, было много, как говорят, нормальных увлечений, которые поощряют взрослые и всячески им содействуют. Главное место в разное время занимали почтовые марки, книги и кино. Немного позже – популярная музыка, фотография и кое-что еще. Кто знает, очень может быть, мои увлечения сыграли не последнюю роль в том, что я больше не попадал в детские комнаты милиции... да и взрослые тоже.

Мы становились старше, появлялись новые интересы. Увлечения с возрастом тоже менялись, старые уступали место новым в зависимости от веяний молодежной моды. А вот куда подевались те, что стали нам не нужны? Куда пропали наши маленькие друзья? Модели автомобилей и самолетов, оловянные солдатики, значки, почтовые марки, детские книжки... «Забойная» мелодия, переписанная у друга на катушечный магнитофон и растворившаяся во времени, не оставив ни названия, ни исполнителя. Фильм, который хотел посмотреть, но не удалось, а потом, сколько ни пытался его найти, никак не получалось...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Уже будучи взрослым, я часто думал об этом, и мне иногда представлялось, что предметы, составлявшие наши увлечения и приносившие радость в детстве, имели очень тонкую чувствительность, порожденную нашим воображением. И как только наш интерес к ним угасал, они куда-то девались, терялись, в общем, исчезали. Папа мне всегда говорил: «Как ты относишься к вещам, так и вещи будут относиться к тебе...»

Но наша память – явление уникальное. Поэтому, когда мы вспоминаем о детстве и юности, невольно припоминаются и эти спутники нашего далекого и светлого прошлого. Ведь если вдуматься, то и они тоже (как, например, старые фотографии) способствуют сохранению нашей памяти о минувшем. Эти вещественные и духовные составляющие культуры нашего личного прошлого, словно маленькие камешки мощного фундамента, на котором установилось, окрепло и возмужало наше «я».

Не могу точно сказать, когда это началось, но в один прекрасный день у меня возникло непреодолимое желание вспомнить о своих увлечениях и вещах, что были со мной в далекие теперь уже времена. Сначала вспомнить, а затем, может быть, разыскать и вернуть хоть что-нибудь... Нет, конечно, о возвращении оригиналов речи быть не может – все они если и существуют, то в разных мирах и в разных временах, там, куда попасть невозможно. Но попытаться восстановить точные копии – вполне реально, надо только очень захотеть...

ОТЛИЧНЫЙ ПОВАР

Моя бабушка из города Ростова-на-Дону во время Великой Отечественной войны была поваром. И, насколько я понял из рассказов мамы, она была очень хорошим поваром, потому что готовила очень вкусные блюда для солдат и офицеров действующей армии. Детали и подробности героического прошлого моей бабушки мне неизвестны, потому что, когда мне пытались рассказывать об этом, меня еще, к сожалению, интересовали совсем другие вещи, посему слушал я невнимательно и, конечно, ничего не запомнил.

Однажды, когда мы очередной раз гостили у бабушки, я кое-что отыскал в старом комод. Это был наградной значок, какие во время войны вручали отличившимся бойцам Красной армии. Я говорил о том, что бабушка была очень хорошим поваром, и мог подтвердить это на основе собственных впечатлений от бабушкиного кулинарного мастерства. А теперь я узнал, что она не просто хороший, а отличный повар. Потому что военный значок, который я обнаружил в комод среди других очень старых вещей, назывался «Отличный повар» и принадлежал он именно бабушке. Ящик комода пропах стариной, и я запомнил этот запах, и этот комод, и даже этот день.

Я держал в руках старинную вещицу в виде древнерусского щита с потемневшим бронзовым изображением серпа и молота в красной окружности по центру и надписью «Отличный повар» по кругу. Еще там была маленькая нашлепка в виде полевой кухни в самом низу щита. Тогда я не знал, что этот знак-жетон появился в 1943 году среди многих других таких же, соответствовавших различным воинским специальностям: «Отличный связист», «Отличный артиллерист», «Отличный пулеметчик»...

Разумеется, бабушка мне его подарила, и он с множеством очень нужных и интересных подарков уехал со мной. Как оказалось, в *очень большое путешествие во времени*. Но первоначально совместное путешествие оказалось до обидного коротким. Потому что на пути моего движения появился мальчик по имени Валера, которому наградной знак моей бабушки оказался гораздо нужнее, чем мне самому.

Значок «Отличный повар»

Валера, один из ребят с нашего двора, едва увидев значок, тут же проникся большим желанием им обладать. Он чуть ли не выхватил у меня его из рук, стал вертеть туда и сюда, откручивать закрутку, цмокать губами и цокать языком.

К делу он приступил немедленно. А чего тянуть резину-то? Сначала он стал просто выпрашивать «Отличного повара». Не просить, а выпрашивать: кланчить, скулить и нудить, таскаясь за мной по двору. Он брел чуть сзади и приговаривал, что этот значок ему очень-очень нужен, что он собирает коллекцию именно таких значков, что как раз не хватает именно этого, что лично мне он совсем не нужен, и все в этом духе.

Я никак не хотел отдавать значок, что-то глубоко внутри противилось этому, хотя, в сущности, я был добрым и безотказным мальчиком и мне доставляло удовольствие, если я мог чем-нибудь порадовать своих приятелей. Впоследствии эту черту моего характера подмечали некоторые друзья-товарищи (или те, кто называл себя таковыми) по жизни и умело, ею пользовались. А некоторые из них даже нагло и беззастенчиво, но это происходило уже в зрелые годы и продолжалось до тех пор, пока я не перестал совершать бескорыстные поступки и делать добрые дела для всех подряд и не начал разбираться, кому действительно необходима моя помощь.

«Отличный повар» не хотел уходить от меня, я это чувствовал, ощущая в ладони тепло тяжелого металлического значка-жетона. Ведь это был подарок бабушки, чтобы я всегда о ней помнил, помнил комод в маленькой спальне, запах старины и косые лучи заходящего солнца в маленьком окошке. Но, как настоящий советский пионер, Валерка был очень настойчив. Сейчас бы я это определил как «неприлично настойчив». Видимо, он поставил перед собой цель и решил «бороться и искать, найти и не сдаваться»...

В то время большинство мальчишек было увлечено выплавкой из свинца разных штук-фигурок-безделушек. Занятие, в общем, небезопасное, поскольку было связано с разведением огня где попало, разбором старых автомобильных аккумуляторов в целях добычи «сырья» и собственно парами, которые приходилось вдыхать, когда свинец расплавлялся в консервных банках. Самой собой, всех этих опасностей мы не замечали. И всю были увлечены изготовлением всяких якорьков-крестиков, мордочек-скелетиков, а также грузил для донок различных форм и конфигураций.

Как-то Валера раздобыл парочку игральных шашек из очень прочного материала с правильной формы округлым углублением с обратной стороны. А внутри углубления было выдавлено изображение льва – отличная форма для заливки! Когда мы залили свинец в одну из шашек, то получили совершенно круглую, тяжелую и толстенькую монетку с четким изображением льва в самом центре, очень похожую на настоящую монету! Отбросив в сторону все остальные заготовки, мы вплотную занялись изготовлением «луидоров», так мы назвали нашу новую валюту. Несколько монеток досталось мне, все остальные забрали себе Валера и его младший брат Виталик. Мы были очень довольны своей выдумкой, хотя во дворе наши монеты больше никого не заинтересовали. Мы же нашли им применение: «луидоры» служили ставками при игре в подкидного дурака, лото и домино.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

А однажды, когда я проиграл все, что у меня было (около тридцати свинцовых львов), Валера предложил мне обмен. Он дает мне пятьдесят, нет, сто «луидоров», а я отдаю ему «Отличного повара». По его мнению, для меня это было очень выгодно, он так и сказал. И еще добавил в виде шутки, что сам он вполне может считаться «отличным поваром», потому как свинец надо сначала «сварить», а потом и приготовить из него «деньги». Честно говоря, я очень устал от Валеры, от его суеты, нахрапистости и уговоров.

И я отдал ему бабушкин значок.

Я очень пожалел об этом сразу же после того, как он выхватил у меня из рук «Отличного повара» и исчез вместе с ним. Чувство досады и обиды на себя за безволие никуда не делось до сих пор. Хорошо, что память нельзя ни подарить, ни продать, ни обменять, хотя бы даже за сто миллионов свинцовых «луидоров». Но тогда обмен состоялся, он отсчитал сто монет, наши пути разошлись, и дружба на этом закончилась.

Я иногда думаю о том, что тяжело дружить с людьми, которым кроме самой дружбы от тебя постоянно что-нибудь нужно.

Но все же «Отличный повар» остался со мной, потому что через одну вечность наступил один день, когда он вернулся. Это был не тот самый знак отличия, с которым я так печально расстался сорок с лишним лет назад. В новом тысячелетии наша встреча состоялась на «Вернисаже», где мы частенько бываем с женой. Когда пришла пора, «Отличный повар» был первым из вещей, которые я терял в жизни и теперь хотел бы вернуть.

На «Вернисаже» много предметов материальной культуры прошлого, ожидающих своих хозяев, и если вы захотите вернуть что-нибудь из своего детства, то вам именно туда. Первый уровень блошиного рынка в основном для иностранцев – матрешки-самовары-лубок, а вот второй и третий уровни для коллекционеров прошлого. В тот день я без труда отыскал человека, который продавал такой и еще много других «отличников»: стрелков, минометчиков, минеров, понтонеров... «Отличный повар» достался мне недорого, и продавец был бы очень удивлен, если бы знал, что я был готов заплатить гораздо больше. Теперь значок лежит у меня на рабочем столе, я смотрю на него, иногда беру в руки и снова оказываюсь в маленькой комнатке с косыми лучами заходящего солнца в маленьком оконце и старым комодом. Чем не путешествие во времени?

В судьбе моего «отличника», а точнее его возвращенной копии, мог поучаствовать еще один человек. Мой приятель по последнему месту работы, коллекционер – нумизмат и фалерист, очень интересующийся в том числе и наградными знаками времен Великой Отечественной войны. Он-то мне и поведал, когда я рассказал ему о знаке и историю с ним связанную, что на «Вернисаже» за такую цену я приобрел не подлинный знак-жетон, образца 1943 года, а современный новодел, специально изготавливаемый в больших количествах для продажи иностранцам. Скорее всего, Сергей Викторович был прав, ведь он не просто «погулять вышел», он – настоящий коллекционер, а такие люди, как известно, знают точную цену всем редким старинным вещам, в особенности когда речь заходит о значках «Отличный повар» выпуска 1943 года. Он между прочим и как-то отстраненно предложил мне принести значок, чтобы он «глянул» на него и вынес окончательное определение. Определение знатока-специалиста.

Спорить с Сергеем Викторовичем я не стал, но и значок не принес. Мне хватило одного коллекционера, который ко всем прочим достоинствам умел отливать деньги из свинца. Я вдруг подумал, что у Сергея Викторовича тоже ведь может вдруг оказаться случайно сотня-другая каких-нибудь лишних монет или что-нибудь в этом роде. Ну и... еще раз отдавать в чужие руки память о бабушке, а теперь уже и свою собственную, я не пожалел. Я лишь сказал Сергею Викторовичу, что значок приобретался не для коллекции, не по признаку подлинности

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

или каталожной нумизматической оценке. Просто такой у меня когда-то был и по моей вине ушел. Сейчас я его вернул, чем в определенном смысле искупил свою ошибку перед памятью о бабушке, перед своим временем, перед собой, наконец. В общем, опытный фалерист мог поучаствовать, но не срослось, я этого не допустил. Слава богу.

Я думаю, что надо стараться не впускать в свой мир посторонних. Я знаю, что это очень трудно, вон сколько посторонних окружают нас везде – в школе, в институте, на работе, среди вроде бы друзей-приятелей, в Интернете, но надо постараться минимизировать их участие. Они засоряют память, вносят сумятицу в мысли дурацкими советами, пустой информацией и собственными взглядами на жизнь. И, между прочим, могут легко отобрать (выпросить, выменять) что-нибудь очень для вас важное, ценное и значимое. Что-то, что порой может быть очень важной составной частью нашей памяти.

Ну а если такое вдруг случится, следует приложить все силы, чтобы постараться вернуть утраченное.

Даже если на это потребуются сорок лет.

Игорь Сидоров. Дама и рама

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Елена Долгих

(Южно-Сахалинск)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Странные облака

Облака, что простыни,
Сохнут в небесах,
Уголками острыми
Рвут их паруса,
Плачут белохвостые
Каплями дождей,
Были пышно-толстыми,
Стали вмиг худей.
Задаюсь вопросами:
Почему и как
Выпадают росами
Утром облака?
А ещё туманами
Льются свысока...
До чего же странные
Эти облака!

Умный ветер

Шёл я грустный одинокий,
Настроенье на нуле –
Я не выучил уроки,
Умножение в том числе.
Где-то птицы щебетали,
Солнце грело небосвод,
И звенел ручей-хрусталик,
Собирая капли нот.
«Дважды два, – шепнул мне ветер, –
Это будет два плюс два!»
Я подумал и ответил:

«О, ты просто голова!!
Точно! Дважды два – четыре!
Трижды два – конечно, шесть!
Цифры есть повсюду в мире,
Их количество не счесть:
Трижды три – синиц на ветке,
Дважды семь – ступени вверх,
Дважды раз – вороны редки,
Дважды десять – в классе смех!»
Десять баллов настроенье –
Получил я дважды пять,
Мы таблицу умноженья
Будем с ветром повторять!

Рыжий кот

Рыжий кот хвостом спиральным
Теплый ветер развернул,
В голубой небесной спальне
Раздавался долгий гул.
Кот мурчал и кувыркался
На перине облаков,
А на землю опускался
Дождь из рыжих мотыльков –
Дождь цветения и роста
Плыл на землю с высоты,
Чтобы счастья было вдосталь,
Чтоб зимы исчезла стынь!

Где растут облака?

Где растут облака?
 Что на завтрак едят?
 Водяного быка?
 Водопадных телят?
 А возможно они
 Только пьют по утрам?
 Океанских чернил
 Да с росой пополам...
 Да с тумана болот
 Или сонной реки
 Ветер к ним принесет
 Влажных роз лепестки...
 Где растут облака?
 Мне шепнул угомон:
 «На ресницах цветка,
 Посреди ярких крон,
 На лугах сентября,
 На крылах лебедей,
 А ещё, говорят,
 На ладонях людей!»
 Я слегка удивлён,
 Я на небо смотрю:
 Облаков белый склон
 Я сейчас сотворю!
 Две ладошки раскрыл,
 Бросил радугу вверх,
 В небосклоне поплыл
 Удивительный зверь,
 А за ним две лисы,
 Толстый заяц и лев,
 Рядом гончие псы,
 Пара тающих дев...
 Знаю точно теперь,
 Что растут облака,
 Где фантазии дверь
 Распахнула рука!

Солнце, жёлтая корова

Небо – синее раздолье,
 Где барашки-облака
 Разбрелись, как будто в поле,
 Греют пухлые бока.
 К небу взор весной прикован –
 Ах, какая благодать!
 Солнце, жёлтая корова,
 Дольше стала там гулять.
 Целый день по небосводу
 Не спеша она бредёт,
 Молоко несёт народу,
 Золотистое, что мёд.
 Мёд лучей, весны обнова,
 Из лазоревых высот
 Солнце, жёлтая корова,
 Не жалея людям льёт!

Капризный ветер

Рассердились ёлки:
 – Ветер треплет чёлки!
 Рвёт он сарафаны
 У берёзок рьяно,
 А кусту-парнишке
 Уничтожил стрижку,
 У осинок хмуро
 Выдрал шевелюру,
 Вычесал на славу
 Старую дубраву.

Осень ветру погрозит:
 – Неприятен твой визит!
 Ты устроил здесь скандал,
 Мой испортил карнавал.
 Стань спокойным и прилежным
 Или спрячу под валежник!
 Нрав капризный ты умерь,
 Потихоньку дуй теперь.
 Ветер понял в тот же миг,
 Успокоился, притих.
 Сразу стало веселее
 На опушках и аллеях,
 Радостно затанцевал
 Разноцветный карнавал!

Огородный постовой

В огороде, утром рано,
 Земляника так свежа!
 Летний дождь внезапно грянул,
 С громом резво побежал,
 И намочла бы девчонка
 Вместе с Васью-котом,
 Но шепнул ей потихоньку
 Кто-то рядом: «Босиком
 По земле скользить, по грязи?
 Переждите мокроту!
 Дождик был со мной на связи,
 Долго лить невмоготу.
 Убежит, растает тучка,
 Солнце выглянет опять.
 А пока благополучно
 Я смогу вас укрывать!»
 Кто шепнул? Вполне понятно,
 Огородный постовой!
 Было Пугалу приятно
 Одолжить костюмчик свой.
 Дождь промчался быстрой рыбой,
 Сгинул в речке, у моста.
 Слышит Пугало: «Спасибо!
 За меня и за кота!»
 Хитро щурилась девчонка,
 Кот мурчал, как заводной,
 И в ответ скрипел им звонко
 Огородный постовой!

Дырки в сыре – это смак!

Маме Мышке сын Мышак
 Доложил, что в сыре брак –
 Хоть на вид и запах сладок,
 Дырки всюду. Непорядок!
 «Глупый! – мама отвечала. –
 Сыр совсем не то, что сало!
 Дырки в сыре – это знак,
 Что кусочек просто смак!»

Светофор заболел

На шоссе большой затор –
 Болен дядя Светофор,
 Он моргает жёлто-красным –
 Значит, двигаться опасно!
 И машины – сотни в ряд! –
 Оглушительно гудят.
 – Что ж, – сказал тогда механик,
 – Светофор серьезно ранен!
 Надо вызвать программиста,
 Чтоб навёл порядок быстро.
 К ним на синем вертолете
 Прилетела доктор-тетя.
 Свой компьютер подключила
 И программу подлечила!
 Тут же дядя Светофор
 Устранил большой затор.
 Красный, жёлтый и зелёный
 Замигали оживлённо,
 Каждый в точно нужный миг,
 Как народ к тому привык.

Колыбельная для барашка

Сено душистое ноздри щекочет,
 Сладко барашек сопит,
 Мама читает стихи, спит сыночек,
 Сказки над ним, словно щит.
 Баю-бай-бай, спи, засыпай!

Светят фонарики, крутятся мушки,
 Говор течет ручейком,
 Пахнут во сне из ромашек ватрушки
 С клеверным желтым медком.
 Баю-бай-бай, спи, засыпай!

Сказка закончилась, мама-овечка
 Тихо целует сына,
 Небушко лунное в мелких колечках –
 Спят высоко облака.
 Баю-бай-бай, спи, засыпай!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Татьяна Алексеева
(Королёв)

СТИХИ для ДЕТЕЙ

Я ворона

Узнаёте? Я ворона –
Очень вредная на вид.
Кто меня захочет тронуть –
Далеко не убежит.

С воробьями, голубями
Не гуляю, не дружу.
И с дворовыми котами
Дружбу тоже не вожу.

Я устроилась на ветке,
Наблюдаю свысока.
Как бы мне стащить конфетку
У ребят исподтишка?!

Эй вы, тёпы да растрёпы!
Посмотрите! Вот же я!
Хватит вам конфетки лопать.
Уроните для меня.

Подберу добычу ловко,
Раскрошу и поклюю.
И совсем я не воровка,
Просто сладкое люблю.

Хочу летать

Я не птица, не умею
В небе весело кружить.
Подскажите мне скорее,
Где же крылышки купить?

Полечу я выше, выше
И увижу вдруг внизу
Маму, бабушку, и крышу,
И рогатую козу.

Буду в небе кувыркаться,
В салки с птицами играть,
И на облаке кататься,
Сверху ножками болтать.

А когда настанет вечер,
Заскучаю и вернусь,
К маме с бабушкой навстречу
Я помчусь, помчусь, помчусь.

Тёма и тень

Лето, солнце, яркий день.
Рядом с Тёмой бродит тень.

Тень балуется, играет,
К пяткам сзади прилипает,
А потом наоборот
Перед Тёмой ползёт.

Тень короче, тень длиннее,
Так играть забавно с нею.
От неё не убежать –
Следом тянется опять.

В тучах скрылся яркий день,
Вот и всё – пропала тень.

Московский BAZAR, № 1 (31) 2020 г.

Семь воробьёв и песня

Семь воробьёв на ветке
Решали, как им быть?
Как песенку о лете
По нотам сочинить?

Распределили роли,
Кто «фа», кто «соль», кто «си»,
И стали во всё горло
Чирикать-голосить.

Не слушают друг дружку,
Кто в лес, кто по дрова.
Проснулась на опушке
Премудрая сова:

– Ну что вы голосите?
Не слышу песни я.
Вы лучше расспросите
Про ноты соловья.

Ведь он певец отменный,
Каких не видел свет,
И вам он непременно
Хороший даст совет.

Но мудрого совета
Не слышат воробьи,
Чирикают о лете
Без всяких нот они.

Боровик

Опускаюсь на колени
Перед этим господином,
Под разлапистую елью
Оставляю я корзину.

Предо мной, росой умытый,
Хвойной россыпью покрытый,
Неожиданно возник
Благородный боровик.

Поражает видом важным,
Шляпой бархатной богатой,
Ножкой крепкою и влажной
Этот царь в лесной палате.

Я его тихонько срежу,
Полюбуюсь, подержу,
Аромат вдыхая свежий,
И в корзину положу.

В ней грибов хороших много,
Вкусным будет мой обед...
Но красивого такого
Среди них, конечно, нет.

Лето

Я лежу на спине,
Облака считаю.
Хорошо сегодня мне,
Просто отдыхаю.
А ромашковый ковёр
Всё жужжит шмелями,
И бежит за косогор
Речка с карасями.

Я травинку жую,
Щурюсь, улыбаюсь.
Всё мурлычу, всё пою,
Жизнью наслаждаюсь.
Окунулся с головой
В это море света.
Мне так весело с тобой,
Лето, лето, лето!
Трам-пам-пам! Тра-ля-ля!
Целых два куплета
Сочинил сегодня я.
Обожаю лето!

Песочница

Сколько разных вкусов в этом магазине,
И они красуются рядом на витрине:
Куличи, салатки, вафли и печенье.
Ах, какие славные! Просто загляденье!

Ждёт здесь покупателей множество товаров,
Продавцы довольные отдают задаром.
Вместо денег – камушки. Сколько? Посчитайте.
Подходите, пробуйте, только не зевайте.

И кипит в песочнице целый день работа,
И пекутся блинчики, варятся компоты.
Накормили досыта. Вот спасибо вам!
Вот спасибо маленьким нашим продавцам!

Джугангай

Джугангай, Джугангай.
Кто же это? Угадай!
Не имеет ног и рук,
Потому что он – паук.

Но зато есть восемь лапок,
Очень цепких и мохнатых.
На шкафу под потолком
Паучок построил дом.

Он хороший мой знакомый,
И, когда один я дома,
И бывает страшно мне,
Он сползает по стене.

Забирается сначала
На кровать, на одеяло.
Смотрит, смотрит на меня:
– Здравствуй, Тёма, вот и я!

Не грусти – теперь нас двое,
Посижу чуть-чуть с тобою.
Я киваю и смеюсь,
И нисколько не боюсь.

Весёлые нотки

Нотки-подружки жили в рояле,
Много шалили, в прятки играли.
Старый рояль им проделки прощал,
По-стариковски беззлобно ворчал.

Так озорницы разбаловались,
Что позабыли, как назывались.
Кто из них «фа, кто тут «соль», кто тут «ля»?
Музыка где тут? – Одни тру-ля-ля.

Клавиши грустно, глухо стучали,
Нотки притихли и заскучали.
Вот до чего баловство довело –
Вызвать настройщика время пришло.

Мастер-настройщик взялся за дело,
Крышку рояля поднял умело,
Внутрь заглянул, покрутил что-то там,
Ноты расставил по прежним местам.

Пальцы легонько клавиш коснулись,
Те встрепенулись, сразу очнулись.
Музыкой снова наполнился дом,
Солнечным светом, любовью, добром.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королев)

ГОЛЛАНДИЯ

Часть 2. Амстердам – столица Голландии

Поехали!

В семь утра мы с Диреком отбываем в Амстердам. В восемь ему нужно быть на работе. Обычно он выезжает из дома в семь тридцать, но сегодня ему предстоит быть гидом и мы выезжаем на полчаса раньше. Дирек знакомит нас с мелькающими за окном достопримечательностями и рассказывает историю возникновения чудных живописных мест, созданных руками голландцев из песчаной и болотистой местности много веков назад.

Амстердам

Амстердам был основан в 1275 году как рыбацкое поселение, но облик, многие черты которого сохранены до сих пор, приобретен в XVII веке. Для Голландии это золотой век, когда Амстердам был одним из богатейших городов мира. Тогда и были построены каналы, полукругом опоясывающие старый центр города, а позже добавлялись каналы, как паутинки вдоль и поперек пересекающие Амстердам.

С ветерком на «опеле» по автобану под оживленные реплики улыбчивого гида Дирека мы как-то незаметно влились в потоке на улицы Амстердама. Кстати, официальный язык Голландии – нидерландский. Этот язык очень схож с английским и имеет немецкую грамматику. Дирек говорит еще на итальянском и французском языках.

Я, с посредственным знанием немецкого, иногда улавливаю смысл речи, а Дирек пытается говорить с нами на голландско-немецко-русском.... Это (и до сих пор) звучит весьма забавно.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Вот и первый мост через канал. Значит, мы почти в центре Амстердама. Более полусотни каналов прорезают город и через них перекинута более 500 мостов. А всего в Амстердаме более 1200 мостов. Сразу хочу подчеркнуть: в ночном городе все мосты освещаются крошечными огоньками, что придает им неопишимо сказочный вид! Посещая не единожды этот город, постоянно ловлю себя на мысли, что наши туристы, предпочитающие ехать в Венецию для того, чтобы прокатиться по каналам, много теряют. Амстердам, как и Венеция, – город каналов, но каналов без тошнотворного «аромата» фекалий.

Приезжающие в Амстердам неминуемо попадают на Центральный железнодорожный вокзал (Centraal Station). Слева, при въезде в

город, хорошо видно его здание в виде высокого серого замка в стиле неоренессанса. Если в Москву люди из разных мест прибывают на вокзалы определенных направлений, то в Амстердаме вокзал – один-единственный. Терминал, построенный в 1889 году, так впечатлил японцев, что через двадцать лет они у себя в Токио воздвигают точно такой же.

На амстердамский вокзал не только прибывают все поезда, это транспортный узел. Отсюда расходятся более половины трамвайных и множество автобусных маршрутов. Сразу на выходе в город – вход в метро. Такси едут направо, автобусы – налево. От вокзала отправляются и двухчасовые туры по каналам. Расположен вокзал почти на берегу реки Эй.

За вокзалом высится 14-этажное здание. Это речной вокзал (Havengebouw).

Архитектурно гармонирует с вокзалом расположенная неподалеку церковь Святого Николая (1887 г.).

Пока огибаем вокзал, взгляд произвольно фиксируется на привокзальной площади с многоэтажной стоянкой, рассчитанной на 2500 велосипедов, на которой серой массой они припаркованы. В том, что велосипед здесь самое востребованное средство передвижения, мы убеждаемся сразу при въезде в город. На велосипедах мужчины в костюмах, дамы в платьях и на шпильках, девушки в шортах, в трусиках, в коротких юбках. Едут мальчики и девочки. Едут бабушки с зонтами и дедушки с багажом... Велосипеды припаркованы на протяжении всех улиц и вдоль каналов... Здесь они явно давно вытеснили автомобили.

Велосипеды – первое, что бросается в глаза на улицах. Ну а второе – это расположение зданий. Если глянуть наверх, то становятся заметны их наклон и кривизна. Здания кверху как будто расширяются. Обращаешь внимание на специальные крюки на верхних этажах. Исторически складывалось так, что раньше величина налога на владельца недвижимости зависела от того, насколько вдоль канала вытянут его дом. Поэтому все квартиры в Амстердаме узкие и вытянуты они не в длину, а в высоту. По таким узким квартирам совершенно неудобно носить громоздкие предметы. Для этого-то и существовали крюки, и дома делались с наклоном, чтобы можно было втянуть груз через окно. Забавно, но таким же образом доставляли наверх и напившихся до потери сознания голландцев. Вот откуда произошло выражение *летучий голландец*. Узость и плотность расположения домов в Амстердаме особенно заметна вдоль каналов.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Вот и площадь Дам. Она в нескольких минутах ходьбы от вокзала по улице Damrak. Не подумайте, что площадь так названа в честь прекрасного пола. «Дам» значит «плотина». Амстердам – плотина на реке Амстел.

Дирек желает нам счастливого пути, удостоверяется, что карта города при нас.

Окей! Встречаемся в 16-00.

Пошли...

Амстердам – одна из самых небольших европейских столиц. Это международный деловой центр, где новое и старое удачно сосуществуют. Для стиля жизни населения Голландии характерна терпимость к необычному поведению, которое часто осуждается даже в соседних европейских странах. В 2000 году была полностью легализована проституция. Легальной является продажа и потребление марихуаны и гашиша. Для этого отведены специальные места. В минимальной степени возбраняется лишь потребление кокаина и героина. С 1 апреля 2001 года заключаются однополые браки.

При первом посещении Амстердама шокируют автоматы с презервативами, которые на въезде в город встречаются даже в туалетах в придорожных кафе. Стоит подумать, отказываться ли от этих услуг, если вы хотите посетить знаменитый Музей секса или Район красных фонарей. Но об этом чуть позже.

Итак, мы на площади Дам.

Независимо от времени года создается впечатление, что здесь тусуется одна и та же публика. Снуют улыбающиеся кришнаиты. Танцуют на веревочках те же куклы.

Площадь Дам

Пьеро и Мальвина

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Проехала мимо, поскрипывая механизмом, большая шарманка. Вольготно гуляют пернатые хозяева – голуби. Циркачи, пожиратели огня, акробаты, шарманщики...

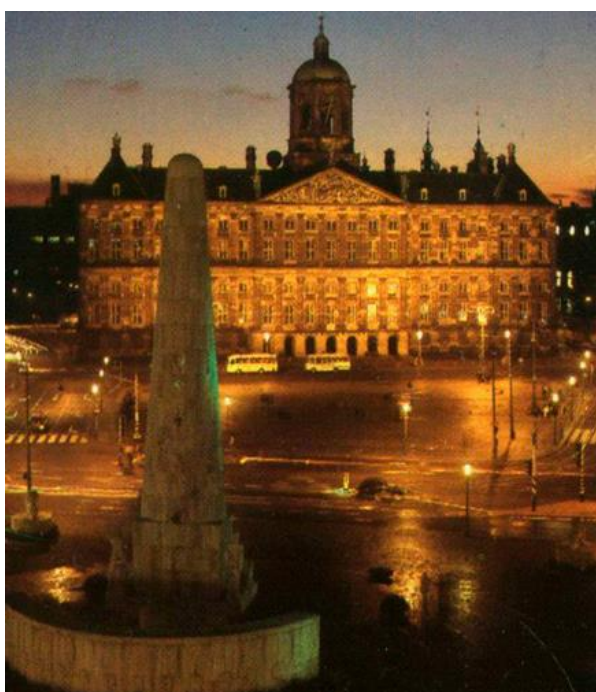
В 1950-х годах на ступеньках Национального памятника жертвам Второй Мировой войны собирались хиппи (панки), вокруг памятника они и ночевали. Теперь прочий люд валяется прямо на мостовой – отдыхает. Наблюдать это – удовольствие сомнительное, а тем более следовать их примеру. А может, усталость еще не накопилась, или не хотелось тратить драгоценное время.

Нет, все же не было желания расслабляться до уровня той суеты, где правят бал распушенность и вседозволенность. Однако замечу, что в последнее время площадь стала более спокойным и умиротворенным местом с сотнями живущих здесь голубей, готовых клевать корм из рук. Основной и главной достопримечательностью площади Дам является, безусловно, Королевский дворец с классическим фасадом и изящными скульптурами. В летний период он открыт ежедневно (кроме среды), если его не посещает королева Беатрикс. Сейчас королевская семья там не живет, она предпочитает уютный дворец Бинненхоф в Гааге.

Поёт, скрипя колёсами, шарманка
Амстердам.

Музыкальная шарманка

Королевский дворец в Амстердаме

Бинненхоф, Гаага

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Центральную часть Амстердама можно обойти в темпе за два – два с половиной часа. Но если прокатиться по каналу и посетить музеи, то для этого нужно приезжать сюда много раз. А посмотреть здесь есть на что. Амстердам – город музеев, их здесь более тысячи! И все музеи особенные. Страна, подчинившая себе море, стала колыбелью для сотен талантов. Назову только некоторых. Не сомневаюсь, что их имена вам известны: Пьер Мондриан, Бош Геронимус, Рембрандт Харменс ван Рейн, Винсент Ван Гог... Их живопись – детальное отражение Голландии, нрава ее жителей, простора полей, красоты улиц и площадей и, конечно, моря... Будь то пейзаж, портрет или бытовая сцена – их сущность понятна каждому человеку.

В Амстердаме находятся Музей Ван Гога и Дом-музей Рембрандта, а также крупнейший художественный музей Нидерландов – Рейксмюсеум. Естественно, что посещение этих достопримечательностей столицы планировалось в числе первых. Но, признаюсь, что произошло это не за один приезд, значительно большей популярностью пользуются в Амстердаме другие виды туризма. Теперь даже и не знаю, как можно выразить вкратце тот накопленный колоссальный объем информации об увиденном и услышанном... Даже совершенно равнодушный к живописи человек не может остаться без впечатлений от экспозиций этих музеев.

Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) родился в голландском городе Лейдене в семье мельника. Признание художника он завоевал прежде всего как портретист.

Музей Rembrandthuis – дом, где великий Рембрандт жил с 1639 по 1658 год. В отличие от музея Ван Гога, это восстановленные апартаменты великого художника. Здесь находятся только некоторые из его картин, работы его учеников и друзей. К тому времени Рембрандт был уже маститым художником, но дела его шли не так хорошо, как хотелось бы.

В 1656 году Рембрандт был объявлен несостоятельным должником. Дом и все его имущество пошли с молотка. В этот период великим художником была написана картина «Ночной дозор», признанная пиком его творчества в качестве портретиста.

Винсент Ван Гог (1853–1890) – голландский живописец, родился в семье протестантского пастора, в деревушке Грот-Зюндерт на юге Нидерландов, недалеко от бельгийской границы. Несмотря на голодное, почти нищенское существование, полное одиночества и презрения окружающих, он продал за всю свою жизнь только одну картину «Красные виноградники в Арле». Более тысяч рисунков и почти столько же картин – результат вулканических творческих извержений Ван Гога. В 37 лет он покончил со своей жизнью выстрелом в грудь из пистолета.

Музей Винсента Ван Гога – современное четырехэтажное здание. Весь второй этаж – Ван Гог. Здесь представлено около 200 картин художника, написанных в 80-е годы XIX века. По ним прослеживается, как художник оттачивал свое мастерство, приобретая мировую славу. Работы выставлены так, что можно наблюдать как меняются профессиональные навыки и мировоззрение великого художника. Создается впечатление, что раскрывается душа Ван Гога... От мрачных землистых полотен в Голландии до ярких, впечатляющих, выполненных в радостных тонах картин в Париже. Серия картин «Подсолнухи» стала одним из знаменитых произведений художника. Наряду с фантастической «Звездной ночью» подсолнухи стали символом живописи художника. В чем же загадка этой картины, что невозможно оторвать взгляда от *живых* подсолнухов?! Написана она была Ван Гогом для своего друга, Поля Гогена. Я стояла в полном оцепенении перед картиной «Цветущий миндаль». Это полотно было написано тоже в Париже в честь рождения племянника Ван Гога, и он воплотил весь свой восторг и эмоции в этом шедевре. Последние произведения художника освещены в музее очень ярко. Здесь же выставлены работы и художников из круга друзей Ван Гога: Поля Гогена, Клода Моне, Пабло Пикассо и др.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

На третьем и четвертом этажах – современная графика и компьютерные терминалы. В музее также представлены рисунки, скульптуры и гравюры других мастеров XIX века. На первом этаже картины современников и магазины с сувенирами.

В Государственном художественном музее Рейксмюсеум экспонируются коллекции нидерландской живописи. Это здание было построено в 1885 году и с тех пор не меняло своего внешнего вида. Основная экспозиция посвящена живописи Нидерландов XV–XVII веков (восточное крыло здания). Трудно себе представить, сколько посещений нужно было бы сделать в этот музей, чтобы обойти все 260 залов. Уделив полдня, мы смогли только поверхностно ознакомиться с шедеврами четырех мастеров живописи, являющихся славой Государственного музея. Это Франс Хальс, Ян Стен, Рембрандт и Вермеер.

Жемчужиной коллекции музея является полотно Рембрандта «Ночной дозор». Здесь представлены полотна и таких великих мастеров, как Рубенс, Брейгель и многих других.

Коллекция голландской живописи разделена на две части: работы мастеров конца XV – конца XVII в. и полотна XVIII–XIX столетий. Можно бесконечно долго знакомиться с собранием прикладного искусства: это и изделия из серебра, и знаменитый дельфтский фарфор (подобие российского гжеля), и коллекция произведения азиатского искусства.

Я просто физически не смогла уделить достойного внимания этому музею, но пришла к выводу, что при следующем посещении обязательно выделю время, чтобы вернуться сюда.

В каждом музее есть возможность выбрать по своему вкусу и достатку своеобразные сувениры, картины и другие поделки. Но самым дорогим приобретением, останется на память кусочек прекрасного, которым обогатилась ваша душа.

Гордостью Нидерландов считается алмазный промысел (с XVI века). Сейчас в Амстердаме существует пять алмазных фабрик. Туда возят туристов на бесплатные экскурсии, во время которых гиды подробно показывают все этапы превращения природного алмаза в ценнейший бриллиант. Там можно приобрести очаровавшую вас поделку – от безделушки до шикарного украшения. Все по достатку и вкусу...

3. Кокорина в Амстердаме

Амстердам (Я снова здесь)

Я снова здесь.

Привет, мой Амстердам!
Я рада нашей встрече,
 площадь Дам!
Национальный монумент – гордыня,
гостей тепло встречает и поныне.

Воркуя, те же голуби спуют.
Вальяжные... корм нехотя клюют.
Косясь украдкой на ладони, ждут
гостинца.... Значит, тоже признают.
Тусуются под монументом панки.
Поет, скрипя колесами, шарманка.
На длинных ниточках
 Пьеро с Мальвиной.
Дурачатся в массовках Арлекины...
Как было раньше, так же все и есть.
Уж не вчера ли я гостила здесь?..

В Madame Tussauds
 я сразу направляюсь:
фигуры восковые – моя слабость.
Вот тут-то явно изменилось все:
расширился музей Мадам Тюссо!
Я помню, как здесь раньше было тесно.
Теперь – персоне каждой свое место.

Для посетителей открыты двери.
Ступая в холл, глазам своим не верю:
вращается, как шар, цветок-бутон!
Приветствует входящих баритон
Синхронно со звучанием органа –
символика цветения тюльпана:
раскрылся плавно каждый лепесток...
Танцует в бликах фаворит-цветок!
Иллюминация и мягкий свет
сгущают впечатляющий эффект.
Программа шоу – новшество музея...
По нраву мне мадам Тюссо идея.

Когда бы пообщалась я с де Голлем,
С Маргарет Тэтчер и
 канцлером Колем?
О, даже Ельцин здесь и Горбачев?!
Творцы истории страны. Нет слов...

Весь быт Голландии перед глазами:
Панно с чарующими глаз цветами...
Здесь мельницы вращают жернова...
Крестьянский двор: коза, хозяйева...
Так фермеры трудились на полях...
А так сыры готовили в цехах...
Вот чайник антикварный паром дышит...
Идем к Ван Гогу. Он «Ирисы» пишет.
Рембрандт коснулся кистью полотна...
Эйнштейн мило улыбнулся нам...

Великому Петру – хвала и честь!

Он строить корабли учился здесь...
Мэрлин Монро, как в клипе, напевает,
И с платьем ветерок-шалун играет.

Ну что ж, пора, пожалуй, уходить.
Люблю по Амстердаму побродить,
пройтись вдоль улиц
 по рядам цветочным:

Тюльпаны, розы...
 Столько красок сочных!
Наведаюсь по ходу в бутики –
богатенькие частные ларьки.

Пора горячим кофе подкрепиться...
Успею ль по каналу прокатиться?
Срывается программа у меня:
Опять в музее провела полдня.

Часть 3. О вкусах не спорят

О музее Мадам Тюссо, о музее Хайнекен и еще кое о чем вкусненьком...

При каждом новом заезде в Голландию (а была я там четыре раза) я обязательно навещаю Музей восковых фигур Мадам Тюссо в Амстердаме. Расположен он тут же на площади Дам. Не навязываю своего мнения тем, кто игнорирует посещение этого музея (встречали и таких). О вкусах не спорят. Я постоянно нахожу в нем какие-то новшества, появление новых персонажей... Теперь в музее восковые фигуры не просто выставлены для показа, это – завораживающее зрелище, прекрасно поставленное и отрепетированное шоу, в котором с помощью спецэффектов и движущихся персонажей, с живыми глазами, воссоздан Амстердам XVII века. Приятных новшеств множество.

Музей Мадам Тюссо

При входе в музей (цена не ниже 20 евро) нас неожиданно поднимают на лифте вверх (раньше лифта не было). Из полумрака огромная фигура пирата, увешанная большим количеством символов страны и столицы, густым баритоном приветствует нас. Вероятно, и рассказывает он что-то из истории города и его жителей (позже выяснилось, что так оно и есть). В центре фойе

Синхронно со звучанием органа –
символика цветения тюльпана:
раскрылся плавно каждый лепесток...
Танцует в бликах фаворит-цветок!
Иллюминация и мягкий свет
сгущают впечатляющий эффект.
(Из стихотворения «Амстердам»).

В первых залах показана история Голландии. Представлен быт и крестьян, и богачей, а также известных людей золотого века. Пройдя через комнату ужасов, мы попадаем в зал знаменитостей. Когда и где я смогла бы увидеть и пообщаться с такими людьми!? Забываешь, что это лишь восковые двойники. Здесь и политические лидеры: королева Нидерландов Беатрикс, принцесса Диана, Де Голль, Петр I...

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

О! Да здесь и Ленин, и Горбачев, и Ельцин; и знаменитые ученые; и деятели науки искусства (Эйнштейн, Ван Гог, Сальвадор Дали); поп- и кинозвезды (Чарли Чаплин, Мерлин Монро, Майкл Джексон, Мадонна).

А вот и спортсмены: футболист бразилец Роналдо, знаменитый велосипедист Ланс Армстронг... Целый зал посвящен Рембрандту. Уф! Да разве всех упомнишь и перечислишь! Желая вам увидеть это своими глазами, пообщаться и сфотографироваться со знаменитыми персонажами. Кстати, филиалы лондонского музея Madame Tussauds есть в Нью-Йорке, Берлине, Лас-Вегасе и во многих других городах.

Посещение некоторых мест и музеев без гида-переводчика не имеет смысла. Но мы решили рискнуть и посетить самостоятельно музей-пивоварню Heineken. Теперь в России каждый любитель пивка знаком с маркой Heineken. Как же не заглянуть в такое заведение даже не любителю пива! Этот музей находится недалеко от Рейксмузея.

У входа всегда есть небольшая очередь. Ждем не долго.

В стоимость билета (около 10 евро) входит посещение всех экспозиций и три кружки самого настоящего прохладного пива (раньше была одна кружка). Оно варится в огромных чанах в пивоварне Heineken, отчего в музее стоит особый аромат. Пиво нам подают по ходу в барах музея. Здесь можно узнать не только интересную информацию о пиве, но и, приняв участие в развлечениях, весело провести время. Например, сыграть на барабанах, вообразить себя ди-джемом (вам предоставят пульт). В маленьком кинотеатре все зрители оказываются на месте бутылки пива и проделывают на экране путь от конвейера до магазина. Живое общение, веселое настроение и интерактивность музея – все это способствовало тому, что мы остались довольны экскурсией. И главное – все поняли: вкусный музей!

До встречи с Директом оставалось около часа, когда мы покинули *веселый* музей. Еще можно было подзаправиться кофе...

В этот день нам предстояло еще прокатиться по каналу. Вечерком, встретившись с Верой и знакомыми, мы заглянем в «квартал красных фонарей» и прогуляемся по ночному городу.

Мы уже знали, что в заведениях Coffeeshop позволена продажа некоторых наркотиков. Поэтому на вопрос «чай или кофе?» там называют только второй вариант. Поначалу, когда мы еще чувствовали себя в Амстердаме не совсем уютно (хотя и старались этого не показывать), мы попали впросак. Зайдя в кафе перекусить, я сказала по-немецки: «Один чай и один кофе» (супруг кофе не пил). Тут же последовал вопрос: «С молоком или с сахаром?» Я заказала молоко себе для кофе и две булочки. Следующего вопроса я не поняла. На губах официанта играла улыбка и при повторе вопроса я уловила, что он говорит или «с чем булочки», или «спецбулочки». Что-то меня смутило, и мы решили извиниться и ретироваться, сделав вид, что *нас не поняли*. Позже Вера объяснила нам, что в таких местах желающие могут заказать булочки или шоколад с марихуаной. Теперь, говорят, ассортимент блюд с таким наполнителем намного увеличился. Со временем я поняла, что это предлагается не во всех кофе-шопах, но заходить в них желание отпало.

Мы стали перекусывать только за столиками на улице, где можно с одной чашечкой кофе умиротворенно расслабиться от турпробежек по городу.

А знаете, в каком музее в Амстердаме можно получить настоящий кайф?

На той самой «улице красных фонарей», куда мы отправились вечерком, есть Музей марихуаны. Было достаточно прослушать информацию и дойти до дверей, чтобы понять, что нас не разыгрывают. Прямо у входа в музей растут симпатичные кустики. Их тщательно обнюхивают все туристы. Понятно, что внутри этого уникального музея мы заходить не собирались, но в кустики те, с лепестками, похожими на душицу, свой нос все-таки с шуточками сунули. Теперь я знаю запах марихуаны.

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

Вообще в Голландии есть где подкрепиться: вкусно и легко перекусить или чем-то полакомиться. Кругом полно крохотных кафе, маленьких и больших ресторанов, пивных баров... В заведениях Neerlands Dis можно попробовать фирменные голландские блюда.

Я, большой любитель рыбопродуктов, была очарована селедочкой свежего посола, присыпанной лучком. Жареную рыбу, прямо с огня,

продают и на пляже в Зандворте, и во многих точках всех городов Голландии. В былые годы, когда наши блюда из картошки не отличались разнообразием – жаркое, пюре да картофель жареный, – голландские картофельные блюда казались лакомством. Голландцы любят картофель в любом виде: тушеный в горшочках с мясом и специями, печенный на углях в фольге (у нас теперь типа этого «крошка-картошка») и самый *перекусочный* вариант – картошка фри. Ее продают на каждом углу. На тарелочках-лоточках, золотистая, под майонезным соусом – пальчики оближешь! Правда, почему-то быстро приелась... Популярны бобы с хрустящими шкварками «кантьес», сдобные булочки с изюмом. Гороховый суп и блины под сладким сиропом – истинно голландские блюда. Ну а с разнообразием голландских сыров приходится встречаться повсюду. Этот продукт – гордость Голландии! Хозяйка выкладывает их на деревянную доску большими кусками, и покупатель отрезает себе специальным ножом-лопаточкой, сколько хочет. Чем старше сорт сыра (с темными краями), тем он ценнее. Напитки здесь употребляют в огромном количестве, особенно вечером и ночью, на развлекательных программах (на улицах) и дома у телевизоров... Вина и пиво закупаются ящиками. Но алкоголиков здесь нет. Есть здесь со своими «кебабами» и турки, и целый квартал китайской кухни. А сколько видов разного по цвету и вкусу мороженого! Продавец накладывает его из лоточков шариками в вафельный стаканчик или в креманочку, обильно посыпает орешками или шоколадом или поливает вареньем... М-м-м! Впрочем, у нас теперь такое тоже есть.

Очень впечатлило меня посещение японского ресторана, где ужин готовится на глазах у посетителей. Повар, виртуозно играя лопаточкой и ножом, обжаривает на огромной плите овощи и мясо, обильно поливая их соусом, магически поджигает, бросает на тарелки и ставит перед нами шикарное (да еще и вкуснейшее!) блюдо. Все это происходит довольно быстро, нужно только дожидаться своей очереди. К блюду подается и горячительный напиток из риса в крохотных рюмочках: по вашему желанию сакэ (водочка) или соте (вино). И как японцы это пьют?!

Отвлеклась я немного от Амстердама, чтобы больше не возвращаться к теме о пище в Голландии.

О некоторых нетрадиционных местах – тоже национальном достоянии Голландии

Чтобы получить полное впечатление о жизни Амстердама – города, до предела заряженного энергией, надо непременно познакомиться с нетрадиционными местами. Выбор для посещения большой. Это музеи секса и марихуаны, кабаки, кафе-шопы, модные дискотеки и даже «Кабинет кошек». Ночь в Амстердаме не для сна. Именно в это время суток начинается посещение увеселительных заведений. В других городах таких зрелищ не встретишь. Голландцы говорят: «Роттердам работает, Гаага правит, а Амстердам гуляет». И это – истина.

«Квартал красных фонарей» считается достопримечательностью города, куда официально водят экскурсии. В первый раз, в 1990 году, мы попали туда поздновато. После девяти вечера, как правило, все труженицы пользуются спросом, и в витринах почти никого не было видно. Может быть, был коллективный выходной день? (Шутка). Да и публики было не очень много. Знакомство с кварталом произошло. В следующий раз, в 2007 году, мы присоединились к русской группе с Верой и друзьями. Дирек позже встретил нас. Экскурсия началась с маленького кабачка, где мы прослушали довольно-таки увлекательную лекцию. После бесплатно поднесенной рюмки вышли на улочку шириной не более полутора метров. Говорят, что это самая узкая улочка в мире. В витринах с красноватой подсветкой стоят или сидят женщины всех возрастов и национальностей. Всюду надписи «Не фотографировать!» или перечеркнутый фотоаппарат. Блюстителю порядка имеют право швырнуть ваш дорогой фотик в канал. (Представляю, сколько их там!)

Оказывается, для работы здесь проституткой отбирают теперь, пожалуй, строже, чем на конкурс красоты. С ними заключают контракт, выдают лицензию на коммерческую деятельность и начисляют пенсию. Для вновь поступающих теперь обязательное требование соответствовать размерам 90-60-90. Среди *стареньких* есть труженицы всякого возраста и размеров – на любой вкус и за разную плату. Кстати, эффект розовой подсветки может быть очень обманчивым, и в комнате перед вами может оказаться совсем не тот товар, который вы ожидали увидеть (страшная, старая). Посетителей предупреждают, чтобы были осторожны с выбором, так как встречаются транссексуалы. Говорят, полиция устала вывозить в психушку клиентов, которые впадают в истерику, попав в такую ситуацию.

Я помню, при первом посещении видела в окне мулатку очень даже внушительных размеров (мама Чоли). А сейчас за окнами, как мне показалось, было больше славянок. Российских тружениц здесь почти нет, как нам сказали, стоимость услуг в Москве практически приравнивается к голландским. В каждом окне есть афишка с телефоном. Можно назначить встречу или вызвать на заказ. Если света в окне нет, но горит сверху фонарь, значит проститутка занята. Если витрина совсем не светится, значит рабочий день закончен. Время клиенту строго определяется и фиксируется. Ровно по звонку труженица может оставить клиента... или тот должен доплатить. Его проблемы... Говорят, что многие девушки увлекаются тяжелыми наркотиками, т. к. не все запросы клиентов можно легко выдержать. Да уж... За ярким красным светом веселого района скрывается немало трагедий. Люди откровенно разглядывают *жриц любви*, а они стоят в различных позах манекенов с безразличным видом и с дежурными улыбками.

Что-то мне было совестно и грустно смотреть на них. В голове навязчиво вертелись слова «борделей окон негасимый свет...» на мотив известной песни. Нас предупредили, что нужно беречь карманы и поглядывать под ноги. На брусчатке в каком-то месте есть главный памятник района – работа неизвестного автора, посвященная всем ночным бабочкам Амстердама. Если

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

мужчина постоит на этом памятнике, то у него будет в жизни личной все отлично! Может быть, кто-то и останавливался, а может быть, и не на этой улице... Не заметила.

По заказам богатых дам и при содействии городских властей организован «квартал красных фонарей» с услугой из мужчин-проституток. Находится он в переулках между площадью Рембрандт-плейн и набережной реки Амстел.

В «квартале красных фонарей» множество не только секс-шопов, но и секс-театров. Часто такие театры работают круглосуточно. Платите 30-40 евро и заходите внутрь на неограниченное количество времени. Общее с театром в таком заведении – только сцена.

И разворачиваются на ней акты не театральные, а половые. Или можно поглядеть (за 8-10 евро) в окошечки, по кругу расположенные в кабине, внутри которой, на крутящемся столешнице перед вами изгибается девушка-гимнастка в бикини (постепенно скидывая и это). Трудно было удержаться от смеха, наблюдая за физиономиями моих знакомых в противоположных окнах. Вот и весь эффект от зрелища! Женщины у окошек не задерживались. О вкусах не спорят...

Много раз задавалась вопросом, идти или не идти в Музей секса. Не скажу, что очень хотелось, ведь всегда находилось что-то более захватывающее, на что стоило посмотреть, но в этот раз мы все же решили уделить время посещению нетрадиционных мест. Все-таки *самая естественная тема в мире является и самой исторической темой в мире.*

Sex Museum находится совсем недалеко от «квартала красных фонарей» на улице Дамрак (Damrak). Музей называют еще «Храмом Венеры». Вход примерно три евро. Открыт он с 1985 года. Тогда вызывало сомнения, придется ли кому-то по душе откровенная демонстрация эротических объектов XIX века. Однако энтузиастов оказалось много, выставка расширялась, публика была очарована новым музеем. Ведь артистическая и историческая тема секса всегда оставалась в тени, в то время как интриговала всех! Первый в мире Музей секса стал национальным достоянием Голландии и, конечно же, пользуется неизменной популярностью у туристов.

Чтобы настроиться на посещение трех этажей здания, я решила прежде всего скромно ознакомиться с книгой отзывов. Чувства и эмоции посетителей, оставивших свои впечатления, были совершенно противоречивыми: одним коллекция и экспонаты показалось забавными, другие откровенно и возмущенно называют это безвкусицей и вульгарностью. Зато потом, после таких интригующих отзывов, я отважилась на все взглянуть. Экспонаты из металла, фарфора, резины, пластика – все о сексе. Эротика, порнографические фотографии... Причем некоторые экспозиции (извращения) настолько причудливы и замысловаты, что хотелось бы

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

некоторых разъяснений. Здесь можно проследить историю печатных эротических и порнографических изданий, таких, как «Плейбой».

Путешествие по лабиринтам залов и коридоров построено так, что посетителя развлекают удивительные зрелища – движущиеся манекены. Экспозиция музея обильно декорирована ими. Тот, кто осмеливается подходить ближе, попадает в неожиданные ситуации: манекены вдруг хватают туриста, увлекают в темноту. Все это сопровождается подсветкой и специфическими звуковыми эффектами. Или вдруг перед вами выскакивает из засады господин, распахивает пальто и предстает во всей красе. А у этого господина, оказывается, есть подруга, которая в тот же момент откуда-то выпрыгивает и хватает вас за интимные места. Очень весело!.. Почему-то захотелось поскорее выбраться из этих лабиринтов. Между тем, в толпе шныряют юркие маленькие африканцы и вкрадчиво предлагают кокаин. Повсюду переливаются неоновые вывески секс-театров, предлагающие туристам реальное секс-шоу и т. п.

Хочу отметить, что в Амстердаме очень часто и на улице, и в музеях приходилось сталкиваться с русскоговорящими туристами. Наши соотечественники, *отстегнувшись*, опрометчиво считают, что тут их никто не понимает, и забывают о красоте нашего великого и могучего... Тут и понимаешь, насколько он разнообразен и сложен. Я явно ощутила пробелы в своем образовании, а также отставание в понятиях об эротике. Нет, при наличии свободного времени в следующий раз уж лучше зайду в Heineken или прокачусь на катере.

Поверьте мне, что ни в каком другом городе, катаясь на катере, вы не получите такого вот шокирующего эффекта. Проплывая по каналу Сингел, внезапно оказываешься погруженным в море цветов! Это плавучий цветочный рынок «Блуменмаркт». Расположен он на старых баржах. Улыбчивыми продавцами (совсем не дорого) будет собран любой букет на ваш вкус!

Совершая прогулку на катере, вы обязательно проплывете мимо Poezenboot – баржи, которая является приютом для бездомных кошек. В этот раз я не удержалась, чтобы не заглянуть к ним в гости. Здесь живут постоянно не менее 50 кошек. В Голландии очень любят кошек. Они есть буквально в каждом доме, в каждой квартире, в магазине, в отеле... Бездомных кошек в Амстердаме нет. Потерявшихся котов собирают на эту баржу. Несчастных беспризорных животных здесь обеспечивают и кормом, и лечением, и ночлегом. Около плавучего приюта всегда много туристов. Можно спуститься по лесенке на палубу и забрать с собой любое понравившееся животное. У меня промелькнула мысль сделать нашими родственникам живой подарок. Но я вовремя вспомнила, что у них давно живут три таких души.

В центре Амстердама – на набережной канала Херенграхт – есть и музей кошек Catten Cabinet («Кабинет кошек»). Этот музей вмещает огромное количество произведений искусства и прочих вещиц, посвященных кошкам. Более 5000 экспонатов размещены в шикарной трехэтажной вилле. Здесь представлены картины Рембрандта и Пикассо. В «Кабинете кошек» живут сами кошки. И они встречают гостей у входа. Красивые, ухоженные, дородные, эти пушистые хозяева не боятся фотовспышек и не проявляют страха перед толпами туристов.

Не очень-то я большой любитель кошек. Поэтому на сей раз удовольствовалась прогулкой рядом с музеем, изучением нарядного плаката: по пустынной аллее идет одинокий кот с высоко поднятым хвостом – и ознакомилась с информацией об интерьере. Может быть, как-нибудь в следующий раз загляну...

Как жаль, что не перечислить всего, что можно увидеть в этом удивительно маленьком, уютном, чистом, таком шумном, многоликом, богатом достопримечательностями и гостеприимном городе. Здесь любого человека принимают таким как есть, независимо от

Московский BAZAR № 5 (35) 2020 г.

возраста, вероисповедания или сексуальной ориентации. Здесь вы становитесь самим собой и можете делать, что хотите, думать, о чем хотите, любить, кого хотите. Жить *по своему вкусу!*

Остров Франекер (Голландия)

FRANEKER

Был Роттердам, Харлем...
был Утрехт... Пора
во Франекер, как намечали.
Ура!..

Нас катер по морю доставит
к причалу,
Под парусом плыть –
неплохое начало!

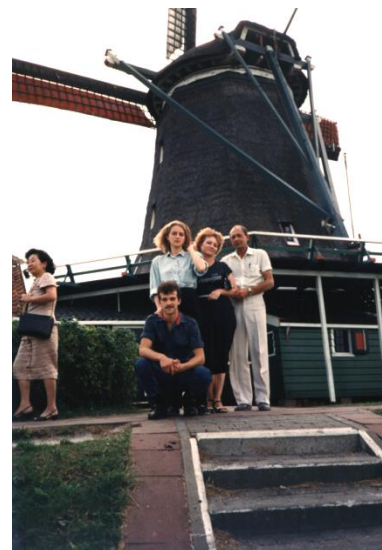
Уж чем же таким
примечателен остров?
Ведь здесь занимаются
лишь скотоводством...

Каналами выпас
на части поделен:
для каждого стада –
участок отдельный.
Есть пища, вода... –
значит, будет приплод.
Ведут здесь отбор
самых лучших пород.

Об этом поведал нам
экскурсовод,
Пока добирались до места...

И вот:
Теперь этот остров
лежит перед нами,
С двухъярусными
(как на картинке!) домами.

Почти у порога
каналы текут;
все дворики,
как на крутом берегу...

Через каналы – ниточки
наброшены мосточки.
Под черепичной плиточкой,
как бусинки в цепочке,
рядком дома-малышки,
в тон солнца рыже-красные.
Дома с такими крышами
и в непогоду праздные!

С фасадной стороны домов
венки-гирлянды из цветов.
А на мостках плетет листва
зеленой вязью кружева.
Весь в теплых, ярких красках
нас встретил остров-сказка!

Идем к каналу (или к речке),
На мельницу лежит наш путь.

Находим лесенку-крылечко...
Но внутрь нам не заглянуть:
вращаясь, лопасти скучают,
муки им не молоть сейчас...
Ведь эту мельницу включают,
лишь для туристов – напоказ.

Вот и квадраты равные –
линованы каналами.
По полюшку зеленому
гуляет сытый скот.
Кому такое снилось ли:
скотине столько милости?
Что б так вот за буренками
ухаживал народ!..

Все сытые да чистые,
как только что помытые.
Бока уютно-гладкие,
и ни единой складки нет.
А вымечко-то, посмотри,
провисло чуть не до земли!
Ведь будет в нем наверняка
под тридцать литров молока!..

Чуть позже гид нас приведет
на сыродельный их завод.
На пробу каждому дадут
вкуснейшей выделки продукт.
Известно, что голландский сыр
По вкусу признает весь мир.
Но то, чем угостят вас тут...
Попробуй – слюнки потекут!

Вот это остров –
Franeker!
Мы будем вспоминать теперь,
какой улыбчивый народ
на этом острове живет.

Московский салон литераторов (МОССАЛИТ)

www.moscowbazar.com

mari.veglinska@mail.ru

© МОССАЛИТ, 2021